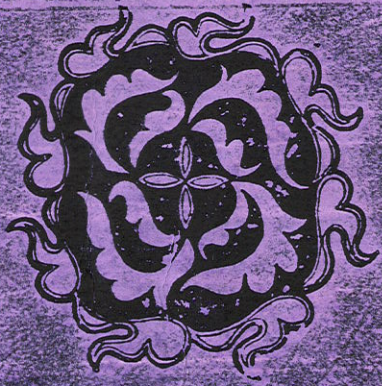
АН СССР
ИЭ

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА



АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Выпуск II

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

МОСКВА 1990

Ответственные редакторы: Б.А.Литвинский
Т.А.Жданко

Ответственный секретарь С.В.Чешко

Редакционная коллегия: С.Г.Агаджанов, В.Н.Басилов,
Е.Е.Неразик, Г.Л.Хить, О.М.Машкина

Е.Е.Неразик

ПРИАРАЛЬЕ: НЕКОТОРЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭТНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Известно, что роль природных факторов в формировании древних этнических общностей чрезвычайно велика. В условиях докапиталистических формаций географическая среда существенно влияла на сложение типов хозяйства, направление их развития и поэтому экологические данные постоянно учитываются при исследовании социально-экономических и (в меньшей степени) этнических процессов [1]. Адаптация человеческого общества к среде обитания находит, кроме того, отражение в особенностях его материальной и духовной культуры, чертах быта и т.д. Она "не только накладывает отпечаток на культуру народов... но, оказывая определенное воздействие на развитие производства, тем самым опосредствованно влияет на ход этнических процессов" [2].

Однако, если толковать термин "экология" расширительно, имея в виду не только природно-хозяйственные факторы, но и всю совокупность условий существования человеческих коллективов, включая их взаимодействие с социальным окружением, а также собственно этническое развитие [3], то аспекты данной темы окажутся практически неисчерпаемыми. В связи с этим, ограничив их круг, мы остановимся лишь на некоторых экологических особенностях, выделив те из них, которые, на наш взгляд, способствовали этнической стабильности общества и его внутренних связей, поскольку, как уже справедливо отмечалось, "этническая сплоченность общества поддерживается господствующей в нем социальной системой". Внутренние органические связи цементируют общество, обуславливая прочность и других связей – по языку, культуре, самосознанию" [4].

Приаралье представляется одним из наиболее перспективных регионов для разработки поставленной задачи. И дело не только в том, что в силу своего географического положения на стыке степей Евразии с древнейшими оседлоземледельческими цивилизациями Ирана и Средней Азии этот регион на всем протяжении своей

истории являлся одним из важнейших узлов скрещения этногенетических процессов [5]. Перспективность выбора этого региона заключается еще и в том, что к настоящему времени накопился большой фактический материал, позволяющий на новом уровне, с использованием теории этноса и на основе комплексного подхода рассмотреть интересующие нас аспекты этнической истории данной области.

Вместе с тем, учитывая, что в Приаралье в степном окружении сформировалась только одна древняя и высокая оседло-земледельческая цивилизация – хорезмийская – и взаимодействие скотоводов и земледельцев составляло здесь стержень этнических процессов, особое значение при их рассмотрении приобретает теория о хозяйственно-культурных типах (в дальнейшем тексте – ХКТ) [6]. В связи с этим важно отметить, что характеристика ХКТ Приаралья в последнее время существенно продвинулась вперед, подверглись детальному исследованию их развитие и взаимодействие на протяжении длительного периода, выделены их варианты [7], определены контактные зоны, где это взаимодействие носило наиболее активный характер [8].

С другой стороны, сделаны попытки разобраться в этнической ситуации, сложившейся в Приаралье в древности и средневековье [9], рассмотреть вопрос о становлении антропологического типа населения собственно Хорезма и его периферии [10] и, что особенно важно, проследить генезис отдельных этнических общностей, конкретные пути их перемещений, а также этнокультурные контакты на широкой территории [11].

В целом, совокупность разнообразных сведений позволяет выявить не только основы формирования экологического равновесия в Приаралье, нарушавшегося в периоды крупных миграций и завоевательных походов с заметным притоком иноэтничного населения, но и причины традиционности ХКТ, степень адаптации пришлого населения к новым условиям. Все это очень существенно для понимания роли экологии в ходе этнических процессов. Однако, наиболее важным в рассмотренном плане представляется вывод об исторически сложившемся различии хозяйственно-культурного развития двух областей Приаралья – низовий Амударьи и Сырдарьи [12]. К этому весьма значительному

итогу палеоэтнографических исследований в Приаралье неоднократно обращались при характеристике местных ХКТ и проблем ирригации [13], но, как нам кажется, эти данные еще не привлекались в достаточной степени под углом зрения развития внутренних связей общества и специфики его этнических контактов. Обращаясь к указанным вопросам, мы имеем в виду преимущественно т.н. "античный" период истории (с IУ в. до н.э. по IУ в. н.э.) с "выходами" в более поздние эпохи.

Установлено, что в низовьях Амударьи издревле сложился ХКТ пашенного земледелия, основанного на ирригации из крупной реки. Спецификой его является большая трудоемкость работ по проведению каналов на местности с незначительным уклоном поверхности; из реки, постоянно менявшей направление, подмывавшей берега, что требовало частого перенесения головных сооружений. Данное обстоятельство вынуждало земледельцев селиться вдалеке от реки и, соответственно, увеличивало протяжение каналов. Большое количество ила в водах Амударьи приводило к сильному заилению каналов и требовало их постоянной очистки. Все это обусловило необходимость жесткой кооперации трудовых усилий. Особо следует отметить, что в Хорезме земледелие возможно только на основе ирригации, в то время как в Согде, Чаче и других областях оно сосуществовало с богарным, причем согдийские богарные районы имели такое развитое сельское хозяйство, что один только средневековый рустак типа Бузмаджена или Абаргара по ал-Макдиси мог прокормить всю область в течение 2-х лет [14]. Не требует особых доказательств и тот факт, что орошение из небольших речек и саев много проще, чем из Амударьи [15]. Указанные особые условия, конечно, не могли не наложить отпечатка на формировавшееся в низовьях Амударьи общество. Так, уже В.В.Бартольд отмечал консервативность и архаичность многих черт материальной и духовной культуры Хорезма, а также то обстоятельство, что даже заимствованные извне черты "получают здесь новое развитие" [16]. Однако он объяснял эти особенности изолированным положением Хорезма, окруженного песками. Конечно, географическая изоляция влияла на формирование культуры Хорезма и отмеченная В.В.Бартольдом живучесть ее черт наблюдается, например, в формах архитектуры, керамики,

Вместе с тем, несомненно, особой устойчивости культуры способствовал также и сам строй хорезмийского общества. Необходимость упомянутой выше жесткой кооперации труда вызывала устойчивость и стабильность земледельческих общин, пронизанных родственными, агнатическими связями [17]. Мы соприкасаемся с данным явлением сразу же, обращаясь к пока немногочисленным древним документам. Напомним дома-семьи - ВУТ топраккалинских документов - это коллективы, где фигурирует не только семья домовладыки, но также его сыновей и дочерей [18]. В целом, включая рабов, такие семьи насчитывали от 20-ти до 40-ка человек. В более поздних надписях на топраккалинских оссуариях (УП-УШ вв.) выступает также обширный родственный коллектив, причем счет поколений ведется от одного предка по мужской линии [19]. К аналогичным результатам мы приходим в итоге исследования сельских жилищ и поселений, являющихся прекрасным источником для изучения семьи и общества. Опираясь на эти исследования, можно думать, что агнатические (патронимические) группы сохранялись в Хорезме на протяжении многих столетий [20].

В связи с вышеизложенным очень важными были бы сведения о роли религиозных и этических норм в жизни хорезмийского общества, в особенности - характере брачных запретов. Эндогамность общин, в частности, (если б таковая была установлена) явилась бы одним из важных условий сохранения этнической устойчивости и этнических традиций [21]. К сожалению, мы не располагаем прямыми данными по этому поводу, но все-таки некоторые основания для соответствующих предположений имеются. Отметим, прежде всего, что накопление письменных источников о древнехорезмийском обществе выявляет все больше точек соприкосновения с иранским обществом, что нашло отражение в сасанидском Судебнике Матакдан-и-Хазар-Датестан. И в данном плане примечателен факт эндогамности иранских агнатических групп [22]. К тому же эндогамия входит в число 10-ти предписаний Зороастра человечеству [23], а Хорезм по мнению многих исследователей - одна из исконно зороастрийских областей [24]. О.А.Сухарева, отталкиваясь от этнографических материалов, пришла к выводу о большой древности прослеживаемой ею семейно-родственной эндогамности земледельческого населения Средней Азии, в основе которой лежали экономические причины, в первую очередь стремление сохранить имущество семьи и избежать раздела земли при заключении брака [25]. Можно не сомневаться, что в рассматриваемый период в полной мере действовали те же факторы. Ими продиктованы и многие статьи упомянутого Судебника. Кроме того, как справедливо отметила О.А.Сухарева, хозяйство на поливных землях по сути своей требует стабильности обстановки, которая поддерживается такой системой семейно-брачных отношений, как эндогамия [26].

Все сказанное в свете имеющихся данных о довольно замкнутом, полунатуральном хозяйстве хорезмийских общин [27] позволяет сделать вывод об этнической устойчивости древнего хорезмийского общества, которое должно было труднее в силу этого поддаваться иноэтничным воздействиям извне, нежели структурно более рыхлые общества. К этому можно добавить и другие соображения об экологических и социальных особенностях Южного Приаралья. Так, отметим отсутствие там богатых залежей природных ископаемых (скромные месторождения таковых, имеющиеся в горах Султануиздага, никогда не играли сколько-нибудь важной роли в экономике Хорезма) [28] в отличие, например, от Чача, ставшего к эпохе средневековья центром металлургии Средней Азии. А это обстоятельство послужило основой для оживления городской жизни, развития торговли, способствовало активизации процесса оседания скотоводческого населения [29] и, в конечном счете, влияло на этнические процессы на Средней Сырдарье.

Ландшафт Приаралья не отличался разнообразием: здесь не было столь отличающихся ландшафтных зон как в Бактрии-Тохаристане, где в речных долинах, в межгорных котловинах, в различных горных поясах складывались специализированные хозяйственно районы [29], и это, в итоге, также способствовало развитию экономических, культурных и этнических контактов населения. К тому же и сам процесс оседания скотоводов и внедрения их в земледельческую сферу в разных ландшафтных зонах имел свою специфику. Как установлено, несомненно важную роль играл скотоводческий [illegible], обеспечивавший большую [illegible] оседание части [illegible] [30]. Так, в областях

Чирчика и Ангрена оседавшие кочевники, в отличие от Хорезма, попадали в генетически родственную среду с исходным скотоводческим субстратом и близким ХКТ, поскольку местное население наряду с поливным земледелием занималось еще и скотоводством на богарных землях. Кроме того, как указывалось, здесь было легче организовать орошения вновь осваиваемых аридных территорий, чем в низовьях Амударьи. Имела значение и плотность населения и особенности его расселения. Это обстоятельство отметил П.П.Иванов, указав, что оседлые жители и кочевники Ферганы, например, не были так резко разграничены территориально, как в низовьях Амударьи, где скотоводы, в силу плотности заселения центральных областей, оседали не чересполосно, как в Фергане, а на окраинах Хивинского ханства. Речь шла о XIX веке, но, по мнению исследователя, такое же положение наблюдалось и в X веке [31]. В рассматриваемый период пришлое кочевое население в Южном Приаралье легче вступало в контакты со скотоводческой периферией Хорезма, опосредствовавшей прямое этническое взаимодействие с собственно хорезмийцами. Это взаимодействие, дававшее мощные импульсы этническому развитию в Южном Приаралье, является специальной темой исследования. Отметим лишь, что оно вызывало к жизни специализированные ремесленные отрасли, поддерживало городское ремесло, особенно на окраинах страны, привело к притоку туда скотоводческого населения [32]. Не последнюю роль в ассимиляционных и иных этнических процессах, протекавших на периферии страны под эгидой Хорезма, принадлежала зороастризму (или, во всяком случае, близким ему верованиям и обрядам, характеризовавшимся, в частности, погребением в оссуариях) [33]. Не лишне в связи с этим заметить, что верования и обряды, как известно, рассматриваются как одно из главных проявлений этнической специфики, а унифицирующее значение религии в культурных и этнических процессах весьма велико.

Совсем иной мир (несмотря на общность истоков генезиса, восходящего к сакской древности) с иными общественными связями, этническими характеристиками и религиозными воззрениями представляют области Сырдарьи, Юго-восточное Приаралье. В качестве одного из ярких показателей различия этих двух

миров можно, видимо, рассматривать тот факт, что в этом районе вплоть до эпохи тюркского каганата нет никаких признаков оссуарного обряда, столь древнего в низовьях Амударьи. Этот факт примечателен еще и потому, что именно присырдарьинские области играли важнейшую роль в этнической ситуации, складывавшейся в Приаралье в целом и в Хорезме – в частности. Этнические же контакты населения низовий двух великих рек в известной степени определялись специфическими чертами сформировавшегося в Юго-восточном Приаралье общества, причем, как и в Южном Приаралье, существенную роль в этом плане сыграли местные экологические условия.

Население данной области издревле занималось каирно-лиманным земледелием, используя подтопление и дамбирование стариц, устраивая в них водохранилища. Здесь существовала мелкая оросительная сеть, но крупных каналов не было. На этой основе сложилось комплексное земледельческо-скотоводческо-рыболовческое хозяйство, для которого характерны натуральность, консерватизм и устойчивость [34]. Указанные черты, отмечаемые историками и этнографами, подкрепляются и археологическими данными [35]. Так, культуре т.н. "болотных городищ" и джетыасарского урочища свойственны чрезвычайный архаизм и стабильность, проявлявшиеся, например, в длительном сохранении на протяжении многих столетий таких архаичных элементов материальной культуры как лепная керамика кострового обжига, основных принципов планировки жилых помещений и строительной техники [36]. Думается, что специфика ХКТ, сложившегося в низовьях Сырдарьи, также должна была тормозить интенсивность этнических контактов между двумя рассматриваемыми областями [37], хотя, разумеется, она не определяла целиком культуру этнических общностей этих областей. Рассматривая вопрос об их контактах, следует учитывать, что Амударья и Сырдарья, по крайней мере в рассматриваемый период, служили ретрансляторами разных этнокультурных связей. Эту особенность отметил и В.В.Бартольд, разбирая вопрос о дуабе (пространстве между двумя реками, протекавшими так близко одна от другой, что их оросительные системы составляли как бы одно целое). В.В.Бартольд писал: "Таким дуабом в

Туркестане могла бы быть признана только местность между Чирчиком и Ангреном. Амударья и Сырдарья в верхней части своего течения отделены одна от другой высокими горными цепями, в нижнем – огромной пустыней. Область между реками не представляет и никогда не представляла ни в политическом, ни в этнографическом отношении самостоятельного целого; для будущей экономической жизни края местности, находящиеся вне дуаба, как Хивинское ханство и северная часть Ферганы, будут иметь во всяком случае не меньшее значение, чем середина дуаба – бассейн Зарафшана" [38]. В свете новых данных это интересное высказывание, получая подтверждение, может подвергнуться и некоторой корректировке. Так, уже в древности влияние Хорезма на низовья Сырдарьи встречало соперников. К периоду раннего средневековья в присырдарьинских районах начало ярко проявляться влияние Согда, подражание согдийским эталонам, опосредствованное, после оформления чачской государственности, воздействием Чача [39]. Таким образом, Согд – "середина дуаба" к УП–УШ вв. оказывал определенное влияние на эти области и Хорезму приходилось все больше считаться с его крепнувшим экономическим и культурным потенциалом. Не зря на хорезмийских монетах УШ в. появляются надписи на согдийском языке.

В эпоху средневековья ситуация в рассматриваемой зоне резко меняется. Имеющийся большой материал свидетельствует о том, что на разных этапах развития хозяйственно-культурных типов скотоводов и оседлых земледельцев неодинаковым был характер их взаимодействия. Значительно уменьшается воздействие ХКТ на этнокультурный фонд. Можно говорить о качественном изменении этнических процессов в Приаралье. Важную роль в этом смысле сыграло формирование в раннем средневековье скотоводческого хозяйства с дальним циклом перекочевок. Изобретение стремени, высокого седла, несомненно отразились на мобильности скотоводов. А накопление богатств, концентрация скота в руках кочевой знати влекли их к расширению пастбищ, приводили к столкновению с Хорезмом. Огузско-сельджукские завоевания, правление Ануштегинидов, объединивших в своих руках территории обеих дельт, изменили роль присырдарьинского

региона в этнических контактах в Приаралье.

С другой стороны, в основе этнокультурных и этнических контактов, помимо усиления производящего хозяйства в степях Сырдарьи, лежат теперь такие факторы как разрыв локальных связей в Хорезме благодаря распространению икта и замене старой родовой аристократии новой служилой знатью, часто – иноэтничной, огузо-кипчакского происхождения; рост торговли, городов, в полном смысле преобразовавшие этническую карту низовий двух великих рек. Следует учесть и роль исламизации обществ, нивелирующей культуру населения.

Однако, эти консолидационные процессы все-таки не смогли стереть до конца этническое своеобразие древнего субстрата, проявлявшегося в отдельных элементах материальной и духовной культуры еще много веков спустя в процессе формирования новых средневековых тюркоязычных народностей.

Конечно, в данной небольшой статье не исчерпана обширная тема об экологических аспектах этнических процессов в Приаралье. Повторим, что ставилась лишь задача выявить некоторые этностабилизирующие факторы, способствовавшие устойчивому сохранению этноса, этнодифференцирующих черт и, в конечном счете, яркой этничности населения Приаралья в древности. Разумеется, однако, нельзя представлять себе развитие этнических общностей той поры вне всяких контактов, в изоляции; напротив, имеющиеся антропологические и археологические материалы отражают большую сложность этнических процессов, их многогранность и неоднолинейность, особенно в периоды крупных этнических перемещений и завоеваний, которыми богата история этого региона. Однако, эти сюжеты не являлись предметом рассмотрения и заслуживают специального исследования.

1. Так, И.И.Дьяконов, анализируя пути развития ранних обществ Ближнего Востока, отмечает, что именно экология (наряду с общим уровнем развития производительных сил) диктует, какие конкретно формы примут и сколько будет длиться тот или иной этап его развития – И.М.Дьяконов. Основные черты древнего общества (раздел из истории Западной Азии) // Проблемы социально-экономической истории Востока. М., 1971. С.141-142.

2. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. С.261.

3. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С.212-215 и сл.

4. Лашук Л.П. О формах домациональных этнических связей // Вопросы истории. 1967. № 4. С.81.

5. Толстов С.П. Аральский узел этногонического процесса. // Сб. СЭ. VI-VII. М.-Л., 1947.

6. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. 1965. № 4.

7. См. статью Б.И.Вайнберг в данном сборнике, там же - литература по этому вопросу.

8. Вайнберг Б.И. Модели взаимодействия скотоводов и земледельцев по археологическим материалам из Хорезма и сопредельных областей // Сб. тезисов "Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций". Алма-Ата, 1987. С.15-18.

Неразик Е.Е. Некоторые аспекты взаимодействия земледельцев и кочевого населения в эпоху раннего средневековья. Там же. С.183-185.

9. Неразик Е.Е. Об этнических процессах в раннесредневековом и средневековом Хорезме // Материалы к этнической истории Средней Азии. Ташкент, 1986.

10. Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К. Некрополь древнего Чиздахкана. Ташкент, 1970. С.169-245; Ходжайов Т.К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент, 1980. С.7-18; Яблонский Л.Т. Взаимодействие кочевых племен и древних земледельцев Хорезма по материалам могильников (I тыс. до н.э. - сер. I тыс. н.э.) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1987. С.131-133.

11. Андрианов Б.В., Левина Л.М. Некоторые вопросы исторической этнографии Восточного Приаралья в I тыс. н.э. // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979; Буряков Ю.Ф. Археологические материалы к этнической истории бассейна Средней Сырдарьи в древности и средневековье // Материалы к этнической истории Средней Азии. Ташкент, 1986.

12. Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1968. С.226-227.

13. Андрианов Б.В. Проблема исторического взаимодействия кочевых культур и древних земледельческих цивилизаций в свете концепции о хозяйственно-культурных типах (по материалам Приаралья) // Взаимодействие кочевых культур... С.13-15.

14. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. Т.II. Ч.I. М., 1963. С.114.

15. Народы Средней Азии и Казахстана. Т.I. М., 1962, С.32-36.

16. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Соч. Т.II. Ч.I. М., 1963. С.206.

17. Длительное сохранение общин и общинных связей вследствие ирригационного земледелия подчеркивается исследователями докапиталистических формаций на Древнем Востоке, особенно в дискуссиях об азиатском способе производства (см. Ю.В.Качановский. Дискуссия об азиатском способе производства на страницах зарубежной марксистской печати // Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1971; Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1975. С.113-160 и др.). Однако, значение этого факта для хода этнических процессов обычно не рассматривалось.

18. См. Лившиц В.А. Гл.VI "Документы" // Топрак-кала. Дворец. М., 1983. С.226-267.

19. Гудкова А.В., Лившиц В.А. Новые хорезмийские надписи из некрополя Ток-кала и проблема хорезмийской эры // Вестник Каракалпакского филиала АН Уз.ССР. 1967. № 1. С.7-9.

20. Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I-XIV вв.). М., 1976. С.222-223, 228-230.

21. См. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. С.119.

22. Периханян А.Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983. С.64-65.

23. Периханян А.Г. Указ. соч. С.65.

24. Дьяконов М.М. История древнего Ирана. М., 1961. С.360, 362; Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948. С.19-20; Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971. С.18, 56-57 и др.

25. Сухарева О.А. Традиции семейно-родственных браков у народов Средней Азии // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978. С.120-124 и сл.

26. Сухарева О.А. Указ. соч. С.125.

27. См. Неразик Е.Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966. С.111.

28. См. Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982. С.127-135 и сл.

29. Ртвеладзе Э.В. Древняя Бактрия-Тохаристан. Автореф. докт. дисс. М., 1988. С.11.

30. Вайнштейн С.И. Проблема формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии // Сб. тезисов: Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых исследований 1970 г. М., 1971. С.49.

31. П.П.Иванов. Очерки по истории Средней Азии. М., 1958. С.151, 184.

32. См. Неразик Е.Е. Сельское жилище... С.217; Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977. С.95.

33. Яблонский Л.Т. Взаимодействие кочевых племен и древних земледельцев... С.132.

34. Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. С.185-221.

35. Кданко Т.А. К вопросу о хозяйственно-культурном типе полуоседлых скотоводов - земледельцев - рыболовов дельтовых областей Средней Азии // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
Марков Г.Е. Кочевники Азии. М., 1976. С.25.

36. См. статью Л.М.Левиной в наст. сборнике.

37. В этой связи интересно отметить, что даже в условиях непосредственного соседства с Хорезмом в рамках единой государственности и религиозной системы населения Кердера (дельта Амударьи), занимавшееся тем же комплексным хозяйством, что и обитатели низовий Сырдарьи, в течение нескольких столетий устойчиво сохраняло архаичные черты культуры, в частности, изготовляло лепную керамику кострового обжига, составлявшую не менее 80-90 % всей посуды.

38. Бартольд В.В. Рецензия на кн. W.Rickmer'a "The Duab of Turkestan" (1913)
// Соч. Т.Ш. М., 1965. С.296.

39. См. Массон В.М. Согдийская эпоха и культурная интеграция // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Душанбе, 1977. С.5-7; Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986. С.93-96 и сл.; Андрианов Б.В., Левина Л.М. Указ. соч. С.97-98.

Б.И.Вайнберг

РОЛЬ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ (по археологическим материалам из Восточного Прикаспия и Приаралья)

Общность территории является, как известно, одним из основных условий возникновения и существования этнической общности. Особенности природных условий в ходе этногенеза наряду с другими факторами влияют на характерные черты материальной и духовной культуры этносов. Хотелось бы обратить внимание на влияние экологических факторов на формирование этнической территории. Тесную взаимосвязь их в прошлом (в древности и в средневековье), особенно в аридной зоне, показывают археологические и этнографические материалы.

Территория Восточного Прикаспия и Приаралья может рассматриваться как единая экосистема скотоводов и земледельцев пустынной зоны Средней Азии. Комплекс природных условий (в первую очередь источники обводнения и сезонные пастбища) обусловил традиционные размеры хозяйственных территорий в регионе. Здесь с древности вплоть до начала XX в. соседствуют хозяйственно-культурные типы: оседлых земледельцев дельтовых областей (ирригация), оседлых и полуоседлых скотоводов дельтовых областей, в хозяйстве которых традиционно присутствует и земледелие (чаще всего кашрное и лиманное), и кочевников-скотоводов пустынь и полупустынь (различные подтипы и их сочетания). Последних часто безосновательно относят к хозяйственно-культурному типу кочевников степей, хотя характер ведения скотоводческого хозяйства у них (отсутствие табунного коневодства, например) резко отличен от того, что известен в степной зоне.

Постоянное взаимодействие разных групп населения пустынной зоны Средней Азии на протяжении веков показывает, что на практике складывалось несколько моделей взаимодействия скотоводов и земледельческих цивилизаций в этом регио-

не [1], хотя этот сложный и многогранный процесс не получил полного отражения в археологическом материале, на базе которого ведется наше исследование. Перечислим эти модели:

1. Преимущественно торговые отношения.

2. Культурное влияние земледельцев, вызванное их относительно кратковременным политическим объединением со скотоводами.

3. Постоянное взаимодействие скотоводов и земледельцев, проживающих в пределах одного оазиса или более крупного района.

4. Массовые миграции, при которых активизируются взаимодействия скотоводов и земледельцев, происходит частичная седентеризация кочевников в оазисах, активизируются процессы культурного взаимодействия, этнической ассимиляции, интеграции и т.д.

Для сложения той или иной модели взаимодействия определяющее значение имеют географические условия (среди них близость или удаленность от земледельческих оазисов скотоводческих групп населения, особенности хозяйства, связанного с конкретной природной "нишей", резкое изменение условий обводнения), а также уровень развития производства в земледельческих областях и политические условия.

В настоящее время для древности мы располагаем археологическими материалами из Хорезма, включая его скотоводческую периферию [2], низовьев Сырдарьи [3] и Восточного Прикаспия [4], а также Восточного и Центрального Устюрта [5]. Многие, если не большинство этих материалов, опубликованы [6].

Сейчас этот представительный материал дает основание выделить определенные культурные ареалы и проследить развитие культуры в их пределах.

По конструкции погребальных построек (каменные наземные или слегка заглубленные в грунт склепы с ложносводчатым перекрытием) и обряду захоронения (практически выставление в склепе на уровне древнего горизонта, на смену которому приходит захоронение здесь же очищенных костей в сосудах и оссуариях) выделяется район от Узбоя на юге до северной ча-

сти Устюрта и от Каспия на западе до Сарыкамыша на востоке, в устюртской части - вплоть до Арала. Здесь известны памятники, начиная с УП-У вв. до н.э. На материалах Узбоя и северо-западной Туркмении выделен комплекс местной лепной керамики с рядом характерных только для этого района признаков. В районе Большого Балхана и у Келькора (вблизи впадения Узбоя в древности в Каспий) комплекс керамики имеет ряд региональных особенностей. Здесь же в местах, удаленных от гор, встречены и погребения очищенных костей с небольшим инвентарем в ямках и сосудах. В каждом из этих выделяющихся здесь подрайонов открыт культовый центр скотоводов: это Ичяпы-депе на Узбое (возвышенность Дордуль) и Гараул-депе на верхней точке Большого Балхана. Оба эти памятника связаны с культом огня и культом предков, возможно, среди объектов почитания была и вода. Природные условия этого района - каменистые и небольшие песчаные пустыни восточного Прикаспия, ограниченные с юга руслом Узбоя, условия водообеспечения определяли в древности и тип хозяйства - подвижное (возможно, пастушеское) скотоводство. Вблизи Узбоя и колодцев и родников на Заузбойском плато встречаются остатки развеянных поселений. Рыболовство и охота были бесспорно дополнительными отраслями хозяйства. Именно к группе кочевников, живших у Узбоя и его устья, можно отнести свидетельство Страбона (XI, УШ, 7) о массагетах- обитателях равнин, которые "не занимаются земледелием (хотя земля у них есть), но живут на манер кочевников и скифов, питаясь бараниной и рыбой". Гончарная керамика в этом районе представлена единичными экземплярами, преобладает парфянская, на верхнем Узбое - хорезмийская. На среднем Узбое к I в. до н.э. возникла парфянская крепость Игдн-кала, просуществовавшая до конца обводнения Узбоя (до IУ в. н.э.)[7]. Инвентарь погребений указывает еще на одно направление торговых связей - на север в Приуралье, что могло быть связано с летними перекочевками скотоводческих групп из северной части этой зоны. Особенно сильны эти связи на Устюрте, В.Н.Ягодин на основании их делает даже вывод о принадлежности ряда погребальных комплексов

к прохоровской культуре [8]. В устюртских материалах заметнее и влияние Хорезма, именно через него по путям перекочевок на север поступала хорезмийская гончарная керамика (особенно в IУ–П вв. до н.э.), находки которой сейчас известны вплоть до Башкирии [9].

Массовый переход к концу П в. до н.э. к захоронению очищенных костей в сосудах и оссуариях, фиксируемый на материалах приузбойских памятников, возможно, происходил под воздействием культовой практики, широко распространившейся в Хорезме даже среди некоторых скотоводческих групп населения.

На территории восточного Прикаспия и Приаралья можно выделить следующие основные экологические районы (ниши), в пределах которых обеспечивался необходимый комплекс природных условий для того или иного вида хозяйственной деятельности человека:

I. Прибалханье, Красноводский полуостров, пески Чильмамедкум и прилегающая часть Заузбойского плато. Кочевники (полукочевники), снабжавшиеся водой колодцев и естественных водных источников. Верблюдоводство и овцеводство. Малый радиус перекочевок, иногда пастушеское скотоводство. В периоды обводнения Узбоя в древности и средневековье в его дельте образовывался особый хозяйственный комплекс, где скотоводство сочеталось с интенсивным рыболовством.

2. Узбой, прилегающая часть Заузбойского плато и северная часть низменных Каракумов. В периоды обводнения Узбоя – полукочевники, значительное развитие рыболовства. В остальное время – кочевники, с водоснабжением из малого количества колодцев (в основном в зоне стока весенних вод с возвышенностей).

3. Западноприсарыкамышский – Ассакекауданский район, пески Кумсебшен. В периоды обводнения впадин-озер в древности и средневековье – полукочевники с малым радиусом откочевок.

4. Центральный и восточный Устюрт, Кочевники, меридиональные пути перекочевок.

Районы 2–4 по комплексу пастбищ преимущественно овцеводческие, в небольшом количестве – верблюды.

5. Мангышлак. Археологически почти не изучен. Полукочевники и кочевники. Незначительное развитие земледелия и полуоседлых форм скотоводческо-земледельческого хозяйства на родниках и в зонах саев. Сезонные откочевки на север.

6. Присарыкамышская дельта Амударьи в части, обрамляющей с запада земледельческий оазис Хорезма в периоды обводнения в древности и средневековье. Оседлые и пастушеские скотоводы и примитивные земледельцы без ирригации, проживающие в соседстве с земледельцами Хорезма и в пределах древнехорезмийского государства. Разведение крупного рогатого скота, коневодство.

7. Хорезмская низменность в дельте Амударьи. Ирригационное земледелие с придомным и, возможно, отгонным скотоводством.

8. Акчадарьинский коридор и северная Акчадарьинская дельта на востоке Хорезма. Скотоводы, характер хозяйства неясен, скорее всего – полукочевники. Оседлые поселения с ирригацией в Барактамском оазисе. Культурные связи с присырдарьинскими районами.

9. Древняя дельта Сырдарьи – Жанадарьинский и Кувандарьинский районы. Оседлые и пастушеские скотоводы. Примитивная ирригация и земледелие. Территория зимовок больших групп скотоводов. В едином комплексе с этим районом в связи с этим надо рассматривать и районы I0 и II.

I0. Центральные Кызылкумы. Кочевники и полукочевники на колодцах и родниках в зоне возвышенностей и гор. Тесная связь с низовьями Сырдарьи с одной стороны и оазисами Согда.

II. Восточное и Северное Приаралье. Кочевники. Весенние и осенние пастбища для кочевников, зимующих в низовьях Сырдарьи.

I2. Малые и Большие Барсуки и прилегающие невысокие горные массивы (Муготжары и др.). Кочевники. Район почти не изучен археологически.

Интересно отметить, возвращаясь к наиболее исследованно-

му району Узбоя, что когда в связи с новым обводнением Узбоя в средние века заселяются его берега, то культурные ареалы (выделенных Х.Юсуповым на Узбое [10]) почти полностью повторяют картину древней эпохи.

Изучение памятников Присарыкамышской дельты Амударьи обогатило нас знаниями и о различных по происхождению и характеру культуры группах скотоводов и их взаимодействии с земледельческим населением на протяжении от УП в. до н.э. до У в. н.э. Широкое обводнение дельтовых районов к началу УП в. до н.э. привело к заселению этого района новыми группами скотоводов, для которых известны крупное оседлое поселение Куюсай-2 с ремесленным производством и серия курганных могильников. Материальная культура куюсайцев освещалась в печати [11], следует обратить лишь внимание на тот факт, что теперь после широких раскопок Л.Т.Яблонского курганных могильников на возвышенности Сакар-чага, ближайшей к поселению Куюсай-2 [12], можно говорить о двух группах населения и двух культурных компонентах, легших в основу куюсайской культуры. В материалах Л.Т.Яблонского представлены памятники саков низовьев Сырдарьи. Для них кроме характерного и известного по материалам Уйгарака и Тагискена (сакского) погребального обряда (с рядом разновидностей) обычны предметы вооружения, конская узда и звериный стиль. Керамический комплекс принесен в этот симбиоз той группой куюсайцев, для которой были характерны погребения в неглубоких ямах, известные по могильникам Тумек-кичиджик и Тарым-кая I. Л.Т.Яблонским фиксируется различный антропологический тип для этих двух групп населения. Позже У в. до н.э., по имеющимся в настоящее время материалам, куюсайцы не исчезают и не растворяются в других группах, антропологический тип в погребениях потомков куюсайцев один, он, по данным Яблонского, совпадает с "сырдарьинским" сакским. Сейчас мы определенно можем говорить о том, что "куюсайская" культура не исчезает бесследно в IУ в. до н.э [13]. На западной окраине Хорезма открыто большое количество поселений на естественно обводненных протоках, где наряду с гончарной хорезмийской посудой

встречена лепная, продолжающая куюсайские традиции. В ряде мест вблизи этих поселений были курганные могильники, содержавшие погребения очищенных костей в сосудах и оссуариях. Часть этих погребений, особенно детские, совершалась в лепных куюсайского облика сосудах. Можно даже наметить основные тенденции в развитии этой лепной посуды в эпоху после прекращения существования поселения Куюсай-2. Для поселений скотоводов фиксируются особенности в строительной технике, планировке. О тесном взаимодействии с земледельческим населением свидетельствует не только гончарная керамика и заимствованный не позже IУ в. до н.э. обряд захоронения, но и ряд фактов, свидетельствующих о включении скотоводов в систему государственных взаимоотношений. В зоне скотоводческих поселений и могильников создаются хорезмийские крепости-города, ставшие большими центрами, вокруг которых формировались открытые поселения (Канга-кала и Акча-Гелин). Часть такого "пригорода" на Канга-кале была заселена потомками куюсайцев. В зоне расселения скотоводов создавались ремесленные поселения, на поселении Гяур-3 открыто круглое культовое здание, связанное, очевидно, с культом плодородия. В первых веках н.э. вместо усыхающих протоков мощный канал Чермен-яб имел сброс в естественные притоки на территории скотоводческих зон расселения.

Не позже рубежа IУ-Ш вв. до н.э. в левобережный Хорезм проникает еще одна группа скотоводов, для которой характерен обряд погребения в подбоях и катакомбах (первый при северной и южной ориентировке, второй – только при южной), в ранних погребениях этой группы встречена гончарная керамика неизвестных в Средней Азии типов, своей керамики, кроме круглодонных горшочков-курильниц эти скотоводы не имели, в Хорезме они быстро перешли к употреблению местной гончарной посуды. Возможно, что они частично потеснили "куюсайцев", так как местами их могильники расположены рядом, но все же можно отметить, что наибольшее количество подбойно-катакомбных могильников расположено к северу от расселения куюсайцев, поселений у них нет. Для этой скотоводческой

группы возможно предположить кочевой тип хозяйства с небольшим радиусом перекочевок в пределах обводненной Присарыкамышской дельты. С усыханием всего этого района в IУ–У вв. исчезает отсюда все население.

Сравнение материалов правобережного и левобережного Хорезма позволяет сейчас говорить об особенностях развития материальной культуры в каждой из них в "античный" период, что часто связывается и с взаимодействием с культурой скотоводов [14]. После IУ в., очевидно, часть последних продвинулась в обводненные оазисы Хорезма, где археологические следы их теряются.

Не совсем ясно место северной Акчадарьинской дельты в системе культурных ареалов, в раннее время здесь был распространен хорезмийский материал при своеобразной лепной посуде (по материалам подъемных сборов), а в IУ–У вв. Бирактамский оазис характеризуется тесными связями с районом средней Сырдарьи, неясны и истоки обводнения этого района, так как, судя по археологическим материалам, Жаныдарья в это время не функционировала [15].

Дельтовая зона Сырдарьи – традиционный район зимовок для кочевников, освоивших пастбища северного и восточного Приаралья. Еще в эпоху ранних кочевников свидетельством этому были тесные связи Уйгарака и Тагискена с савроматами Приуралья, что неоднократно отмечалось исследователями. Ахеменидские завоевания в Средней Азии достигли этих пределов, свидетельством чего осталась недостроенная резиденция сатрапов на Бабиш-мулле. С влиянием Ахеменидов на заключительном этапе существования этой империи связано широкое распространение здесь в зоне сакских зимовок сырцовой архитектуры, согдийского по происхождению комплекса гончарной посуды (исследования ее проводились Л.М.Левиной) и неукрепленных сельских поселений с архаической по типу ирригацией [16]. Сохраняются местные типы погребальных сооружений, восходящие к раннесакским памятникам этого района, и местная лепная керамика (чирикрабатская культура). После падения власти Ахеменидов происходит заметное огрубление приемов строительства и изготовления гончарной посуды. Изменения в об-

ряде захоронения (переход к выставлению трупов вместо кремации – не позже П в. до н.э.), вероятно, связан с влиянием Хорезма, но это не бесспорно. Интересно, что в погребальных комплексах чирикрабатской культуры есть греческие деревянные пиксиды и костяные вещи, вероятно, сюда попавшие в итоге греческих походов в Среднюю Азию. Ко П в. до н.э. в связи с усыханием западных протоков Жаныдарьи гибнут памятники чирикрабатской культуры, носители ее покидают этот район в Ш–П вв. до н.э. После этого в дельте Сырдарьи сохраняются только традиции сырцового строительства на памятниках джетыасарской культуры [17], занявшей ведущее место в регионе после ухода чирикрабатцев. Их сосуществование, в Ш–П вв. до н.э., по крайней мере, фиксируется археологическим материалом. Именно с джетыасарским комплексом можно связывать коренные земли Кангюя, в эпоху экспансии территория которого сильно расширяется. При всей сложности и спорности сопоставления археологических культур и комплексов с этносами, роль археологических материалов в изучении исторической географии этнокультурных общностей признается большинством исследователей.

В исследуемом регионе, как это следует из характеристики археологического материала древней эпохи, выделяются по сочетанию прежде всего погребальных сооружений, комплексов керамики, прежде всего домашнего производства, в ряде случаев поселений и культовых построек, а также по направлению культурных связей три области, объединяющие каждая близкие экологические районы, отмеченные выше.

I. Северо-западная Туркмения и Устюрт, возможно, и Мангышлак (I–4 и, возможно, 5 районы). Причины расширения или сужения территории этой и других областей зависели, очевидно, прежде всего от палеографической ситуации и в какой-то мере от политических условий (завоевания).

П. Хорезм (6–8 районы), 8 – условно.

Ш. Низовья Сырдарьи и Северное Приаралье. По комплексу археологических и этнографических данных 9–I2 районы.

Есть основания предполагать, что и этнические процессы, прежде всего консолидационные, шли в пределах областей, объединенных хозяйственной и культурной общностью. Уже сей-

час для отдельных экологических районов, внутри общего культурного единства всей области намечаются некоторые особенности (например, левобережный Хорезм, Прибалханье, чирикрабатская и джетыасарская культуры в дельте Сырдарьи в эпоху их сосуществования). Для исследуемого региона количество письменных источников весьма ограниченно, интерпретация ряда из них спорна. Вместе с тем в них, вероятно, нашло отражение исторически существовавшее деление пустынной зоны Средней Азии на три области. Это данные о саках, массагетах и хорасмиях (Страбон, XI, УШ), или о хорезмийцах и "соседних с ними по области" массагетах и дахах (Квинт Курций Руф, УШ, 8). Массагеты локализуются большинством исследователей на территории к востоку от Каспия [18] (первая из выделенных нами областей), а саки-дахи, происходящие из области близ Меотиды (Аральское море в данном случае) и жившие за Сырдарьей и в ее дельте, могут быть связаны с третьей из выделенных нами областей [19].

В средние века общая картина расселения и хозяйственного освоения указанных территорий и их разграничение сохраняется с поправкой на временные изменения палеогеографической ситуации. Но широкое распространение мусульманского обряда погребения и гончарной керамики в связи с общим в Средней Азии развитием ремесла и торговли уже значительно нивелируют культуру всех трех выделенных областей. Но это компенсируют письменные источники, фиксирующие те же три историко-этнографические области.

Этнографический материал значительно пополняет и проясняет картину, реконструируемую по данным археологии [20]. Экологические условия, прежде всего комплекс природных факторов, необходимых для ведений хозяйственной деятельности в данных конкретных условиях, определяют границы расселения и территорию, в пределах которой создается культурная и, очевидно, этническая общность, а вызванные разными причинами переселения этнических групп ("племен"), изменения политической ситуации, новые направления культурных связей обуславливают в каждом конкретном случае или на разных этапах своеобразие этногенетического процесса.

I. Вайнберг Б.И. Модели взаимодействия скотоводов и земледельцев по археологическим материалам из Хорезма и сопредельных областей Средней Азии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Тез. докл. Алма-Ата, 1987. С.15-18.

2. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С.89 и сл.; Вайнберг Б.И. Скотоводческие племена в древнем Хорезме // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981. С.121-130 (основную литературу по скотоводческой проблематике Хорезма см. там же).

3. Толстов С.П. По древним дельтам... С.136 и сл.; Левина Л.М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. // ТХАЭЭ. Т.7. М., 1971; см. также раздел о чирикрабатской культуре (авторы Вайнберг Б.И., Левина Л.М.) в томе "Археология СССР" - "Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время" (в печати).

4. Юсупов Х. Древности Узбоя. Ашхабад, 1986; Мандельштам А.М. К характеристике памятников ранних кочевников Закаспия // КСИА, 1976. Т.1. Вып.47.

5. Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Ташкент, 1978. Гл.3 (В.Н.Ягодин); Ягодин В.Н. Археологическое изучение курганных могильников Каска-нол и Бернияз на Устюрте // Археология Приаралья. Вып.I. Ташкент, 1982. С.39 и сл.

6. В находящемся в печати томе "Археология СССР" - "Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время" есть обобщающие разделы по культуре скотоводов пустынной зоны (Вайнберг Б.И. и Юсупов Х. О скотоводах Северо-Западной Туркмении; Вайнберг Б.И. О скотоводах левобережного Хорезма; Вайнберг Б.И. и Левина Л.М. О чирикрабатской культуре дельты Сырдарьи), новые материалы по левобережному Хорезму обобщены автором в подготовленном к печати сборнике "Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма (древность и средневековье)", большой материал из раскопанных могильников левобережного Хорезма обобщается и готовится к публикации Л.Т.Яблонским.

7. Юсупов Х. Игды-кала - парфянская крепость на Узбое // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С.53 и сл.

8. Эта точка зрения не была поддержана специалистами по сарматской культуре при обсуждении материалов из раскопок В.Н.Ягодина.

9. Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // Свод археологических источников. Вып. Д I-10, 1963, раздел керамики; Она же. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974. С.43; Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983. С.21, 102, 115-117. Табл. X, 5, например.

10. Юсупов Х. Приузбойские туркменские племена XIУ-XУ вв. Ашхабад, 1975.

II. Вайнберг Б.И. Памятники кушанской культуры // Кочевники на границах Хорезма (ТХАЭЭ. Т.II). М., 1979. С.7 и сл.

I2. Яблонский Л.Т. Исследование могильника Сакар-чага I // Археологические открытия (АО), 1981. М., 1983. С.482; Он же. Раскопки курганов в Северной Туркмении // АО 1982. М., 1984. С.492; Он же. Раскопки курганов в Северной Туркмении // АО 1983. М., 1985. С.559; Он же. Раскопки курганов в Северной Туркмении // АО 1984. М., 1986. С.476. Он же. Работы левобережного отряда // АО 1985. М., 1987. С.612; Он же. К этногенезу населения Северной Туркмении (могильник раннесакского времени Сакар-чага 3) // СЭ. № 5, 1986. С.45-54; см. также доклад Л.Т.Яблонского в настоящем сборнике.

I3. Вайнберг Б.И. Скотоводческие племена в древнем Хорезме. С.122.

I4. Кой-крылган-кала - памятник культуры древнего Хорезма IУ в. до н.э. - IУ в. н.э. // ТХАЭЭ. Т.5. М., 1957. С.122-126, 130; Вайнберг Б.И. Скотоводческие племена в древнем Хорезме. С.126; Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977. С.94-95.

I5. См.: Толстов С.П. По древним дельтам... С.136 и сл., 227 и сл.

I6. Андрианов Б.А. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969. Ч.П. Гл.У.

I7. См. доклад Л.М.Левиной в настоящем сборнике.

I8. Обзор литературы на эту тему см.: Литвинский Б.А. Древние кочевники "крыши мира". М., 1972. С.158 и сл.

I9. Иная точка зрения в работе: Литвинский Б.А. Саки, которые за Согдом // Труды АН Таджикской ССР. 1960. Т.СХХ. Не останавливаясь здесь на всей аргументации, изложенной нами в упоминавшемся томе "Археологии СССР", обратим внимание на то, что Б.А.Литвинский игнорирует четкую традицию античных источников о том, что пределом ахеменидской империи на востоке была Сырдарья, поэтому подвластная ей группа саков (дахи, отождествляемые по источникам с "саками, которые за Согдом") не могли проживать к востоку от Сырдарьи.

20. См., например: Оразов А. Хозяйство и культура населения Северо-Западной Туркмении в конце XIX - начале XX в. Ашхабад, 1972; Типы сельского хозяйства Туркестана. Ташкент, 1924; Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда. Л., 1929; Оразов А. Схема расселения прибалханских иомутов в конце XIX - начале XX вв. // Вестник МГУ. 1961. № 6; Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX - начало XX вв.). Алма-Ата, 1968; Андрианов Б.В. Этническая территория каракалпаков в северном Хорезме (XУШ-XIX вв.) // ТХАЭЭ. Т.3. М., 1958; Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. М.-Л., 1950.

Л.М.Левина

ПАМЯТНИКИ ДЖЕТЫАСАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СВЕТЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ (СЕРЕДИНА ПЕРВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н.Э. - УШ в. Н.Э.)

Дельта Сырдарьи в Восточном Приаралье с глубокой древности являлась местом традиционных зимовок и вместе с тем своеобразным перекрестком исторических путей передвижения скотоводческих племен и народов, зоной постоянных культурных, торговых и этнических контактов между скотоводческими племенами и земледельцами древнейших оазисов Средней Азии и Казахстана. В этом регионе в обширнейшей разветвленной дельте происходили активные процессы взаимодействия различных хозяйственно-культурных типов, а также сложные этногенетические процессы, что позволило С.П.Толстову еще в конце 40-х годов выделить Приаралье как территорию особо значимую в этнической истории, назвав ее "Аральским узлом этногенеза" I.

Именно здесь в бассейне самых северных из древних русел Сырдарьи - Пракувандарьи и Кувандарьи на протяжении полутора тысяч лет развивалась чрезвычайно своеобразная, резко отличная от всех среднеазиатских и казахстанских культур, очень архаическая по своему облику джетыасарская культура. Для джетыасарской культуры характерно сочетание мощных крепостей с монументальной архитектурой с курганным обрядом захоронения, полное отсутствие неукрепленных сельских поселений, размещение городищ небольшими группами (по 8-10 крепостей) непосредственно на берегах древних рек и речных протоков, особая традиционность и консерватизм основных черт культуры на протяжении всей многовековой истории ее существования в регионе. К настоящему моменту известно около 40 джетыасарских городищ, площадью от 2 до 15 гектар, высотой от 8 до 25 метров над уровнем современной поверхности, причем каждое окружено сотнями и тысячами курганных погребений.

По крайней мере с середины первого тысячелетия до н.э. и до середины первого тысячелетия н.э. бытовали двухярусные многослойные городища. Первоначальное ядро каждого состояло из круглой или овальной в плане двух – трехэтажной крепости со сложной фортификацией и сплошной внутренней жилой застройкой. Изначально ряды узких сводчатых помещений и больших подквадратных залов и дворов с плоскими перекрытиями были окружены крепостными стрелковыми сводчатыми коридорами. С последних веков до н.э. вся внутренняя застройка крепостей представляла собой систему из множества однотипных двух- и трехкомнатных жилых секций, состоящих из функционально различных помещений. При этом основная жилая комната во всех случаях сохраняла один и тот же интерьер: напольный центральный открытый очаг и низкие широкие лежанки вдоль стен, а также выделенное предвходное пространство. Местоположение каждой секции оставалось неизменным на протяжении столетий, хотя внутри основных стен секции происходили многочисленные перестройки, менялось не только взаиморасположение комнат, но и их число, но всегда сохранялся характерный интерьер основного жилого помещения и общая площадь секции. Каждая жилая секция была связана с определенным отсеком оборонительного стрелкового коридора. Стрелковые коридоры возводились на всем своем протяжении по единому плану глухими отсеками. Поэтому в случаях военной опасности обитатели каждой жилой секции защищали свой отсек оборонительного коридора, снабженного 3-мя бойницами, а гнездовое расположение городищ, при котором крепости находились (внутри каждой группы) на расстоянии не более нескольких километров друг от друга, позволяло с любого городища подавать световые сигналы не менее, чем шести соседним крепостям.

Как выше указывалось, вокруг джетыасарских городищ располагались некрополи, насчитывающие сотни и тысячи курганов. Каждый курган, обычно окруженный рвом с перемычкой с южной стороны, содержал одно или несколько одновременных грунтовых захоронений, большей частью в простых могильных

ямах с боковыми нишами для сосудов с заупокойной пищей. Но наряду с грунтовыми могилами под курганными насыпями находились и подземные кирпичные гробницы – склепы, встроенные в специальные котлованы, перекрытые сводами или ложным куполом. Интерьер камеры последних представлял собой уменьшенную в несколько раз копию интерьера основного помещения жилой секции соседнего городища вплоть до мелких деталей.

Необходимо отметить, что исследовав сотни помещений и десятки жилых секций, функционировавших на протяжении длительного промежутка времени, мы не смогли выделить какую-либо. Все они равнозначны по размерам, интерьеру основного жилого помещения, планировке. Аналогичная картина наблюдается и в погребальных сооружениях. Это, несомненно, свидетельство их равнозначности и в области социальных отношений.

Обусловленные экологической средой некоторые специфические черты комплексного хозяйства джетыасарского общества, где доминирующую роль играло скотоводство, в определенной степени способствовали сохранению типа натурального хозяйства и консервации социальных отношений. Тип хозяйства, а также особенности социальной организации джетыасарского общества в свою очередь отразились на всем облике материальной культуры, придав ей особую архаическую окраску и необычайную устойчивость и консерватизм, несмотря на ряд весьма ощутимых влияний иных культур и этносов в каждый определенный период истории.

Вместе с тем, географическое положение джетыасарских памятников в местах традиционных зимовок, на перекрестке путей передвижений народов, а также определенные социально-экономические факторы, присущие джетыасарскому обществу, способствовали тому, что носители джетыасарской культуры оказались участниками активного этнического и культурного взаимодействия с населением иного происхождения.

Развернутые на базе охранных работ широкие раскопки погребальных памятников в джетыасарском урочище позволили

нам в последние годы исследовать в I6 некрополях около 500 курганов, при этом I2 из вышеупомянутых находятся на небольшом расстоянии друг от друга вблизи одного лишь городища Алтын-асар (городища Джеты-асар № 3). Параллельно с изучением погребальных памятников продолжалось проводимое нами в течение нескольких полевых сезонов стратиграфическое исследование джетыасарских городищ. В итоге получен огромный археологический и краниологический материал, позволивший выделить ряд этапов этнокультурного взаимодействия, развивавшегося на территории Восточного Приаралья и расширить их характеристику, данную нами ранее [2].

На протяжении тысячелетия с последних веков до н.э. в районах бытования джетыасарской культуры наблюдается неоднократное появление чужеродных элементов в материальной культуре, возникновения целых групп "чужих" курганов, "чужих" могильников, строительство единичных городищ с нехарактерной для джетыасарской культуры планировкой и иным керамическим комплексом (например, городище Ашаг-асар, расположенное в 2,5 км к северу от так называемого "Малого дома" городища Джеты-асар № 3). Так, в некрополе Джеты-асар II/2, находящемся в 4,5 км к юго-западу от городища Томпак-асар, подавляющее большинство раскопанных курганов содержало грунтовые захоронения с отличным от господствующих в джетыасарской культуре типом могильной ямы, с иным погребальным инвентарем, в котором были погребальные сосуды совершенно других пропорций и технологии изготовления, чем характерная джетыасарская керамика. Установлено, что для джетыасарского керамического комплекса типичны сосуды (горшковидные, кувшины, фляги, миски, чаши, кружки и т.п.), изготовленные тщательной ручной лепкой, иногда с частичной подправкой на гончарном круге медленного вращения, обожженные в гончарных печах, покрытые густым красным, красно-коричневым, темносерым и черным ангобом и лощением, часто украшенные прорезным геометрическим и налепным орнаментом. Для джетыасарских сосудов характерна шаровидность тулова, четко выделенное, часто цилиндрическое высокое горло, определенные пропорции, при которых диаметр всегда меньше

или равен диаметру венчика и т.п. Кухонная посуда кострового обжига джетыасарского комплекса имеет свои устойчивые пропорции (например, диаметр дна всегда меньше диаметра венчика) определенное соотношение ширины и высоты тулова и определенную форму венчика) уступ под горлом и целый ряд других характерных деталей.

Вместе с тем, в погребальном инвентаре курганов могильника Джетыасар II/2 встречена и другая керамика, для которой характерны совсем иные пропорции и технология изготовления. Так, например, у кружек цилиндрическая форма тулова, широкое дно и устье; у кувшинов днище намного шире устья, покатые плечики и невысокое, часто лишь намеченное горло. Эта посуда изготовлена гораздо небрежнее ручной лепкой, имеет неровный обжиг до ангобного покрытия, что сделало последний легко снимающимся, "пачкающимся". Аналогичные пропорции имели и "кухонные" горшки кострового обжига.

По найденным в курганах предметам украшения, быта, оружию, а также судя по массовым находкам аналогичной посуды в датированных слоях городища Джеты-асар № I2, можно отнести период бытования вышеуказанного могильника к последним векам до н.э.

Интересно отметить, что в некоторых курганах данного могильника, где под одной насыпью располагались веером несколько одновременных погребений, в части могильных ям наряду с "чужими" сосудами с "пачкающим" ангобом были и характерные джетыасарские фляги, кувшины, кружки.

Позднее, уже в первом тысячелетии н.э., подобные сочетания местных и чужеродных элементов в погребальном инвентаре неоднократно повторяются, хотя, очевидно, появляются другие этносы и другие культуры.

Так, к западу и юго-западу от городища Джеты-асар № 3 (Алтын-асар) на соседних протоках одного древнего русла довольно четко прослеживается одновременное существование некрополей не только с разными типами погребальных сооружений, но и погребального инвентаря, хотя при этом в таких погребениях встречались одинаковые наборы характерной дже-

тынасарской керамики. Неоднократно отмечались случаи, когда в одном кургане содержалось два одновременных захоронения, но в одной могильной яме в погребальном инвентаре были лишь "чужие" сосуды, а в другой могиле – типично джетыасарская посуда. Зафиксированы и отдельные захоронения, где сочетается джетыасарская посуда с "пришлой" и неместным инвентарем. Так, например, в соседних могильниках – некрополях Алтынасар 4а и Алтынасар 4к, расположенных на расстоянии нескольких сот метров друг от друга на одном и том же берегу одного и того же крупного речного протока, в курганах, датированных одинаковыми комплексами Ш–IУ вв. н.э. (например, тождественными наборами украшений, зеркалами сарматского типа, импортными фибулами и т.п.), отмечены различные типы подкурганных погребальных сооружений, как-то грунтовые ямы с боковыми нишами для сосудов с заупокойной пищей, простые грунтовые ямы, катакомбы. Если в погребениях первого типа были лишь характерные джетыасарские сосуды, то в погребальных сооружениях второго и третьего типа найдена керамика совершенно иных форм, иных пропорций, частью изготовленная на гончарном круге быстрого вращения, керамика, отдаленные аналоги которой находим в предгорьях Керкантау и Каратау, долинах Арыси, Таласа [3]. В этих же погребениях довольно много деревянной посуды: кружек, чаш, овальных и прямоугольных в плане блюд на коническом поддоне или четырех ножках. При этом необходимо отметить, что сами захороненные во всех трех типах погребений лежат на одинаковых камышовых циновках (или завернуты в них), в одинаковом положении, с одинаковой ориентировкой, в сопровождении погребального инвентаря. В его состав помимо сосудов, входят и одинаковые наборы женских украшений, мешочки с бронзовым зеркалом, брусочком мела и речной раковиной, оружие в виде сложных луков, железных кинжалов и мечей, одинаковые пряжки и бляшки, фибулы.

То же можно сказать и о могильниках Алтынасар 4б, Алтынасар 4л, Алтынасар 4о и Алтынасар 4м, значительная часть погребений которых может быть датирована IУ–УI вв. н.э. В

могильниках Алтынасар 4л и Алтынасар 4м у многих курганов отличен и тип намогильного сооружения – вокруг курганной насыпи было сооружено дополнительное земляное кольцо. В этих могильниках преобладающим становится новый тип подкурганного грунтового погребения – подбой, обычно вырубленный под западной стенкой могильной ямы.

Но если в могильнике Алтынасар 4б (как и в большинстве других некрополей, вроде Алтынасар 4в, 4о) подбой отделен от входной могильной ямы обычно слоем камышовых циновок, аналогичных тем, в которые заворачивали захороненного, то в могильнике Алтынасар 4м подбои (а иногда и вся могильная яма) закрывались деревянными решетками. Вообще в некрополе Алтынасар 4м дерева особенно много. Здесь не только деревянные решетки, деревянные детские кроватки, но и разнообразная деревянная посуда, плетеные корзины, деревянные седла, колчаны. Во многих курганах этих могильников (например, могильника Алтынасар 4м) при одинаковых наборах предметов быта, украшений, оружия, наременных бляшек и пряжек и т.п., джетыасарская керамика полностью отсутствует, зато весь набор посуды для заупокойной пищи представлен в дереве. В то же время в других курганах отдельные джетыасарские сосуды стоят рядом с деревянными, а в третьих в закрытых деревянными решетками подбоях встречена лишь характерная джетыасарская керамика.

Взаимодействие носителей джетыасарской культуры с иными племенами в урочище не проходило бесследно и для "джетыасарцев". Так в конце Ш–IУ в. н.э. гибнут в огне военных столкновений многие джетыасарские городища, другие спешно покидаются и забрасываются их жителями, в джетыасарской материальной культуре появляются "чужие" элементы, в том числе и "гуннские". Очевидно, под давлением волны кочевников с востока происходит передвижение больших групп джетыасарского населения в районы Северного Кавказа и далее на запад, а также одновременное передвижение их по правому берегу Сырдарьи на юг и юго-восток, по крайней мере, до районов юго-западной Ферганы.

В то же время джетыасарское население оказывало значительное влияние не только на племена, которые попадали на его территорию и постепенно смешивались с исконными жителями. Это влияние хорошо прослеживается и в районах расселения носителей отрарско-каратаусской и каунчинской культур Южного Казахстана и Ташкентского оазиса, а также в более южных областях (в Фергане, Самаркандском и Бухарском Согде, Кеше, Нахшебе, Северной Бактрии) [4]. Оно проявляется в распространении как самой джетыасарской керамики, так и характерных элементов ее оформления, а также строительных приемов вплоть до определенного стандарта кирпича и новых для указанных районов типов погребальных сооружений. То же можно сказать и о западных районах. Так, исследования последних лет выявили аналогичную ситуацию в некоторых памятниках Северной Осетии того же времени [5].

В конце У-УІ в. н.э. в самом урочище Джеты-асар перестает функционировать еще ряд поселений, некоторые городища заключаются в кольцо новых крепостных стен, вместо округлых и овальных в плане городищ со сплошной жилой застройкой строятся прямоугольные в плане крепости с фортификацией иного типа без каких-либо следов внутренней застройки, появляются иные типы подкурганных захоронений. Аналоги инвентаря в тюркских памятниках Восточного Казахстана, Тувы, Семиречья позволяют связывать эти изменения с влиянием тюрок. Можно отметить и некоторое увеличение монголоидности среди джетыасарского населения, а также находку древнетюркской надписи на типичном джетыасарском кувшине [6].

Об очередной миграционной волне из Джетыасарского урочища на юг и юго-восток в УІ-УП вв. дает возможность говорить появление значительного числа характерных форм джетыасарской керамики в районах Средней Сырдарьи, в Семиречье, Чаче.

Еще позднее, в УП-УШ вв. часть джетыасарского населения передвинулась из одноименного урочища в районы современных дельт Сырдарьи (так называемая "культура болотных городищ", все элементы которой были известны уже на территории урочища в материалах позднего этапа джетыасарской культуры) и

Амударьи (так называемая "кердерская" культура, в формировании которой джетыасарская сыграла, вероятно, основную роль) [7]. Данное передвижение было вызвано, скорее всего, гидрографическими и климатическими изменениями, после чего жизнь в Джетыасарском урочище не возобновлялась.

Носители джетыасарской культуры не были простыми ретрансляторами культур различных этнических групп, взаимодействующих с "джетыасарцами" на разных этапах их истории. Жители джетыасарских городищ сами сыграли заметную роль в культурной и этнической истории многих народов Средней Азии, Казахстана, Поволжья, Северного Кавказа и других регионов.

I. Толстов С.П. Аральский узел этногонического процесса (тезисы доклада на сессии по этногенезу Средней Азии. Ташкент. 1942 г.) // "Советская этнография", УІ-УП, 1947. С.308-310.

2. Андрианов Б.В., Левина Л.М. Некоторые вопросы исторической этнографии Восточного Приаралья в I тысячелетии н.э. // Этнография и археология Средней Азии. М., Наука, 1979 г., С.94-100; Левина Л.М. Джетыасарская культура низовий Сырдарьи: контакт скотоводческих и земледельческих культур Средней Азии и Казахстана // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, Наука. 1987. С.179-180.

3. Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры районов бассейна Арыси, Каратау и Каржантау в I-УІ вв. н.э. // Автореферат канд дис. М., МГУ,1987; Кибиров А.К. Археологические памятники Чаткала // ТИЯЛИ АН Кирг. ССР. Т.5. Фрунзе, 1956. С.3-20; Кожомбердиев И. Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963. С.33-37.

4. Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. ТХАЭ. Т.УП. М., Наука. С.187 и сл.; Левина Л.М. Среднеазиатские связи Джетыасарской культуры в первой половине первого тысячелетия н.э. // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1980. С.170-177; Горбунова Н.Г. Некоторые особенности формирования древних культур Ферганы // Археологический сборник Гос. Эрмитажа, № 25. Л., 1984. С.104; N.G. Gorbunova. The Culture of Ancient Ferghana (VI century B.C. - VI century A.D.) BAR International Serion 281, 1986, P.262 .

5. Деопик Д.В. Керамика Центрального Предкавказья в I–IУ вв. н.э. По материалам городища Зилги (Северная Осетия) // Материальная культура Востока. Ч.II. М., 1988, Наука. С.171.

6. Кляшторный С.Г., Левина Л.М. Об одной рунической надписи с городища Алтын-Асар // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана (в печати).

7. Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи. С.86–89, 242.

В.П.Яйленко

ЕНИСЕЙЦЫ – КЕТЫ В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Важным источником по этнической истории древней Средней Азии является историческая ономастика. Названия – это своеобразные паспорта, удостоверения лингвистической и тем самым, как правило, этнической принадлежности проживавшего в регионе населения. На территории Средней Азии имеется значительный пласт названий, засвидетельствованных источниками I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. и не объясняемых ни из иранских, ни из тюркских языков. Следовательно, эти названия оставлены населением иной лингвистической принадлежности. На наш взгляд, ряд названий позволяет выдвинуть гипотезу о присутствии в древней и древнейшей Средней Азии этнических пластов, принадлежавших к австралоазиатскому, сино – тибетскому и енисейско-кетскому кругам. Здесь мы рассмотрим данные о возможном пребывании в среднеазиатском регионе предков енисейско-кетских народов [1].

Исследование языков и этнографических особенностей енисейцев – кетов выявило их развитые южные связи [2]. В результате были выдвинуты гипотезы о пребывании енисейцев в начале новой эры на севере Восточного Туркестана и Алтае (А.П.Дульзон) и о завоевании ими, составлявшими ядро гуннского союза, в У–УI вв. н.э. Чача и Согда (Э.Пуллиблэнк) [3]. На наш взгляд, имеются данные, позволяющие выдвинуть гипотезу о пребывании енисейско-кетского населения в Средней Азии в I тыс. до н.э. и первой половине I тыс. н.э.

Начнем с наиболее устойчивого вида названий – гидронимии. Наименование Амударьи Амуль известно арабско-персидской географической литературе IX–X в. и впервые упоминается в форме Амуйе на карте мира ал-Хорезми, выполненной ок. 830–840-х гг. [4] Поскольку эта карта во многом основывалась на картах греческого географа II в. н.э. Птолемея, не исключено, что название Амуль было заимствовано ал-Хорезми оттуда. Высказанное В.Барнхартом объяснение названия Амуль – от этнонима народа

амарды – неудовлетворительно [5]. Нам представляется, что гидроним Амуль должен объясняться из той языковой среды, в которой он существует еще в одном ареале – Западной Сибири, на территории обитания в прошлом енисейского народа ассанов. Здесь название имеет прозрачную кетскую этимологию: ам "мать" + ул' "река", т.е. "мать – река". Хозяйку рек, владычицу стихии они называли Ул'ям (Ул'-емам) – именем, состоящим из тех же основ ул' и ам (оба слова общеенисейские) [6]. Представления енисейцев о реках как матерях – подательницах жизни (и реках – матерях своих притоков – дочерей) породило у них гидронимическую модель, включающую слова мать и река, – отсюда такие их гидронимы, как ассан. Амуль, пумп. Амтат, кет. Амзас (ср. селькуп. Амба). Это архаичная модель гидрономинации, ср. санскр. Mā Gāṅgā , тайск. Me Kong и др.

Енисейская этимология названия Амуль находит соответствие в значении иранского ее наименования Vaxšu- , зафиксированном в греческой передаче Ὦξος, Ὄξος со II в. до н.э. (Полибий, надпись из Тахт-и Сангина), а в составе антропонимов, возможно (в армейской передаче), с IУ – Ш в. до н.э. Этимологически название Вахш восходит к глаголам vaxš "расти, увеличиваться, прибывать" (о растениях, воде) или "разбрызгивать" (о воде, огне) [8]. Связь названия реки с основой, семантика которой объединяет водный и растительный мир, отражает важнейшую роль Амударьи как подательницы жизни, что обусловило соединение культа реки с исконным иранским божеством водной стихии и плодородия Ардвисурой Анахитой, почитавшейся применительно к данной реке в ипостаси Вахша [9]. По свидетельству Беруни, у хорезмийцев Вахш – имя "духа – покровителя вод вообще и Джейхуна (Амударьи) в особенности" [10].

Таким образом, Вахш как ипостась иранской богини водной стихии и плодородия Ардвисуры соответствует енисейской богине Ул'ям, в силу чего иранское название Амударьи Вахш в функциональном отношении равнозначно енисейскому ее названию Амуль.

На монетах Канишки и других кушанских царей примерно I–II вв. н.э. представлена Нана, проникшая из вавилонского пантеона и олицетворяющая, на наш взгляд, важнейшую реку страны кушан Амударью. Это явствует из "речных" атрибутов иконографии кушанской Наны – чаши в руке и серпа на голове [11]. В.В.Тарн полагал, что божество Окса, т.е. Вахш – Ардвисура, со временем трансформировалось в образ Астарты – Нанайи, чей храм был основным в Бактрах, столице страны [12]. Действительно, значение имени Нана "мать" (ср. санскр. nanā "мама" и др.) и "речные" ее атрибуты на кушанских монетах означают, что древнее божество Окса, "мать – река", трансформировалось со временем в Астарту – Нану Бактр и Нано кушан. Таким образом, наименование Амударьи в кушанскую эпоху Наной, "матерью", отражает значение енисейского названия этой реки Амуль "мать река".

Как видно, несмотря на временну́ю разницу в фиксации названий Амударьи Амуль (IX в., не исключено его присутствие на карте Птолемея) и Вахш (IУ–Ш вв. до н.э.), косвенные данные указывают на их вероятное сосуществование около рубежа новой эры. Более полно хронологическое соотношение енисейского и иранского наименований выявляется из анализа авестийского названия Амударьи vahvī dāityā (Видевдат, I, 2 и др.)[13]. Оно включает древнеиранское прилагательное vahvī (vanhvī) "добрая" и слово dāityā , значение которого в составе данного гидронима неизвестно [14]. Смысл его, однако, поясняется среднеперсидской формой данного авестийского наименования – vēhrōt , где представлена среднеперсидская форма того же прилагательного – vēh и слово rōt "река". Система из двух парных элементов: vēh = vahvī, rot=dāityā показывает, что dāityā имеет то же значение, что и rōt , т.е. "река". Соответствующее искомое слово имеется в енисейском пумпокольском языке – тат, дат "река", широко представленное в гидронимии кетского региона: Агуйдат, Алчедат, Барандат, Итат и т.д.[15] Его мы и усматриваем в названии vahvī dāityā . "Добрая река" [16]. Как заметил А.Гумбольтд, "самые древние названия горных цепей и больших рек первоначально почти всюду означали только гору и воду" [17]. Именно это представлено в данном случае – древнее енисейское название Амударьи dāityā обозначало просто "реку". Заимствовав его, авестийские иранцы оформили его своим эпитетом vahvī , что определенно указывает на

хронологический приоритет енисейского названия перед авестийским. Видимо, соответствующий вывод следует и для пары Амуль – Вахш. Если говорить об абсолютной хронологии, то географическую часть I фрагарда Видевдата можно проецировать на первую половину I тыс. до н.э. [18] Следовательно, тогда и бытовало енисейское наименование Амударьи dat . Примерно в конце того же тысячелетия, видимо, существовало другое ее енисейское название Амуль [19].

Рассмотрим еще два среднеазиатских гидронима возможного енисейского происхождения. Птолемей (Geogr. VI, I2, 3) приводит название одного из двух основных притоков Яксарта (Сырдарьи) Δῦμος (codices Δῦμος cod.Z Δήμος); Историк IУ в. н.э. Аммиан Марцеллин упоминает его в форме Dymas (cod. V Dimae) как наименование всей Сырдарьи (ХХШ, 6, 59)[20]. Близкое название носила и Кашка Дарья – в китайской передаче IУ–УI вв. (Ши Вэй) Думо, в истории Тимура Шереф ад-дина Йезди – Тум [21]. Судя по этим передачам, огласовка исходной основы колебалась между o,u,ü . Аналогичное колебание гласной в основе находим в енисейских названиях рек и лексемах, с которыми может быть сопоставлен среднеазиатский гидроним: пумпок, т:ом, сымское тым, арин. тюмя, коттск. тума, тум [22]. Значение приведенной основы – "черный", в гидронимическом узусе она образовала название ряда рек Западной Сибири – Том(ь), Томь и др. Эту основу мы усматриваем и в упомянутых среднеазиатских гидронимах [23]. Это находит подтверждение в тюркской калькe названия притока Яксарта Дюмо(с) у Птолемея. Упоминаемые греческим географом два притока Яксарта, стекающие с тех же гор, что и сам Яксарт – Дюмос и Баскатис вполне корреспондируют с двумя составляющими Сыра Нарыном и Кара Дарьей. По значению енисейское название Дюма(с) "Черная" соответствует тюркскому названию Кара (Дарья), следовательно, это тюркская калька енисейского наименования данной реки, подтверждающая предложенную кетскую этимологию. Время возникновения этой кальки – гуннское или эфталитское определяется появлением тюрок в регионе, имевшим место ок. IУ в. н.э. В енисейских языках имеется ряд древнетюркских заимствований, относящихся к скотоводству, металлам и бытовой терминологии [24]. Выявлен-

ная калька Дюма(с) – Кара Дарья фиксирует одну из зон енисейско-древнетюркских контактов – Фергану. Другой такой зоной была историческая область Чач, название которой в китайской передаче Чжеше известно с первой половины У в. н.э. [25].

Э.Пуллиблэнк считал название Чач енисейским по происхождению и сопоставлял с енисейскими обозначениями "кампя" – кет. ты?с, котт. шйш, пумпок, чыс при значении китайской и тюркской калек – названий той же области Ши(го), Таш(кенд) "каменная" (страна) [26]. Впе, ые тюркская калька упоминается Беруни, но древнетюркское таш и енис. ты?с (и прочие его формы) находятся в тесной генетической связи [27], что может указывать на непосредственное калькирование енисейского названия области Чач древнетюркским Таш (кенд). Это могло иметь место не позднее гуннско-эфталитского времени, т.е. IУ–УI вв., ибо в самом начале УП в. малый хан Ши го "управлял всеми тюркскими княжествами" [28], что может быть понято как указание на принадлежность тюркам и самой "Каменной страны".

Продолжим выявление енисейско-иранских ономастических параллелей. Кочевники – неарийцы обозначались в "Авесте" словом tūra- "туранский", resp. туранцы. В литературе высказывались различные мнения о границах Турана и этносе его обитателей. Южное пограничье Турана проводится по Сыр- или Амударье [29]. На последнюю указывают следующие обстоятельства. В I в. н.э., а может быть и раньше, согласно "Цзяньханьшу", в состав Канцзюя помимо Чача (Юни) входили также части Согда (Сусйе, Фуму) и Хорезм (Юегянь) [30]. Согласно версии Моисея Хоренского, вероятно, основанной на данных Птолемея, и другим сведениям, область Тур соответствует Хорезму [31]. В средневековом иранском сказании об Арише повествуется о проведении границы между Ираном и Тураном в месте падения стрелы, выпущенной этим богатырем из Табаристана и вонзившейся в землю около Балха или Амударьи [32]. Эти данные позволяют полагать, что пределы авестийского Турана проходили на юге примерно по Амударье, которая, стало быть, и разделяла в какой-то мере иранский и неиранский мир. Имеющиеся в литературе мнения об этнической принадлежности туранцев сводятся к представлениям о том, что они иранцы, либо тюрки, либо кочевники вообще, без этниче-

ского уточнения; последнее представляется наиболее приемлемым ввиду отсутствия определенных данных об этносе туранцев [33]. Некоторый свет на это может пролить этимология самого слова tūra- , которое считали либо иранским, либо тюркским, что малообоснованно [34]. Если обратиться к енисейской лексике, то в ней имеется прилагательное *тур-(*тул-) "чистый" [35]. Его мы и усматриваем в авест. tūra- , подтверждение чему заключается в значении названия Согд (который, как отмечалось выше, был составной частью Турана) – др. перс. Suguda- , авест. Suγδa- из др. иран. *suxta- (от глагола "жечь") "чистая", дословно "сожженная", т.е. ритуально очищенная огнем страна [36]. Таким образом, енисейское название страны Тур- и иранское Согд имеют одинаковое значение и одно из них является калькой другого. Рассмотренные выше примеры показали первичность енисейских наименований, что следует и в отношении данной пары известных Авесте названий Туран и Согд.

Ввиду ограниченного объема статьи мы привели лишь некоторые названия, относящиеся к древней Средней Азии, которые могут быть объяснены как енисейско-кетские по происхождению. Мы располагаем гораздо большим числом подобных названий, но должны отметить, что сами по себе ономастические этимологии не обладают доказательной силой: они получают убедительность в комплексе данных экстраономастического свойства – языковых, фольклористических, исторических и т.д. Мы можем подкрепить енисейские этимологии среднеазиатских названий данными о енисейско-иранском контакте в области языка и фольклора.

Древнейшая стадия енисейско-иранских контактов отражена в рассмотренной ономастической номенклатуре "Авесты" и, как отмечалось выше, может быть отнесена к первой половине I тыс. до н.э., причем в это время, видимо, уже существовали отдельные енисейские языки. По заключению С.А.Старостина, в языке предшествующей, праенисейской эпохи иранизмов нет [37]. Несколько предположительных енисейских заимствований из протоиранского выявил Я.Харматта: котт. арта "верный", "правильный" < ир. *ṛta-; котт. чăк "сила", чага "сильный" < ир. *čak-; котт. чак "спускаться", "сходить" < ир. *čak "идти" [38].

В качестве возможных енисейских заимствований из древнеиранского, на наш взгляд, могут быть определены котт. кунту "сильно" (ср. арин. беркуштукду, то же) < др. ир. gušt- "сильный", кет. бей "ветер" < др. ир. vayu- то же (в анлауте кетских слов в отсутствует и потому в заимствовании передается через б, но в инлауте в источника сохранилось: кет. тывей, тывый "южный ветер", но уд'бэй "северный ветер"). Вероятным кетским заимствованием из среднеиранского kay- (др. ир. kavay- "царь", "вождь") мы полагаем кет. кый, арин. кей, котт. хыйи "вождь", "князец" [39]. К среднеиранскому периоду (последние столетия до новой эры – первая половина I тыс. н.э.) относятся и общие у кетов и иранцев мифологемы. Соответствие кетского отрицательного персонажа Калмесэм с иранским Ахурамаздой, в том числе ономастическое, выявил В.Н.Топоров [40]. У кетов известен рассказ о гибели коня и богатыря, параллельный сказанию о смерти Рустама (враги роют яму, куда богатырь и конь падают). Обративший внимание на эту параллель Р.В.Николаев считал, что серия подобных сказаний возникла в скифо – сибирской культурной среде, откуда распространилась на юг (в Среднюю Азию) и запад [41]. В свете гипотезы о енисейцах – кетах в Средней Азии эта параллель, на наш взгляд, естественно объясняется заимствованием кетами среднеиранского эпического мотива. Среднеперсидское (Až)daha , по нашему мнению, является источником имени культурного героя кетов Доха. Среднеперсидский (Аж)даха, т.е. "змей Даха" – это Aži(š) dahāka младшей "Авесты", змееобразное божество доиранского населения Средней Азии. Енисейцы заимствовали его имя у иранцев и восприняли его в свой пантеон в образе Доха, со временем превратившегося в культурного героя. Связь Доха с Дахакой проявляется в его глубинно "змеином" облике: Дох ассоциируется с лебедями, а кетское слово, обозначающее "лебедя" – тых – одновременно имеет значение "змея", т.е. ассоциация Доха с лебедем в представлениях кетов нового времени ранее, в I тыс. н.э. была ассоциацией со "змеем" [42].

Таким образом, лексические и фольклорные заимствования из иранской среды в енисейскую являются результатом длительного контакта иранцев и енисейцев. Эти заимствования подтверждают

предложенные здесь енисейские этимологии среднеазиатских названий, представленных в "Авесте", тем, что вводят их в более широкий круг енисейско-иранских контактов. Ономастические данные в свою очередь свидетельствуют, что эти контакты осуществлялись на территории Средней Азии. Начальная стадия контактов может быть отнесена к первой половине I тыс. до н.э., на что могут указывать, с одной стороны, вышеупомянутые кетские заимствования из древнеиранского, а с другой – заимствование иранцами, ариями старшей "Авесты", енисейских названий Амударьи (авест. dātyā и ограничиваемой ею страны (авест. tūra- , ир. Tūrān). Позднейшая стадия этих контактов относится к первой половине I тыс. н.э., на что указывают енисейские лексические заимствования из среднеиранского, фольклорные мотивы среднеиранского эпоса и младшей "Авесты", заимствованные енисейцами вместе с иранскими именами (Калмесэм, Дох, сюжет с гибелью богатыря и коня в яме), наконец, воспринятые иранцами и тюрками енисейские названия среднеазиатского региона (Чач, Амуль, Тум(а). Отметим еще раз, что список ономастических соответствий может быть продолжен.

Изложенный материал позволяет сделать следующие выводы исторического плана. Уже в раннем I тыс. до н.э. енисейцы (в числе других народов) обретались на юге Средней Азии, по обеим сторонам Амударьи. Выявленные в литературе схождения енисейских языков с тибето-бирманскими и северо-кавказскими получают географическое обоснование при такой локализации енисейцев в указанное время [43]. Здесь же енисейцы заимствовали лексику и ономастику австроазиатского типа (канг "река", праенис. *кит- "конь", "лошадь", появившаяся в регионе в середине II тыс. – об этом мы выскажемся отдельно), причем праенисейский характер заимствований указывает на II тыс. до н.э. как вероятное время этих контактов. Вторгавшиеся с севера иранские и индийские арии с рубежа II-I тыс. до н.э. оттесняли австроазиатское, сино – тибетское и енисейское население. Енисейцы передвигались на север региона, в область Сырдарьи, где их пребывание в первой половине I тыс. н.э. фиксируются по названиям Чач и Тум(а). Вторжения тюрок (лингвистически фиксируются древнетюркско-енисейские контакты, сказавшиеся и

на этнографическом облике енисейцев) оттеснили енисейцев далее к северо-западу. После середины I тыс. енисейцы через Балхаш и Семиречье (к названию озера ср. кет. балгаш "грязь") вышли к верховьям Оби и Енисея, откуда примерно с предмонгольского времени передвигались по названным рекам вниз, постепенно утрачивая или преобразовывая черты народа южного происхождения.

I. Ввиду ограниченного объема материал дается сжато, более подробно будет изложен в другом месте. Напомним читателю, что изолированная семья енисейских языков включает кетский, югский, аринский, пумпокольский, коттский, ассанский языки, из которых живыми являются только два первых, в силу чего енисейские языки называются также кетскими.

2. Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Лингвистические вопросы этногенеза кетов в связи с проблемой вхождения в циркумполярную область // УП международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады. М., 1964. С.9-11; Алексеенко Е.А. Южносибирские элементы в культуре кетов // IX международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады советской делегации. М., 1973.

3. Дульзон А.П. Кеты и гунны. // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1968. II (3). С.139. Pulleyblank E.G. The Hsiung-nu language // Asia Major. 1962.9.P.239.
Русский перевод: Э.Дж. Пуллиблэнк. Язык сюнну. // Зарубежная тюркология. М., 1986. I. С.38-41.

4. Мальцев Ю.С. Географическая карта мира Мухаммада ал-Хорезми в интерпретации Иоахима Лелевеля. // Хорезм и Мухаммад ал-Хорезми в мировой истории и культуре. Душанбе, 1983. С.160. Форма Амуйе является развитием формы Амуль. Карта ал-Хорезми не сохранилась, она реконструирована по экспертам из нее Абу-л-Феды (XIII в.).

5. Marquart J. Eränšahr nach der Geographie des Ps.Moses Xorenac'i. B.1901. S.136. Id. A catalogue of the provincial capitals of Ērānšahr. Roma. 1931. P.110.

6. Об общеенисейском характере ассанского ул' см.: Дульзон А.П. Общее название реки у кетоязычных народов // Ученые записки Дальневосточного университета. Владивосток, 1962. 5. С.8. Подтверждение енисейской этимологии среднеазиатского гидронима Амуль мы видим в том обстоятельстве, что енис. ул' "река" сохранилось в реликтном состоянии в сакастанском наименовании растения хаш-и ули. Это название привел Беруни (Избранные произведения. Ташкент, 1974. 4. С.873). Значительная часть сохранившихся в "Фармакогнозии"

сакастанских обозначений растений значится в персидских словарях, некоторые в индийских, но многие из них не поддаются идентификации (Каримов У.И. Предисловие к кн.: Беруни. Избранные произведения. Ташкент, 1974.4. С.45). К числу последних относится и вторая часть обозначения хайшара (кардн) жăк-и ули. Персидское жак (жака) - это разновидность волчца, чертополоха (Vullers I.A.Lexicon Persico - Latinum. Bonnae. 1864.2.P.174-175).

В слове же ули мы усматриваем енис. ул' "река", ибо характерной чертой этого растения является произрастание его на реках: Беруни начинает рассказ о нем с указания, что это "растение, произрастающее на берегах рек".

7. Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // Вестник древней истории. 1985. 4. С.94, 105.

8 Bartholomae Chr.Altiranisches Wörterbuch.Strassburg.1904. Sp.1337.
Розенфельд А.З. Заметки по гидронимии юго-восточного Таджикистана // Топонимика Востока. М., 1964. С.178. Я.Харматта возводил название Вахш к глаголу vaxš- "разбрызгивать" (Harmatta J. Cusanica // Acta orientalia Academiae scient.Hungaricae.1960.11.P.198), что менее вероятно.

9. Geiger W. Ostiranische Kultur im Altertum.Erlangen.1882. S.47. Marquart J. Wehrōt und Arang.Leiden.1938.S.34.Tarn W.W. The Greeks in Bactria and India. Chicago.1985 (reprint). P.102. Realencyclopaedia der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart. 1943.18(2).Sp.2007.

10. Бартольд В.В. Сочинения. М., 1965. 3. С.319.

11. О "водном" характере этих атрибутов см.: Тревер К.В. Золотая статуэтка из селения Хаит (Таджикистан) // Труды Госэрмитажа. Л.-М., 1958. 2. С.137. На монетах кушанского царя Хувишки Вахш изображался в мужском образе, что обусловлено греческим влиянием - у греков божества больших рек имели мужской облик, ибо по-гречески слово "река" - ho potamos - мужского рода. Что это результат греческого влияния, показывает изображение Амударьи на кушанских монетах в образе богини Ардохшо. Ее имя включает, согласно одной имеющейся этимологии, имя Ardvi- (Ардвисура), а согласно другой этимологии, эпитет vahvī "добрая" (Я.Харматта, В.А.Лившиц и др.); поскольку и то и другое было обозначением Амударьи, мы и полагаем, что в образе Ардохшо отразилось женское божество основной реки страны кушан Амударьи, принявшее иконографические признаки богини судьбы.

12. Tarn W.W. Op.cit. P.115.

13. Связь названия vahvī dātyā с Амударьей помимо прочего явствует из того, что в греческом данное иранское на-

звание отражалось как Ὦξος (тогда как Ὄξος, Ὤξος - из ир. vaxšu-), а об Оксе в античной традиции имелось такое противоречивое представление (см.: Strabo, XI, 7, 3-4; 8, I; 9, 2; II, 5), что вся эта путаница проще всего разрешается предположением, что Ὦξος было эпитетом Окса, ошибочно принятым за отдельную реку в греческой традиции, вследствии чего его помещали в разных местах, но, заметим, в связи с течением Окса.

14. Dātyā употреблялось и самостоятельно в качестве гидронима (например, "Ардвисур - яшт", XXVI, 112).

15. Обычно оно употреблялось в составных гидронимах приведенного типа, что соответствует и структуре авестийского наименования vahvī dātyā , но изредка употреблялось и самостоятельно - Тет, Теэ, аналогично узусу авест. dātyā.

16. В иранской передаче dātyā через у , видимо, выражена палатальность енисейского t' , конечная может быть и енисейского и иранского происхождения.

17. Гумбольт А. Центральная Азия. М., 1915.I.С.81.

18. Оранский И.М. Введение в иранскую филологию. М., 1988. С.63, сл., 96-99; Э.Херцфельд датировал географическую часть "Видевдата" временем ок. 128 г. до н.э., Ф.Андреас - ок. 147 г. до н.э., с ним солидаризировался Г.Ниберг, отметивший, однако, что в ней присутствуют отдельные более древние пассажи. А.Кристенсен определил в ней следы метрической организации текста, что указывает на древность метрических пассажей "географии" "Видевдата", сравнимую с временем гат (Christensen A. Le Premier chapitre du Vendidad et l'histoire primitive des tribus iraniennes. København. 1943. P. 3-5, cp.74).

19. Полученная хронология показывает, что в указанное время существовали уже отдельные енисейские языки, т.е. праенисейская общность относится ко времени до первой половины I тыс. до н.э. Это указывает, что для дальнейших сопоставлений следует привлекать формы отдельных енисейских языков, а не праенисейские.

20. Согласно Аммиану Марцеллину, по горам и равнине в стране согдов текут две судоходные реки Араксат и Димас, образующие Оксийское озеро, т.е. Арал. Араксат - это Амударья, называвшаяся древними авторами также Араксом (Herod. I, 201, 202, 205, 209-211. Strabo, XI, 8, 6), Димас в таком случае Сырдарья, также впадавшая в Арал.

21. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950. 2. С.274; Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С.178, прим. 16; Бартольд В.В. Сочинения. 3. С.31, 205.

22. Перечисленные енисейские основы см.: Дульзон А.П. Общее название реки. С.5–6; Хелимский Е.А. Архивные материалы XVIII в. по енисейским языкам // Палеоазиатские языки. Л., 1986. С.204.

23. Отметим сохранение енисейского адъективного аффикса -а в фиксации среднеазиатского гидронима Аммианом Марцеллином. Конечная сигма в нем обязана грецизации.

24. Поляков В.А. Способы лексической номинации в енисейских языках. Новосибирск, 1987. С.80 сл.

25. Бичурин Н.Я. Указ. соч. 2. С.242.

26. Пуллиблэнк Э. Дж. Указ. соч. С.38–41.

27. Поляков В.А. Указ. соч. С.82.

28. Бичурин Н.Я. Указ. соч. I. С.279.

29. См.: Minorsky V.F. Turān // Enzyklopaedie des Islam.Leiden.L.1931. IV (16). S.951.Spuler B. Amu Darya // Enc. of Islam. L. 1982. I. p.996.
При наличии указаний на Амударью как пограничье Турана связь туранцев с Сыром означает не пограничье, а лишь то, что туранцы обитали и по Сыру.

30. Бичурин Н.Я. Указ. соч. 2. С.186. Согласно "Таншу", Канг соответствует области Самарканда (Chavannes E. Documents sur les Tou - kiue (Turcs) occidentaux.St.Pb. 1903. P.132). Согласно греческому географу III в. до н.э. Эратосфену (у Страбона, XI, 8, 8), Окс отделял согдийцев от бактрийцев, т.е. Амударья была южной границей Согда.

31. Minorsky V.F. Op.cit. S.951. Herzfeld E. Zoroaster and his world. Princeton. 1947. 2. P.710.

32. Herzfeld E. Op.cit. I. P.442–444. Пьянков И.В. Массагеты Геродота // Вестник древней истории. 1975. 2. С.64.

33. Мнение о том, что туранцы – общее обозначение кочевников Средней Азии восходит к В.Гейгеру, который собрал данные "Авесты" о различных неарийских народах региона (Geiger W.Op.cit. S.194).

34. Так, М.Моле считал его производным от иранской основы *tav- со значением "сильный" (Molé M. Le partage du monde dans la tradition iranienne // Journal asiatique. 1952. 240 (4). P.459). Такое значение, однако, подходит к этнониму, а не хорониму. Р.Фрай отмечал единую основу названий Tūr-ān и tur-k , оформленную в обоих случаях суффиксом множественного числа, соответственно иранским и тюркским; в основе он усматривал "обозначение какого - тототема пратюрков Центральной Азии" (Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972. С.66–67). Аналогичность суффиксации - хороший аргумент, однако данная этимология отпадает по той причине, что, если говорить о

тотеме, то из числа свойственных тюркским языкам обозначений животных и птиц известно лишь турецкое tur "козленок, теленок" (Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1905. III. 2. Стб. 1442), мало подходящее для тотема "быстроконных", как они называются в "Авесте", туранцев.

35. Его реконструировал С.А.Старостин по югскому тул-ен "чистый" (Старостин С.А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник. Л. 1982. С.217). В коттском, аринском, пумпокольском при зафиксированном югском тул-ен ожидается *тур- по соответствию их р югскому л.

36. Об этимологии названия Согда см.: Harmatta J.The origin of the name Sogdoe // Acta classica Universitatis Debrecensis.1977.13.P.3–6.

37. Старостин С.А. Указ. соч. С.204.

38. Harmatta J. Proto - Iranians and Proto - Indians in Central Asia in the 2nd millenium B.C.(linguistic evidence). // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981. С.80.

39. О других трактовках кетского слова см.: Пуллиблэнк Э.Дж. Указ. соч. С.58; Старостин С.А. Указ. соч. С.213.

40. Топоров В.Н. Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981. С.150.

41. Николаев Р.В. Солнечный конь // Скифо-сибирский мир. Новосибирск, 1987. С.154–155.

42. У сибирских народов по одному культурному герою, у кетов их два – Альбэ и Дох, что свидетельствует о заимствованном характере одного из них.

43. Необходимо разъяснить антропологический аспект. Кеты представляют собой смешение монголоидных и европеоидных рас, и можно предположить, что черты монголоидности у них приобретенные, ибо в I тыс. до н.э. в Средней Азии монголоидов не было.

И.В.Пьянков

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРЕДЫСТОРИИ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА

Цель настоящего доклада – выяснить, какой этнос занимал Среднюю Азию и восточную часть Иранского плато в I тыс. до н.э., какова этническая природа таких хорошо известных народов, как бактрийцы, согдийцы, хорасмии, ареи, саранги, арахосии и т.д. Обычно, по утвердившейся традиции, их называют восточными иранцами, но при этом не всегда бывает ясно, какой смысл вкладывают в это определение (этнический или просто географический).

По мнению автора, все эти народы представляют собой отдельную этническую общность, отличающуюся как от западных иранцев, так и от восточных; под последними нужно понимать для I тыс. до н.э. скифские (в широком смысле) народы, говорившие на восточноиранских языках. По основным своим этническим признакам выделяемая общность занимает промежуточное положение между западно- и восточноиранской общностями, поэтому ее можно было бы назвать "центральноиранской" (имея в виду, что это название, подобно названиям "западно- и восточноиранский", будет иметь этнический, а не географический смысл). В то же время, по всей совокупности своих признаков центральноиранская этническая общность – вполне самостоятельна и имеет достаточно четкие границы. Наметить пути для обоснования этих положений автор и попытается в дальнейшем тексте доклада (привести полную аргументацию здесь, конечно, невозможно).

Если взглянуть на этнографическую карту, то предполагаемая этническая общность окажется явным территориальным предшественником таджикского народа. Совпадение территории этой общности с исторически засвидетельствованной территорией расселения таджиков – действительно велико, хотя нужно заметить, что сама по себе географическая преемственность двух этносов еще ничего не говорит об этнической преемственности

их, тем более – о монопольной преемственности. В данном случае этническая близость двух сопоставляемых этносов – налицо, но приходится констатировать, что прямой и непрерывной преемственности между ними не было (поэтому и речь идет только о "предыстории", а не, скажем, о "ранней истории").

Центрально-иранская этническая общность, как и другие подобные общности, оставила после себя определенное культурное наследие, включающее и словесные, и вещественные памятники. К числу первых относятся Авеста и в основе своей – вся примыкающая к ней более поздняя зороастрийская литература. Данные Авесты часто трактуются как общеиранские или неопределенно как "иранские". Но следует сказать, что они целиком и полностью укладываются в географические и хронологические рамки центрально-иранской этнической общности. Следует заметить, что все авестийские тексты безусловно должны быть датированы доахеменидским временем. К более позднему времени может относиться, самое большее, лишь перекомпоновка уже имеющихся авестийских текстов по традиционным образцам. К числу вещественных памятников относятся материалы широкого круга археологических культур, эталонным памятником для которых обычно принимается Яз I–II (включая чустскую культуру и соответствующие археологические памятники Афганистана: Тиллятепе, Нади-Али, Мундигак У–УП и др.).

Центрально-иранская общность имела и свое этническое имя: "арья". Таково было ее самоназвание, что засвидетельствовано Авестой. В ней дан и перечень стран арьев: среднеазиатские и восточноиранские области; Персия и Мидия как-будто и не существует. Если считать этот перечень просто списком иранских стран, то состав его будет совершенно не понятен, особенно если учесть, что Видевдат, в котором содержится этот перечень – самая поздняя часть Авесты, составленная к тому же в Западном Иране, видимо, в Рагах – самой западной из перечисленных стран. Имеется множество различных толкований указанного перечня как отражения той или иной политической общности – преимущественно Ахеменидского государства на тот или иной этапе его истории. Но все они совершенно неубедительны,

т.к. сводятся просто к механическому сопоставлению территорий – так можно примеривать авестийский перечень к любой политической общности восточного Ирана любого времени, вплоть до Аршанского государства. Перечень будет понятен, если считать его просто списком тех стран, которые являются арийскими именно с точки зрения составителей Авесты. Как известно, "арьями" называли себя и западные, и восточные иранцы, и индийцы, но с точки зрения составителей Авесты они не были таковыми.

Рассматриваемая этническая общность была известна и древним грекам под названием "ариано" – названием, производным от "арья". Причем любопытно, что если проследить первоисточники сведений греков об ариано, то окажется, что все они восходят к данным, полученным непосредственно от центрально-иранских народов. Перечень стран ариано приводит Эратосфен. Исследователи обычно возводят этот перечень к тем или иным политическим общностям – опять-таки преимущественно к Аршакидскому государству, несмотря на прямое указание источника на то, что он имеет этническое содержание и несмотря на тот факт, что Эратосфен вообще не располагал сведениями о современном ему Парфянском государстве – сведения его относятся к более раннему времени. После Эратосфена о странах ариано рассказывал Аполлодор Артемитский. Он, видимо, определял принадлежность к ариано по языковому признаку.

Данные Авесты, Эратосфена и Аполлодора о территории обитания арьев в основном совпадают. Но если их выстроить в хронологической последовательности, то по ним можно наметить и некоторые изменения в границах, что вполне естественно в течение столь длительного отрезка времени. Все эти данные письменных источников можно конкретизировать с помощью, в общем, совпадающих с ними археологических данных о территории распространения памятников типа Яз. К сожалению, такие памятники на всей территории проживания центрально-иранских народов обследованы неравномерно, что затрудняет использование археологических данных.

Разрозненные упоминания о народе "камбоджей" в индийских и некоторых античных источниках, противоречивые на первый взгляд, кажется, тоже будут понятнее, если считать, что "камбоджи" – это общее наименование центрально-иранских народов, бытовавшее у индийцев. Возможно, что и персы употребляли это название в том же смысле (если имя "Камбиз" – действительно этнофорное). Понятно, что индийцы и западные иранцы, называвшие себя "арьями", не могли употреблять это слово в качестве этнического имени центрально-иранской этнической общности.

История центрально-иранской этнической общности как целостной общности укладывается в рамки I тыс. до н.э. Проблема сложения этой общности, разумеется, не может быть обсуждена в настоящем докладе во всем своем объеме. Ограничусь лишь некоторыми общими соображениями. Местом сложения указанной общности следует считать, согласно Авесте, страну Арьянам-Вайджа, которую нужно локализовать, если строго придерживаться указаний источников, в бассейне верхней Амударьи. Это была большая страна, которая примерно соответствовала Бактрии (в широком смысле) более позднего времени (в авестийские времена название "Бактрия" употреблялось лишь в узком смысле – оазис Балха). Очевидно, страну Арьянам-Вайджа нужно считать прародиной именно центрально-иранских народов, а не вообще иранцев, как часто говорят, т.к. авестийские арьи – это только центрально-иранские народы. Такое мнение, как будто, подтверждается и археологическими данными, т.к. здесь же обнаружены и древнейшие памятники типа Яз I. Сам процесс сложения центрально-иранской этнической общности был достаточно сложным. Этот процесс, видимо, слагался из двух этапов. На первом происходило наложение протоиранского слоя на какой-то местный автохтонный субстрат, представлявший собой, скорее всего, одну из групп древнейшего доиндоевропейского населения, современным реликтом которого являются бурушки. Эти события не нашли отражения в Авесте, но на них указывают многие другие данные, и, в частности, археологические. Археологически они могли быть засвидетельствованы такими памятниками, где андроновские элементы накладываются на культуру местного не-

олита, типичного для горных областей Средней Азии и соседних регионов. Такие памятники открыты в настоящее время таджикистанскими археологами. На втором этапе происходило наложение уже обособившегося центрально-иранского этноса на более ранний индоиранский субстрат и их сосуществование в течение некоторого времени. Этот процесс нашел широкое отражение в Авесте и других материалах - возможно, даже более широкое, чем обычно полагают. Археологически он выражен в смене памятниками типа Яз I памятников типа Намазга VI и в их частичном сосуществовании. Все это обусловило своеобразие центрально-иранской этнической общности.

Важным этапом в этнической истории центрально-иранских народов было вхождение их в широкое объединение, во главе которого стояли правители, носившие титул "кави". Судя по древней и очень устойчивой традиции, центр этого объединения находился сначала в современном Систане, а потом в Балхе (Бактра), т.е. в пределах центрально-иранской этнической общности. Создание древнебактрийского царства археологически, видимо, выражено в переходе от этапа Яз I к этапу Яз II. Гипотеза о доахеменидском Хорезмийском царстве мне представляется совершенно искусственной конструкцией. О некоторых кави говорится, что они правили всеми арийскими (т.е. центрально-иранскими) странами. Это, конечно, способствовало консолидации данной этнической общности.

Позднее центрально-иранские народы входили в состав государственных образований уже иноэтнического происхождения: ахеменидского и эллинистических. Но в политических и административных границах этих образований часто вполне отчетливо прослеживаются географические контуры центрально-иранской этнической общности. Археологически собственно ахеминидский этап в истории центрально-иранских народов представлен, видимо, памятниками типа Яз III, хотя одновременно с ними могли существовать параллельно и памятники типа Яз II. Археологические памятники эллинистического времени выделяются достаточно четко и о их своеобразии нет нужды говорить. В эту эпоху на территории обитания центрально-иранских народов появилось

много западных иранцев, греков и других чужеземцев. Центрально-иранские народы подверглись мощному культурному воздействию со стороны Передней Азии, но они, судя по многим признакам, упорно сохраняли свою этническую самобытность.

Новая ситуация сложилась в период от IУ по I вв. до н.э. В этот период в разное время и с разных сторон на территорию расселения центрально-иранской этнической общности проникают во множестве восточные иранцы, которые создают там новые государственные образования и постепенно ассимилируют местное население. Несколько позже с запада начинается наступление западных иранцев. В результате этого центрально-иранский этнос, конечно, не исчез, но сплошной его ареал был разорван и остались лишь отдельные изолированные очаги.

Единственный центрально-иранский язык, дошедший до нас в связных текстах - это язык Авесты. В современных классификациях иранских языков он занимает обособленное место- промежуточное между западными и восточными иранскими языками. В нем выделяется диалект Гат - первоначального ядра Авесты, который несколько ближе к восточно-иранским языкам. Скорее всего, языки отдельных центрально-иранских народностей - бактрийцев, ареев, сарангов, арахосиев и других - отличались один от другого не более, чем на уровне диалектов.

Язык Авесты еще в прошлом веке называли бактрийским. Но Хеннинг определил в качестве бактрийского язык кушанских памятников - совсем иной, восточно-иранский язык, и с тех пор название "бактрийский" за ним и закрепилось. Однако правомерность такого определения вызывает очень большие сомнения. Письменность для этого языка была создана при Канишке или его ближайшем предшественнике, которые происходили из среды пришлых завоевателей - тохаров (юечжи). И было бы очень странно, если бы эти цари составляли свои надписи не на своем языке, а на языке местного населения, изобретая для него новую письменность. Аналоги такой ситуации было бы трудно подыскать. Это тем более невероятно, что судя по археологическим данным, пришлые тохары быстрее устанавливали контакт с греческим и эллинизированным населением, чем с местным иранским, упорно придерживавшимся своих древних обычаев. Как бы

то ни было, никаких следов существания т.н. "бактрийского" языка в Бактрии до вторжения тохаров-юечжи – не имеется. Известные нам имена бактрийцев вроде бы не обнаруживают никаких черт, характерных для этого языка. А недавно ставшее известным бактрийское имя "Атросок" находит прямое соответствие в Авесте. Очевидно, т.н. "бактрийский" язык – это восточно-иранский язык скифского народа тохаров (юечжи), пришедших в Бактрию во II–I вв. до н.э., и его правильнее было бы назвать "тохарским", если бы это, к сожалению, не вызывало терминологической путаницы.

Сложнее обстоит дело с языками согдийцев и хорасмиев. Известные по памятникам согдийский и хорезмийский языки – восточноиранские. Но памятники эти относятся к эпохе, намного более поздней, чем рассматриваемая, ко времени, когда единый ареал центрально-иранской этнической общности был разорван вторгшимися восточно-иранскими племенами. Вполне возможно, что окраинные восточно-иранские народы, наиболее тесно соприкасавшиеся с восточными иранцами, в это время перешли на восточно-иранскую речь. Видимо, не случайно, что хорезмийский и согдийский языки обнаруживают следы специфических связей с авестийским, и возможно, что это субстратные следы первоначального языка хорасмиев и согдийцев.

Местные центрально-иранские языки могли сохраниться и после прихода восточно-иранских кочевников. Еще к сасанидскому времени относится известие о каком-то языке Балха. А в более поздние времена источники говорят о неперсидских местных языках Балха, Термеза, Хутталя и других областей, причем наряду с тохарским.

Все это хорошо согласуется с тем, что мы знаем о письменности центрально-иранских народов, которые пользовались арамейским письмом, доставшимся им в наследство от канцелярий ахеменидских сатрапов. Но у них существовала и своя собственная письменность, т.н. "неизвестная", нерасшифрованная, письменность, памятники которой разбросаны на территории расселения центрально-иранских народов, но преимущественно в Бактрии, и относятся ко времени между V в. до н.э. –

VII в. н.э. Недавняя находка такого памятника на Айханум со всей определенностью свидетельствует, что этой письменностью пользовалось именно местное население Бактрии – негреческое и дотохарское. Случай употребления этого письма в трилингве рядом с т.н. "бактрийской" версией свидетельствует, что язык "неизвестной" письменности отличается от т.н. "бактрийского" языка Кушанов. Очевидно, "неизвестная" письменность была исконной письменностью центрально-иранских народов, которой они пользовались и в глубокой древности, и позднее, когда они в отдельных очагах говорили на т.н. "местных" языках, нетохарских и неперсидских.

Считается, что авестийский язык не оставил прямого продолжения среди более поздних иранских языков. Но в Афганистане и Пакистане еще и доныне сохранились реликтовые языки ормури и парачи, которые, как и авестийский язык, занимают промежуточное положение между западными и восточными иранскими языками. Иногда почему-то полагают, что близость этих языков к западно-иранским языкам предполагает миграцию носителей их из Западного Ирана на восток в сравнительно позднее, историческое время, как будто непринадлежность их к восточно-иранской группе обязательно свидетельствует о приходе с запада. Думается, что это не так. Многие факты указывают на глубокую древность и значительно более широкое, чем сейчас, распространение этих языков в прошлом: они, или близко родственные им языки, послужили субстратом для некоторых диалектов белуджского и афганского языков, носители их населяли многие оазисы как к югу, так и к северу от Гиндукуша, в т.ч. Мазари-Шериф (рядом с Балхом). Можно поставить вопрос: не являются ли языки ормури и парачи реликтами центрально-иранских языков?

Существуют и другие черты, характеризующие центрально-иранскую этническую общность и в достаточной мере свидетельствующие о ее самобытности.

Физический облик представителей этой общности отличался восточносредиземноморским антропологическим типом. Антропологические материалы, сопутствующие памятникам типа Яз, довольно скудны – это, видимо, объясняется своеобразным погре-

бальным обрядом, практиковавшимся носителями культур "язовского" круга, обрядом выставления. Но и имеющийся материал позволяет предполагать, что восточносредиземноморский антропологический тип был свойственен носителям этих культур с самого начала. Данный факт может иллюстрировать роль этнического субстрата центрально-иранских народов, т.к. предшествовавшее им население характеризовалось тем же антропологическим типом. Впрочем, здесь нужно учитывать, что и андроновцы, среди которых вероятнее всего искать протоиранцев – прямых предков центрально-иранских народов, нередко имели, особенно в Западном Казахстане, тот же тип. Современные же центральным иранцам степные народы, их соседи на севере, антропологически отличались от них. Разумеется, речь идет лишь о преобладающих типах. Непроходимого антропологического барьера не было. Иной антропологический тип был, видимо, и у западных иранцев того времени. Центральные иранцы долго сохраняли свойственный им антропологический тип. Показательно, что в захоронениях, совершенных по обряду выставления в разных его разновидностях, вплоть до пенджикентских наусов, преобладает восточносредиземноморский тип, в то время как в курганных и грунтовых могильниках давно уже господствовали иные типы, в частности, тип среднеазиатского междуречья.

Очень интересна проблема социального строя центрально-иранской этнической общности. Характерной чертой социального строя Средней Азии в эпоху раннего средневековья, довольно хорошо освещенной источниками, была выдающаяся роль военного сословия, представители которого являлись и землевладельцами. В источниках того времени они назывались дихканами. Но вся совокупность источников – Авеста, античные известия и археологические данные – свидетельствуют, что та же черта была свойственна социальному строю центрально-иранских народов и в значительно более раннее время. И тогда у них ведущую роль играло военное сословие, которое традиционно называлось "колесничими", хотя фактически это были не столько колесничие, сколько тяжеловооруженные всадники. Именно они, видимо, жили в укрепленных "усадьбах", хорошо известных археологам. Во главе их стояли "властители" (састары), жившие во дворцах на

высоких платформах или на "скалах". А наиболее могущественные из "властителей" были и "владыками областей". В зарубежной литературе давно уже принято называть этих владетелей "рыцарями" и "баронами". И надо сказать, что сходство тут, во всяком случае внешнее, действительно велико. И оно подтверждается ставшими сравнительно недавно известными изображениями бактрийских тяжеловооруженных всадников.

Источники позволяют поставить и интересный вопрос о происхождении этого сословия. В более поздней мифологической традиции первым "владыкой области" считался Хушенг, а первым дихканом – его брат. Хушенг носит прозвище "парадата" ("пишдад"). То же прозвище (в форме "паралаты") носили, как известно, "царские" скифы: именно эти скифы вторглись с востока в Северное Причерноморье и подчинили местное земледельческое население, которое позднее стало называться "скифами-земледельцами и пахарями". Может быть, и в Средней Азии первоначальными носителями центрально-иранского этноса были удачливые завоеватели, происходившие из среды пастушеских, степных или горных племен, со своими дружинами, подчинившие и постепенно ассимилировавшие автохтонное земледельческое население. Такой вывод, в общем, согласуется с традиционным представлением о том, как распространялись иранцы по Иранскому плато.

В ходе дальнейшего процесса этнической консолидации центральных иранцев, очевидно, был и другой существенный момент. Знаменателен такой факт: в период Яз I вся фортификация, похоже, была направлена на то, чтобы отгородить обитателей дворцов на платформах от окружающего сельского и прочего населения, и лишь в период Яз II появляются оборонительные стены вокруг всего поселения. Это, мне кажется, позволяет проследить и изменения в степени этнической обособленности разных социальных слоев населения. Конечно, этот процесс сопровождался и какими-то событиями большого социального значения. Я думаю, что на гребне этих событий и поднялся Заратуштра со своей проповедью, время которого, если следовать традиционной дате, как раз и приходится на начало периода Яз II. Идеология первоначального зороастризма – это идеология

крестьянства, направленная не только против кочевников, но и против враждебных местных "властителей".

Своеобразие центрально-иранской этнической общности проступает вполне отчетливо и в области духовной культуры. Представления народа о своем происхождении обычно выражаются в генеалогических легендах. Такие легенды у индоиранских народов очень разнообразны, но все они обнаруживают глубокую генетическую связь между собой и, видимо, восходят к общим древним архетипам. По-видимому, с самого начала генеалогические легенды существовали в двух вариантах: социальном и этническом, хотя впоследствии они самым причудливым образом переплетались и сливались друг с другом. Оба варианта представлены в Шахнаме и, поскольку прототипы их прослеживаются в Авесте, их можно считать центрально-иранскими по своему происхождению. Социальный вариант представлен преданием о Кеюмарсе и его сыновьях, в том числе Хушенге, а этнический - преданием о Феридуне и его сыновьях. Сравнивая архетип этих легенд с версией Авесты, а затем с версией Шахнаме, можно проследить, как рационализировались эти легенды, превращались в "историю". Но путь эволюции этих легенд здесь - свой, совершенно иной, чем, например, у скифов или индийцев. Так, этнический вариант генеалогической легенды в древнейшим его виде включал мотивы борьбы прародителя с горным драконом, брака с речным божеством, похищения коров и т.д. В Шахнаме он представлен в виде сказания о борьбе с Зохаком. Авестийская версия этого сказания - где-то на полпути между указанными крайними версиями, хотя, видимо, все же ближе к версии Шахнаме.

Здесь мы подходим к вопросу об историческом эпосе центрально-иранской этнической общности. Обычно каждая общность имеет свой цикл исторических преданий, свой исторический эпос. Имели его и центральные иранцы, но, как ни странно, в наиболее полном виде он дошел до нас в составе персидско-таджикского исторического эпоса - Шахнаме, в ее окончательном виде оформленной, как известно, великим Фирдоуси. Центрально-иранские предания составили не только обильную часть этого эпоса, но и в повествовании о ранних временах в вообще

подменили собой первоначальный персидский эпос.

Если в той части Шахнаме, которая повествует о ранних временах вплоть до Кеянидов включительно, изъять поздние наслоения, заимствованные из сакского и парфянского циклов, то оставшаяся основа будет довольно точно соответствовать эпосу, отраженному в Авесте. Звеном, искусственно соединяющим эту основу с более поздней, собственно западно-иранской частью, является фигура Бахмана, отождествляемого с Артаксерксом. В целом же Ахемениды удивительным образом оказались исключенными из персидской "Книги царей", хотя известно, что у древних персов существовал цикл сказаний о них.

Как ни близки этнически западные иранцы к центральным, это явление все же требует объяснения. Думается, что парфяне к этой подмене совершенно непричастны, т.к. их никак нельзя признать носителями центрально-иранского эпоса. Видимо, единственное объяснение заключается в следующем. Эпические предания центрально-иранских народов распространялись вместе с зороастризмом, тоже возникшим в среде центральных иранцев. Уже при Ахеменидах в Западном Иране можно уловить следы центрально-иранских эпических сказаний. В дальнейшем авторитет зороастрийской религии способствовал все большему распространению и выдвижению на первый план именно центрально-иранского эпоса. Не случайно хранителями его выступают маги. Известно, что и Сасаниды, при которых оформился персидский эпос "Книги царей", сами были сначала магами - служителями храма Анахиты, зороастрийского божества среднеазиатского происхождения. Не случайно, может быть, и то, что хранителями центрально-иранских эпических традиций являлись дихканы.

Центрально-иранская этническая общность имела и свою систему религиозных верований и обрядов, и свои, весьма специфические, погребальные обряды. Но остановиться подробнее на всем этом здесь, к сожалению, нет возможности.

Вся сумма рассмотренных материалов позволяет, мне кажется, говорить об отдельной этнической общности, которую можно назвать центральноиранской. Будучи вполне самобытной, она в то же время занимает промежуточное место между западноиранской

и восточноиранской этническими общностями. По некоторым признакам она ближе к западноиранской общности, чем к восточноиранской.

Прямой и непрерывной связи с более поздним этносом на той же территории – таджикским народом она не имеет, тем не менее, многие важные элементы культуры и даже специфические черты социального строя, засвидетельствованные для таджиков на протяжении их истории, уходят своими корнями в культуру центральноиранских народов, без изучения которых невозможно понять ни прошлое, ни настоящее таджикского народа.

1. История таджикского народа. Т.I. М., 1963.
2. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Отв. ред. Б.А.Литвинский. М., 1972.
3. Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.
4. The Cambridge History of Iran.Vol.II,III(1,2).Cambridge, 1985, 1983.
5. Frye R.N. The history of ancient Iran. München, 1983.

Б.А.Ахмедов

ЗНАЧЕНИЕ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ В ИЗУЧЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

К числу слаборазработанных проблем истории Средней Азии и Казахстана относятся сложные вопросы этногенеза и этнической истории.

Для изучения наиболее ранних периодов этнической истории важное значение имеют "Авеста", священная книга зороастрийцев, древнейшие части которой отражают исторические реалии начала I тыс. до н.э., а также "Хвадай намаг" ("Книга о владыке") [1], в котором изложена история древнего Ирана и временно подпавших под его владычество народов и стран, до Сасанидов включительно. Правда, оригинал этого сочинения не сохранился. Не дошел до нас и его арабский перевод, выполненный в сер. УШ в. замечательным стилистом, поэтом и переводчиком знаменитого индийского сборника сказок "Панчатантра" (известного у нас под названием "Калила и Димна"), 'Абдаллахом ибн Мукаффой. Перевод ибн ал-Мукаффы был известен под названием "Китаб сияр ал-мулук" ("Жизнеописание царей"). Но к счастью, "Хвадай намаг" не пропал бесследно. Важнейшие части сочинения сохранились в "Уйюн ал-ахбар" ("Источники преданий") ибн ал-Кутайбы (ум. в 889 г.) и в знаменитой "Истории" Табари (838-932). Из среднеперсидских письменных источников назовем еще "Шахристанха-йи Иран" ("Города Ирана"), составленное в УI в. н.э. [2] В этих трудах можно встретить сведения и о древних жителях Средней Азии и Казахстана.

Ценные сведения по древнему периоду этнической истории Средней Азии и Казахстана, в частности о саках, тохарах, кангха, их хозяйственной жизни и торговых связях с Индией содержатся в эпической поэме на санскрите "Махабхарата" ("Сказание о великой битве бхаратов"), древнейшие сюжеты которой восходят ко второму-первому тысячелетиям до н.э., а поздняя редакция датируется началом I тыс. н.э.

Для изучения древней истории Средней Азии и Казахстана, вернее саков, массагетов, бактрийцев, согдийцев, хорезмийцев и др. чрезвычайно ценны сведения древнегреческих и римских историков и географов: Геродота (У в. до н.э.), Эфора (IУ в. до н.э.), Страбона (I в. до н.э. – I в. н.э.), Помпея Трога (I в. до н.э. – I в. н.э.), Плиния (I в. н.э.), Климента Александрийского (П в. н.э.), Элиана (П–Ш вв. н.э.)и др.[3]

Немаловажное значение в изучении древней истории Средней Азии и Казахстана, особенно этнической истории населявших ее в прошлом народов (усунь, кангюйцев, даев, юэчжи, согдийцев и др.) имеют китайские хроники: "Исторические записки" Сыма Цяня (конец П – начало I в. до н.э.), "История старшего дома династии Хань"(25–265 гг. н.э.), "История дома Вэй" (386–581 гг.), "История дома Суй" (581–618 гг.), "История северных дворов" (УП в.), отдельные фрагменты из которых, в переводе на русский язык, были опубликованы в свое время выдающимся синологом Н.Я.Бичуриным[4]. Они в основном отражают агрессивную политику феодальных правителей, но тем не менее содержат ценные сведения о торговых и политических связях Китая со Средней Азией (особенно с Киргизией, Ферганой и Ташкентом) и с Казахстаном.

Небезынтересны также сведения китайских путешественников: Сун Юня (519 г.), Сюань-цзана (ок. 639–645), Хой Чао (726 г.) и др.[5]

Весьма ценные сведения содержат арабоязычные, персоязычные и тюркоязычные сочинения IX–XУ вв. Из их авторов хотелось бы здесь отметить ал=Балазури (ум. в 892 г.), ат=Табари (839–923), ал=Истахри (849–934), Ибн Хаукаля (X в.), ал=Йа'куби (ум. в 897 или 905 г.), ал=Мас'уди (ум. в 956 г.), Йа'кута (1179–1229), Махмуда Кашгари (род. между 1029–1038); Гардизи (XI в.), Фахр ад=Дина Мубарак=шаха Мерверрруди (вторая полов. XII – нач. XIII вв.), Рашид ад=Дина (1247–1318), Шараф ад=Дина 'Али Йезди (ум. в 1454 г.), Улугбека (1394–1449).

Труды арабоязычных авторов (Балазури, Табари, Истахри, Мас'уди и др.) важны тем, что в них мы находим ценнейшие сведения о расселении тюркоязычных племен[6] на территории Средней Азии и Казахстана, в том числе в пределах оазисов Бухары,

Самарканда, в Шаше, Фергане, Чаганиане, Хутталане, Тохаристане (область в верховьях Амударьи) и Дихистане (область в юго-восточной части Прикаспия, севернее р.Атрек); в них содержится и описание совместной борьбы тюрков и согдийцев против арабских завоевателей.[7] Так Табари, сообщая о событиях 54/674 г. писал, что арабский наместник Хорасана, Убайдаллах [ибн Зийад] переправившись через реку (Амударья – Б.А.) отправился "к горам Бухары на верблюдах. Именно он был первым, кто, идя против них, перешел через горы Бухары во главе войска. И он завоевал Рашитан и половину Байкенда, а оба они принадлежат к Бухаре... Убайдаллах ибн Зийад встретил в Бухаре тюрков, а с их царем была его жена Кабадх=хатун..."[8]. Заслуживает внимания сообщение этого источника о 2.000 отличных тюркских стрелков "мечущих деревянные стрелы (нушшаб)", которых Убайдаллах ибн Зийад привел из Бухары в Басру[9], по-видимому для несения какой-то особой военной службы. Ценны и сведения историка о поражении, которое потерпел от согдийцев и тюрков новый арабский наместник в Хорасане Са'ид 'Абд ал='Азиз (720–722), за что он был прозван Са'ид Хузейна (господа Са'ид) и смещен со своего поста; о кровопролитном сражении Асад ибн 'Абдаллаха (наместник Хорасана в 724–728 и 735 гг.) в Хутталане с тюрками и их каганом; в этой битве большая часть арабского войска была перебита, а оставшиеся в живых попали в плен; о кровопролитном сражении между арабами и тюрками у селения Сидра в области Балха (на месте или около нынешней Ахчи), в котором на стороне хакана участвовали царь Согда, владетель Шаша Курсул, Харабугра, владетель Хутталана тохарский джабгуйу и тюрки ал=Хутталя. Когда же хакан осадил арабов в Балхе, то на его стороне стояли маверраннахрцы, жители Тохаристана во главе с джабгуйу и 30.000-ным войском[10].

Для изучения этнической истории народов Средней Азии и Казахстана большую ценность представляет известный географический труд анонимного автора "Худуд ал='алам ("Границы мира"), составленный в 983 году[11]. В нем мы находим важные сведения о расселении многих тюркских племен: тогузгузов, ягма, хирхиз (киргиз), халлух (карлук), чигил, тухси, кимак, гузз,

печенег, кипчак и др.

Как видно, в УІ–УП вв. тюрки играли большую роль в политической жизни Средней Азии, и не только в политической жизни. Правильно отметил академик Б.Г.Гафуров: "с УІ–УШ вв. тюрки начинают играть существенно важную роль в среднеазиатской этнической истории" [12].

Важные сведения о расселении в Средней Азии тюркских племен (баджанак, кипчак, огуз, йамак, башгырт, басмил, кай, йабаку, татар, киргиз, чигил, тухси, йагма, играк, жарук, кумул, уйгур и др.) приводит Махмуд Кашгари [13].

Сведения Табари и Махмуда Кашгари о тюрках и тюркских племенах Центральной и Средней Азии и их расселении подтверждают Гардизи (XI в.) и Фахр ад=Дин Мубарек=шах Мерверуди (вторая полов. XII – нач. XIII вв.). Например, у последнего читаем: "... На востоке вилайета тюрков расположена страна Чин, с запада граница Туркестана соприкасается с Румом, с севера она проходит по стене Гога и Магога, а с юга проходит по снежным вершинам гор Хиндустана..."

Этот же автор сообщает, что у тюрков была письменность: [они] "знали тайны волшебств и небесных светил; обучали детей грамоте. У них было два вида письма: один – сугдский, другой – тогузгузский. В сугдском [письме] было 25 букв и отсутствовали три: "ваз", "ва" и "гайн"; пишется справа налево. [При этом] буквы не соединяются друг с другом... Тогузгузское письмо... состоит из 28 букв; пишется справа налево; [при этом буквы] друг с другом не соединяются...

Тюрки также умеют слагать стихи – касиды и рубаʻи... Племена у тюрков многочисленны... Названия их следующие: турк, йамак, киргиз, чигил, анмур, харлух, кынык, йагы, салук, халадж, огуз, ...гай, ...кай, уран, тухси, тибат, кара тибат, сакулай, кимджи, камак, хазар, кара хазар, хифчак, алти гузз, кара гузз, токузгузз, йагма, аракун, кийак, салтыр, йазгыр, рукур, баяндур, алайандулик, уйгур, туграк, байат, тутурга, дучетан, суйик, йабагу, эфшар, бакриз, бекдили, икба, откук, ли'зутар, урул, дартелик, басмил, ал=Барсхан" [14].

Фахр ад=Дин Мерверуди указывает на те же границы расселения тюркоязычных народов, что и Махмуд Кашгари [15].

Остановимся еще на некоторых источниках.

Широкоизвестный труд Рашид ад=Дина, основанный на достоверных сведениях, является неоценимым источником для изучения этнической истории тюркоязычных народов Средней и Центральной Азии. Большое место в своем труде Рашид ад=Дин уделил истории более чем пятидесяти тюркских и тюрко–монгольских племен, населявших империю Чингиз=хана и его потомков. При этом ученого занимают такие вопросы, как история появления их на исторической арене, разветвления их на разные подразделения и роды, как жизнь предков и видных предводителей каждого племени. Из сообщений Рашид ад=Дина явствует, что в числе племен преобладали племена тюркского происхождения. Заслуживает внимания исследователей еще и тот факт, что такие племена, как джалаир, сунит, татар, меркит, курлаут, таргут, уйрат (ойрат), тумат, булгачин, теленгут и др. по происхождению были тюрками и только во времена Чингиз=хана стали называться монголами. Вместе с тем многие монгольские племена: урянкат, конгурат, уряут, хушин, суддус, илдуркин, баят, кингит, катакин, салджуит, тайджуит, чинас, сиджуит, урут, дурбан, баарин (бахрин), барулас, хазаркин, джурят, будат, дуглат, йисут, сукан, кунгият во времена Чингиз=хана, а возможно несколько раньше, отюречились [16]. Наиболее крупными и организованными из тюркских племен были кераит, найман, онгут, тангут, уйгур, бакрин, киргиз, карлук и кипчак [17]. Характеризуя их всех, Рашид ад=Дин пишет: "Их обиталища (юрт) и становища (макам) были в определенных местах. Их внешний облик и язык похожи на внешность и язык монголов, потому что в (древности) монголы были народом, принадлежащим к тюркским племенам." [18]

Большой этнографический материал содержит "Зафар=наме", труд историка эпохи Тимура Шараф ад=Дина ʻАли Йезди. В нем приведен перечень более сорока племен и народностей: тюрк, арлат, узбек, асс, уйрат, ит барак, уйгур, башкирд, барлас, татар, таджик, токмак, тенкит, тайджуит, туркмен, джалаир, дурман, салджуит, шамйан, халадж, доглат, суддус, ганчи, хазара ганчи, сайхут, кипчак, казак, хазара казак, чотир казак, кара татар, кара хитай, кара калканлык, киргиз, кар-

лук, калмак, конгурат, кангли, кият, кайан, кайтаг, келечи, маджар, могул, мекрит, манкут, мумак, мангит, найман и др.[19] Среди этих названий племен есть такие, которые не упоминаются ни в числе пришедших с Чингиз-ханом племен в XIII веке, ни в составе т.н. узбеков Шейбани-хана (нач. XVI в.). Это племена: арлат, туркман, кангли, сайхут, шамйан, кара татар, кара хитай, казак, хазара казак, чотир казак, ганчи, хазара ганчи, мумак. Примечательно, что здесь отдельно упоминаются несколько этнонимов крупных этносов – узбек, таджик, казак и родовые ответвления последнего: хазара казак и чотыр казак[20].

Надо отметить также исторический труд Улугбека "Тарих-и арба' улус" ("История четырех улусов")[21]. Он интересен тем, что в нем мы находим новые сведения о появлении этнонима "узбек", как собирательного имени для всего тюрко-монгольского населения восточной части Дашт-и кипчака задолго до воцарения здесь Узбек-хана (1312-1341). Рассказ автора по этому поводу вкратце сводится к следующему "Узбек-хан ибн Торгул после смерти Токтай-хана в 712/1312 г. воссел на престол в улусе узбеков (дар улус-и узбек). В течение восьми лет после восшествия на престол он жил в области (мамлакат) Арка Дашт-и кипчака, проводил время на охоте, в увеселениях и знакомился с улусом. После этого, по настоянию Саида Ата, в 720/1320 г. он принял ислам и его святейшество прозвал его Мухаммад Узбек-ханом. Вслед за ним большая часть населения улуса тоже приняла мусульманство..."[22]. Из этого следуют два вывода:

1. Территория восточной части улуса Джучи еще до Узбек-хана называлась улусом узбеков.

2. Узбек-хан через восемь лет после своего восшествия на престол обратил население своего улуса в ислам.

По XVI-XVII вв. мы располагаем большим количеством источников. Основные из них: "Таварих-и гузиде, нусрат-наме" ("Избранная история, книга побед") анонимного автора, "Шейбани-наме" Камаль ад-Дина Бинаи и Мухаммад Салиха, "Михман-наме-йи Бухара" ("Книга бухарского гостя") Фазлаллаха ибн Рузбехана, "Тарих-и Абу-л-Хайр-хани" Мас'уда ибн Усмана Кухистани,

"Бабур-наме" Бабура, фундаментальный труд Хафиз-и Таныша Бухари "Шараф-наме-йи шахи" ("Книга шахской славы"), "Шаджара-йи тюрк ва могул" ("Генеалогия тюрков и могулов") Абу-л-Гази-хана и очень интересный, но малоисследованный труд Мухаммад Вафа-йи Керминеги и Алим-бека "Тухфат ал-хани" ("Ханские подарки"), известный также под названием "Тарих-и Рахим-хани" ("Рахимханова история").

В этих сочинениях приводятся не только названия и перечни тюркоязычных племен, населявших среднеазиатское междуречье и Казахстан в XVI-XVII вв. Как показывает тщательное изучение данных источников, массив тюркомонгольских племен, переселившихся из Дашт-и кипчака в средне-азиатское междуречье в самом начале XVI века вместе с Шейбани-ханом и составивших один из поздних этнических компонентов в сложении узбеков, по численности был невелик. Согласно "Таварих-и гузиде, нусрат-наме", "Шейбани-наме" Бинаи и "Тарих-и Абу-л-Хайр-хани", он состоял из 24-26 племен: кушчи, буркут, найман, уйгур, курлаут, гирайли, кият, конгурат, тангут, ички, дурман, ябагу, хитай (потомки древних киданей), чимбай, шункарлы, шадбаклы, ийджан, каучин, мангыт, джургун, минг, бачкырд (башкырд), маджар, салур казан, ички байри[23]. По "Шараф-наме-йи шахи", составленной в конце XVI в., число их – более сорока: бахрин, беш юз, дурман, джалаир, кенегес, мангыт, минг, маджар, найман, алчин, арлат, суллуз, тонгярук, уйгур, халадж, хитай, ширин, утарчи, кангли, катаган, кипчак, конгурат, кият, аргун (аргын), ябу, мугал, саджават, тубай, тума, кераит, карлук, сарай, турк, уйшин и др.[24]. По данным Махмуда ибн Вали (XVII в.) число их превышает пятьдесят. К тем племенам, которые приведены в "Шараф-наме-йи шахи" добавлены: буйрак, кырк, курама, дугдак, юз, келечи, узз, кулан аяили, кука араб, куш аяк, уйрат, булачи (булгачи), мекрит, фулавчи, шабаят, месит и др.[25]

Сведения Махмуда ибн Вали совпадают с материалами "Шаджара-йи тюрк ва могул" и "Тухфат ал-хани".

Надо сказать, что и здесь, у Улугбека и авторов XVI-XVII вв. встречаются новые имена племен, отсутствующие в составе тюркомонголов Чингиз-хана и узбеков Шейбани-хана, а именно: алчин,

ябу, тюрк, тонгярук, буйрак, дугдак, келечи, узз, кока араб, месит, шабаят, ширин, катаган, саджават, сарай, кулан аянли, куш аяк, фулавчи, беш юз, кирк. По=видимому часть их (алчин, ябу, тюрк, тонгярук, буйрак, дугдак, келечи, узз, катаган, халадж) относятся к тюркоязычным племенам УІ-Х вв., пришедших в среднеазиатское междуречье в составе тюрков Каганата и государства Караханидов, часть же (месит, шабаят, саджават, сарай, фулавчи, ширин, без юз, кирк) относятся к тюрко-монгольским племенам Дашт=и кипчака и Семеречья, перекочевавшим в упомянутый выше регион в ХШ-ХІУ вв. во времена Чагатаидов.

В сочинениях ХІУ-ХУП вв. приводятся не только названия тех или иных племен, но и указываются территории их расселения, роль и место того или иного племени в общественно-политической жизни страны и в военном строе узбекского войска. Прекрасной иллюстрацией к этому мог бы служить специальный раздел "Бахр ал=асрар", опубликованный в свое время В.В.Бартольдом [26]. В этом отношении интересны упомянутые выше сочинения Мухаммад Вафа=йи Кермингеи и Алим=бека, где указывается состав некоторых племен и территория их расселения. Так, в ХУП-ХУШ вв. племена бахрин, етти уруг и джалаиры заселяли Миянкалат; кенегесы - Шахрисябз и его область; мангыты - в основном Карш.; сараи - Хузар; буркуты - Нур; дурмены - Кубадиан; юзы и утарчи - Хисар, Ура=тюбе и Ургут; кырки - Джизак; конгураты - Байсун и Кштут и т.д. Историк приводит интересные сведения о роде или племени ябу (входившем в состав племенного союза етти уруг) и обитавшем между селениями Туркестан и Шахарак в Миянкале в тумане Самджен, о родах шади и мерке из племени юз, обитавших в Ургуте и Хисаре [27].

В ХУІ-ХУП вв. в литературе ("Шараф=наме=йи шахи", у Турди Фараги и др.) появляются сообщения о 92 родах, а в некоторых сочинениях, в частности в "Маджма' ат=таварих" ("Собрание историй") ферганца мулла Сайф ад=Дина Ахсикети (ХУІ в.), "Насаб=наме=йи узбек" ("Генеалогия узбеков"), "Асами=йи навади ду фирка=йи узбек" ("Названия девяноста двух узбекских родов") и в "Тухфат ат=таварих=и хани" - приводится

полный их перечень.

Мы отметили здесь, в качестве примера, лишь отдельные сочинения средневековых авторов. Цель наша была лишь привлечь внимание исследователей к значимости письменных памятников в изучении этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. При этом мы даем себе полный отчет в том, что во-первых, на данных только одного сочинения делать далеко идущие выводы научно неприемлемо, а во-вторых, любой вопрос истории должен разрабатываться на базе всех источников: вещественных, письменных этнографических и фольклорных; путем их комплексного изучения.

1. О нем см. Розен В.Р. К вопросу об арабских переводах "Худай=наме" // "Восточные заметки". СПб., 1895. С.153-191.

2. Текст его издан Блошэ в Париже в 1895 г. См. также: Markwart J. A catalogue of the provincial capitals of Eranshahr(Pahlavi text version and commentary).Roma,1931 (Analecta Orientalia,N 3).

3. См. Древние авторы о Средней Азии (УІ в. до н.э. - Ш в. н.э.). Хрестоматия. Под редакцией Л.В.Баженова. Ташкент, 1940. С.19-25, 126-127, 133.

4. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Сочинение монаха Иакинфа. Ч.I-Ш. СПб., 1851. Второе издание: Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Редакция текста, вступительная статья и комментарии А.Н.Бернштама и Н.В.Кюнера. Т.I-Ш. М.-Л., 1950-1953.

5. Chavannes E. Voyage de Song yun... BEFEO, t.III,1903; Buddhist records of the western world.Transl.by S.Beal, vol.I-II,London,1906; W.Fuchs.Hiei Chaos Pilgerreise durch Nordwest- und Zentral-Asien um 726, SPAW,1938.

6. Мы останавливаемся только на источниках по этнической истории тюркоязычного населения; что же касается ираноязычного, то они рассмотрены в известной книге академика Б.Г.Гафурова. (Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С.27-43, 83, 203-210, 370-376 и др.).

7. Балазури. Китаб futuh ал=булдан. Каир, 1901. С.417, 422, 440; Истахри. Descriptioditionis moslemicae auctore al-Istakhri,Lugduni-Batavorum,2-ed,1927(BGA,1).

С.9, 212, 216. Мас'уди. Мурудж аз=захаб ва мада'ин ал=джавахир. Каир, 1909. С.245, 247; История ат=Табари. Перев., прим. В.И.Беляева. Подготовка к печати О.Г.Большакова и А.Б.Халидова. Ташкент, 1987. С.44, 181 и др.

8. История Табари. С.44.

9. История Табари. С.44.

10. История Табари. С.181, 242-244, 247, 248, 251 и др.

11. После Бартольда и Минорского этот труд был издан в Иране (1962), Афганистане (1342 х.с.) и Душанбе (1983).

12. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Москва, 1972. С.371.

13. Махмуд Кошгарий. Туркий сўзлар девони. Т.I Ташкент, 1960, 64=бет.

14. Tarikh-i Fakhru'd = Din Mubarakshan being the historical introduction to the Book of Genealogies of Fukhru'd= Din Mubarakshah Marwar-rudi compled in A.D. 1206.Ed.from unique Manuscript by E.Denison Ross,London,1927.P.37-38,40--45,47.
(Чтение названий многих племен требует специального исследования и уточнения).

15. Там же. С.37-38.

16. Рашид ад=Дин. Сборник летописей. Т.I. Кн.I. С.92-125, 156-197.

17. Рашид ад=Дин. Указ. соч. Т.I. Кн.I. С.126-151.

18. Рашид ад=Дин. Сборник летописей. Т.I. Кн.I. С.92.

19. Шараф ад=Дин 'Али Йезди. Зафар-наме. Ташкент, 1982. Сведения о названиях тюркских племен разбросаны по всему труду, извлечены и объединены автором доклада.

20. Шараф ад=Дин 'Али Йезди. Зафар-=наме. Л.6а, 21а, 42а, 45б, 54а, 68б, 71б, 105б, 119б, 148б, 155а, 258б, 270б, 275б, 276б, 277б, 300а, 302а и др.

21. Об этом сочинении подробно см. Ахмедов Б.А. Улугбек и его исторический труд "Тарих=и арба 'улус" // Сб. Из истории эпохи Улугбека. Ташкент, 1979. С.35.

22. Тарих=и арба' 'улус, ркп. Британского музея, инв. № ADD 16190. Л.122а.

23. Таварих=и гузиде, нусрат=наме. Исследование, критический текст, аннотированное оглавление и таблица сводных оглавлений А.М.Акрамова. Ташкент, 1967. С.276, 285, 288, 325 и др.; Камал ад=Дин Банаи. Шейбани=наме, ркп. ИВ АН Уз. ССР, инв. № 844. Л. 1б, 2а, 3а, 4а, 5б, 13аб и др.; Тарих=и Абу=л=Хайр=хани, ркп. ЛО ИВ АН СССР. С.478. Л. 218б, 220аб, 224б, 229б, 230б, 233а.

24. Сведения о них разбросаны по всему труду.

25. Сведения о них разбросаны по всему труду.

26. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII веке. Соч. Т.П. Ч.2. М., 1964. С.388-399.

27. Тухфат ал=хани, ркп. ИВ АН Уз.ССР. Инв. № 2604. Л. 63б, 69б, 106а, 107а, 120б и др.

Г.А.Федоров-Давыдов

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДНЕЙ АЗИИ в XIII–XV вв.
(этнос и феодальное государство)

При изучении этногенеза народов Средней Азии должна быть учтена монгольская и тимуридская эпохи, во время которых действовали такие важные факторы, как переселения народностей и племен, усиление кочевнического тюркского элемента в массе всего населения, социально-культурное воздействие пришлых племен. Эти факторы тесно связаны с феодальным государством, его акциями, его природой, его структурой.

Накануне монгольского завоевания усилилось проникновение тюркского, прежде всего, кыпчакского элемента в Среднюю Азию. Это были кыпчакские контингенты в составе войска хорезмшахов в разных частях их государства [1]. Проникновение кыпчаков отмечают источники еще при Текеше [2]. В окружении матери хорезмшаха Мухаммеда Теркен-Хатун было много выходцев из кыпчакских племен. Она сама была из огузской или кыпчакской аристократии – из племен баяут или урани.

Происходит сильное отюречивание Хорезма. Плано Карпини заметил, что там говорят на кыпчакском языке [3].

С востока в середине XII – начале XIII вв. идет другая волна – продвижение кара-китаев, карлуков и некоторых других племен Притяньшанья и Семиречья. Значительные их массы переходят на службу к хорезмшаху. Так, правитель Отрара Тадж ад-Дин Бильге был кара-китайским ханом. Следующий правитель Отрара был кыпчакским предводителем из окружения матери Мухаммеда.

В городах Средней Азии еще в XII веке тюркская речь была подчас слышна наряду с таджикской, о чем свидетельствуют, например, сообщения Мухаммеда ал-Багдади, секретаря Текеша [4].

После завоеваний чингизидов некоторая часть монголов переселилась в Среднюю Азию. Известны 4 тысячи войск Джагатая и их предводители: Карадджар из племени барлас, Муге из племени кунгират, Джагатай "малый" из племени сунит и Хошук (Коших) из племени сулдус [5]. В основном это проникновение шло в Семиречье

и через него в Мавераннахр. Орда Джагатая кочевала в районе Или и была также как орды первых Джучидов, центром притяжения монгольских и монголо-тюркских племен. В 1260-х гг. источники отмечают переселение в Среднюю Азию племен джалаиров и барласов, быстро отюреченных.

В XIII веке эрлаты расселились в северном Афганистане и Бадахшане, каучины – в Фергане, в Южном Таджикистане, в районе Термеза, джалаиры – у Ходжента и Ангрена, барласы – в районе Кашкадарьи у Кеша, кунграты в районе Ташкента, сулдус – в районе Балха и т.п.

Многие племена, объединенные монголами и вовлеченные в их завоевательное движение, были различного, преимущественно тюркского происхождения. Среди них упоминаются: джалаир, сунит, татар, меркит, курлаут, тергут, ойрат, тумат, будгачин, теленгут, урянкат. Рашид ад-Дин говорит о них как о племенах "ныне известных под именем монголов" [6].

Многие монгольские племена были отюречены еще в Центральной Азии или потом в Дешт-и-Кыпчаке и Средней Азии. Монгольского хана из династии Джагатаидов Ибн Баттута называет тюрком.

После монгольского завоевания в Семиречье, а затем и в Мавераннахре усилился так же каракитайский, карлукский, тангутский и в некоторой степени китайский этнические элементы [7]. Сын карлукского хана Арслана получил от Менгу-каана в 1250-х гг. Узгенд с округой [8]. Позднее эта группировка карлуков в Семиречье сохранялась как обособленная масса довольно долго и потом только вошла в состав узбеков. Использование карлуков и уйгуров в управленческом аппарате при монголах способствовало усилению влияния этого этноса в Средней Азии. Уйгурский этнический компонент в XIII–XIV вв. более силен сравнительно с предшествующим временем и в Хорасане.

Проникшие на территорию Средней Азии в XIII–XIV вв. тюрко-монгольские кочевнические племена сливались с тюркским полуоседлым населением, обосновавшимся в Средней Азии еще в предмонгольскую эпоху (карлуки, тюргеши, уйгуры, кыпчаки, канглы, огузы и др.). Монгольское нашествие вызвало массовые переселения племен и народностей, живших в Средней Азии задолго до прихода монголов. Например, Рашид ад-Дин сообщает, что при

взятии Дженда и Янгикента монголы заставили 10 000 кочевников-тюрков (туркмен) идти с ними на Хорезм, но некоторые из них бежали в Мерв и Амуль [9].

Давление переселившихся в Среднюю Азию монгольских и тюркских народностей, кочевников, по преимуществу, занявших равнинные пространства Средней Азии, заставило коренное население в некоторых районах уйти в горы. Так, в Таджикистане, по свидетельству этнографов, жители ряда горных кишлаков считают своей первоначальной родиной равнинные районы Куляба, Бухары, Самарканда, а начало своих горных поселений относят к XIУ-XУ вв.

Переселение тюрков в Среднюю Азию продолжается в XIУ веке и в XУ веке. При Тимуре в результате походов против монгольских правителей Семиречья было выведено оттуда в Мавераннахр множество пленных, главным образом, тюрков и монголов. В Мавераннахре образовался значительный контингент тюрков-гулямов [10].

Походы Тимура и Тимуридов способствовали перетасовыванию старых улусов. Были разгромлены многие улусы в Моголистане: так, например, Тимур развеял во время походов на Моголистан улусы племен бахрин, джалаиров, которые Тимур разделил на курени и отправил в Самарканд. Тимур разгромил кыпчаков Семиречья, бывших под водительством Сары-бута.

В числе приведенных Тимуром племенных были и булгачи из междуречья Или и Иртыша [11].

Улугбек во время победоносных своих походов в Моголистан взял в плен и вывез в Мавераннахр множество моголов и расселил значительное их число по всей державе. Часть этого монгольского населения Улугбеком была отправлена к Шахруху в Герат.

После победы ойратов в 1470-1471 гг. на Или около 10 000 моголов Юнус-хана откочевали в Ташкентскую область и Фергану, усилив и без того сложный родоплеменной состав этих областей.

С другой стороны, имели место частые рейды узбеков Дешти-Кыпчака вглубь государства Тимуридов, образование их постоянных поселений и кочевий в Хорезме.

При Абу-Саиде значительная часть дештских аргынов из кочевых узбеков из районов Сырдарьи откочевала в Мавераннахр и потом участвовала во взятии Герата в 1457-1458 гг. [12]

Добавим, что в конце XУ века значительная группа мангытов из Дешт-и-кыпчака переселилась в Мавераннахр.

Вообще, следует сказать, что монгольские и тимуровские войны были существенным фактором в этнической истории Средней Азии. Мы наблюдаем мощное воздействие государства на этнос. Имеет место большая мобильность ряда племен и народностей. Например, монгольское племя кара-татар было переселено при Хулагу в Иран, на границу с Сирией и в Малую Азию. Тимур переселил их оттуда в Мавераннахр (30 000 семей). Во время перехода они восстали в Мазандаране, и только после смерти Тимура часть из них переселилась в Хорезм, как сообщает Абд ар-Реззак Самарканди [13]. С какой легкостью дробил и переселял кочевые образования Тимур, свидетельствует такой пример, взятый из "Зафар-наме" Низам ад-Дина Шами. Тимур приказал, чтобы "всех джунгурбанийцев" (джавуни-курбани, видимо, туркменское объединение в Хоросане), разделив между эмирами, переселили в Мавераннахр. По прибытии в Самарканд Тимур отправил Али-Бека (главу этого объединения) в Андижан, где он был позднее казнен, а джунгурбанийцев переселил в Ташкент [14].

Однако, следует заметить, что по заключению антропологов, эти перемещения монгольской и тимуридской эпох не вызвали существенного изменения антропологического облика населения Средней Азии. Сохранялся старый антропологический тип (раса Среднеазиатского Междуречья). Но, все же к XШ-XУ вв. относится некоторое усиление монголоидности, главным образом в восточных и северо-восточных районах.

Таким образом мощным этнополитическим фактором была сильная централизованная власть, государство, осуществлявшее завоевание и переселение народностей и племен.

Перемещения племен и народностей в XШ-XIУ вв., роль их в процессах этногенеза в Средней Азии следует увязать с изучением особенностей улусной структуры монгольских ханств - Джучидского, Хулагуидского, Джагатаидского. Новые, по сравнению с домонгольской эпохой, феодальные структуры, крупные кочевые улусы по-новому кроят этническую карту Средней Азии и Казахстана. В XIУ-XУ вв. складываются в Средней Азии новые этнополитические общности.

Существенную роль в этнических процессах в Средней Азии монгольского периода сыграл улус Хайду – потомка Угедея, возникший в середине XIII века. В его границах объединились территории Семиречья, Прииртышья, части Мавераннахра, и соединились и перемешались местные племена, племена, пришлые с монголами и те, которые привел сам Хайду с Востока. Подобные крупные улусы были сильным этнополитическим фактором. При Хайду возвысилось в Семиречье племя дуглат, распространившееся и в Мавераннахре.

Хайду много воевал на Востоке с уйгурами, одерживал над ними победы и, вероятно, значительная масса уйгуров влилась в ту смесь племен и народов, которую представляло собой его государство.

К середине XIV века Семиречье (Моголистан) при Тоглук-Тимуре политически отделяется от Мавераннахра. Тюрки Мавераннахра, собственно Джагатаидского улуса, называют кочевников – моголов "джете" (разбойники), моголы зовут джагатаев Мавераннахра – "караунасами" (метисы, чернь). Политическое разграничение Мавераннахра и Моголистана отложилось и в этнической истории Средней Азии, приведя к обособлению будущих узбекской и киргизской народностей.

Там, где было больше всего пришлого монголо-тюркского этноса, сильнее всего сохранялись и кочевые традиции – в Семиречье. Преобладание кочевых традиций в Моголистане выражается во множестве фактов. Характерно, что те ханы джагатаиды, которые ориентировались на кочевническую знать, имели свои орды-ставки в Семиречье, те джагатаиды, которые стремились к союзу с купечеством, оседлой знатью, горожанами переносили свои ставки в Мавераннахр (в Карши). Переносы ставки хана, как центра притяжения кочевых племен, также способствовали перемешиванию различных этнических групп на Востоке Средней Азии и в Мавераннахре.

Эти особенности Семиречья – Моголистана отразились в этногенезе киргизов, привели к интенсивному смешению с дешт-и-кыпчакскими и сибирскими этническими группами.

В Мавераннахре под властью Джагатаидов, а потом Тимуридов складывался среднеазиатский этнос – джагатаи и джагатайский

(староузбекский) язык.

В XIV–XV вв. термин "джагатаи" имеет следующую семантику:

1. Государство – улус Джагатая, в XV веке как наследство прошлого, доставшееся Тимуридам.

2. Привилегированная конная часть армии.

3. Народ, тюркский, преимущественно кочевой этнос, как противоположность городским жителям – сартам, таджикам.

Крупные феодально-государственные образования получают в XIV–XV вв. новые названия, и эти названия, вначале – этнополитические, становятся затем этнонимами, ими называют весь народ. Так возникают такие этнонимы, как татары, джагатаи, моголы, узбеки, ногаи (мангыты), казахи, шейбаниды (в XVI в., так называли подданных Мухаммеда Шейбани). Это – новые наименования народа, по имени хана, по его происхождению, прозвищу или по прозвищу народа, данному соседями (татар, казах, могол). Эти названия отличаются по своему характеру от более древних племенных названий, как отличаются новые улусные объединения феодальной эпохи от первобытных племен. Иногда используются старые племенные названия (татары, мангыты) для этих новых объединений, но это как бы "вторичное" использование этих старых этнонимов. Более древние наименования племен и союзов племен входят в эти этносы как подразделения. Это отражает то явление, что старые племенные образования распадаются, и осколки их входят в новые объединения. Этот процесс среди кочевников Дешт-и-Кыпчака в Средней Азии шел и раньше, но особенно он усилился после монгольского завоевания, благодаря рассмотренным выше причинам. Так получилось, что в новых образованиях (узбеки, казахи, чагатаи, ногаи и др.) встречаются одни и те же наименования подразделений: кыпчак, арлат, барлас, мангыт, кунрат, сулдуз, кыят, каучин и др.

Таким образом, другим мощным этнополитическим фактором было разделение на крупные государства-улусы.

Кочевники-тюрки на территории Средней Азии в XII–XIV вв., создавали "улусы" и "или" под главенством беков. Именно эти улусы составили вооруженные отряды этих беков. Известен улус джалаиров в районе Кашка-Дарьи, уничтоженный Тимуром в 1376 г. Джалаиры частично откочевали в другие места, частично перешли

к осадлости на периферии этого улуса в долине Ангрена. Назовем так же улус ойратов в Хоросане в XIУ в. во главе с эмиром Шейх Али, сыном эмира Али Кушчи и эмиром Аргуном из семьи Джани-Курбани. Отряд кыпчаков во главе с Сары-Бугой, разгромленным Тимуром в Семиречье, был в составе армии Тимура вместе с кыпчакским кощуном Османа-бахадура. В составе армии Тимура были также отряды из племени меркит, сулдуз. В армии султана Хусейна был отряд в 1000 конников из джалаиров. Группа из племени найман жила в Мавераннахре в XУ веке [15]. Примеры могут быть умножены. Все это были кочевые улусы-или, с их владельцы, их держатели происходили из кочевой аристократии. Таким образом, тюрки-монгольский этнос, пришедший в Среднюю Азию в XШ-XУ вв. представлен, главным образом, военно-кочевыми объединениями. Это - кочевое население Средней Азии и главная сила армии Джагатаидов, а потом - Тимуридов. Беки и их отряды из племен барлас, минг, кыпчак, каучин, уйгур, борин, арлат и др. часто упоминаются на страницах истории Средней Азии.

В монгольскую и тимуридскую эпоху интенсивно шел процесс перераспределения феодальных уделов-улусов, илей, а в связи с этим и расщепление, и объединение кочевых групп.

Предводитель улуса-или обычно давал новому объединению свое имя или прозвище, или имя своего прежнего рода или племени. Например, в Семиречье в XУ веке группа из племени канглы стала именоваться "бекчик" по имени своего предводителя Бекчика [16].

При комплексном археолого-этнографо-историческом исследовании удалось установить, что именно в монгольско-тимуридский период в районах Нижнего Узбоя образуется новая этническая группировка "огурджали", в которую входят осколки разных племен туркменов: кара ойли, дюдюки, эрсаринцы, сакары, и тюрков (ширван из Азербайджана), и каких-то осколков тюркского населения Золотой Орды, на что намекают сообщения Абул-Гази о том, что в переселении сюда народностей и племен участвовали золотоордынские ханы Джанибек и Бирдибек. Эта группа оставила так называемую "актамскую культуру" [17]. Название этой группировки происходит или от имени их предводителей, или от названия центра расселения. Новые этнические группы возникали в результате вхождения в один удел-улус [18]. Таким образом, перераспределение населения по мелким улусам и илям, представлявшим феодальные ленные держания, было еще одним мощным этнополитическим фактором.

Сложный этнический состав имел город в Средней Азии в XШ-XУ вв. Строительство новых городов в быстрые исторические сроки на базе привлечения материальных и людских ресурсов, добытых во время завоевательных войн, было характерно для монгольской эпохи и продолжалось при Тимуре.

При монгольском завоевании толпа разноэтничных пленных, которых монголы тянули за собой (хашар), оседала постепенно в оазисах и городах Средней Азии. В эпоху Тимура происходят массовые переселения горожан, например, вывоз населения из Ургенча в города Мавераннахра, где образовалась даже этническая группа населения "ургенджи" [19]. Стал правилом вывод пленных из завоеванных городов Ирана, Месопотамии, Малой Азии, Сирии, Индии и других стран в Мавераннахр. Это вело к возрастанию смешанности населения среднеазиатских городов в XШ-XУ вв. Этнические различия города и степи в XШ-XУ вв. еще значительны. Источники XУ-XУI вв. отличают людей, живущих в селениях (дехнишин) от людей, живущих в зимовках (кышлакнишн) [20]. Четко различают сартов-горожан от жителей степей - кочевников-джагатаев. Но постепенно эти различия стали не столько этническими, сколько различиями образа жизни. В городах XIУ-XУ вв. есть сарты-тюрки. Происходит отюречивание городского населения. Возникают новые тюркские города. Например, Андижан, построенный при джагатаидском хане Дува во П-й половине XШ века. При строительстве Андижана Дува переселил множество разноэтнического люда и каждый квартал назвал по имени того или иного народа [21]. Но преобладали среди них все же тюрки. Усилению тюркского элемента в городах способствовало то, что значительная часть городского патрициата, вельможное окружение Джагатаидов, а потом Тимуридов, была выходцами из монгольских и тюркских кочевых аристократий - главным образом барласов, привилегированного племенного объединения, из которого происходил сам Тимур. Проникновение тюрков в города отражается в топонимике городов этого времени, например, "кып-

чакские ворота" в Герате. Несмотря на сохранение хорезмского языка в хорезмских городах Ибн-Баттута называет Ургенч "тюркским городом" [22]. Этот характер города бесспорно усилился после выселения Тимуром части населения в Самарканд и уничтожения другой части. В условиях постоянного соседства с кыпчакской степью, с кочевыми узбеками и периодической политической зависимостью Хорезма от них, тюркизация хорезмских городов идет быстро. Значительной тюркизации подвергается оседлое население городов Шаша и Ферганы.

Но в городах сохраняется ираноязычная речь. Существует двуязычие: например, об этом свидетельствуют надписи на монетах XIII–XV вв. На них есть ираноязычные легенды, обращенные к жителям именно городов на самаркандских монетах XIII в. на медных монетах Улугбека. Но в XIII веке на монетах Средней Азии помещалось монгольское слово менгу (монета), а в XV веке на серебряных монетах (начиная с правления Тимура) есть монгольское слово – "угеману" – "слово наше" и тюркские – "ярлык", "ярлыкиндан" [23].

О двуязычии в среде тюркского населения в городах сообщает Навои. Он писал: "Все тюрки – дети и старики, слуги и беки понимают сартский язык. Они его знают настолько, что в затруднительном положении могут объясниться, а некоторые из них могут даже говорить на этом языке красноречиво и изящно. Тюркские поэты на языке фарси пишут красноречивые стихи и замечательные речи".

Этническое различие кочевого и оседло-городского населения в XIII веке консервировалось оторванностью монгольской кочевой аристократии от городской жизни, управления оседлыми оазисами. Как известно, в XIII веке эту функцию исполняла администрация, подчиненная непосредственно общеимперским монгольским властям, Каракоруму. В конце XIII века происходит некоторое сближение кочевой аристократии с оседло-городским населением. Такие джагатаидские ханы, как Кебек и Тармаширин, отремятся к этому. Они реформируют административную систему, денежное дело, делают оседлой свою ставку-столицу. Но все же джагатайская аристократия далека от оседлого образа жизни. Продолжают сосуществовать два мира – оседлые оазисы и города

с их торговлей и ремеслами и военно-кочевая стихия в степях.

В XIII–XIV вв. оседание кочевников задерживалось тяжелым экономическим положением городских и оседлых земледельческих районов Средней Азии. В тимуридскую эпоху этот процесс оседания кочевников заметно усиливается. И, хотя в XV веке эта двойственность сохраняется (джагайская кочевая военная аристократия со своими отрядами и оседлые земледельческие районы и города), при Тимуридах происходит заметное сращивание части джагатайской аристократии с управлением оседлыми районами, с крупными землевладельцами, чиновниками и купцами. Усиливается на этой почве проникновение тюркско-джагатайского этноса в города.

Сам Тимур с его агрессивной политикой, – не что иное как персонификация классового союза кочевой джагатайской знати с ее грабительскими устремлениями и военной мощью с одной стороны, и торгово-ремесленной верхушки городов и крупных землевладельцев, – с другой. Новые феодальные владения-суюргалы соединяют, видимо, кочевое и оседлое население в одном феодальном держании.

Таким образом, оседание кочевников и проникновение их в города было еще одним фактором этнического развития населения Средней Азии в указанное время. Способствовали этому в значительной степени политические факторы: тюркские династии, армия и чиновничество. Этот процесс привел к образованию тюркского городского населения в Средней Азии в ряде районов. В других районах этот процесс шел малоинтенсивно и там победил таджикский язык.

1. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.I, 2. М.-Л., 1952. С.206, 214.
2. Бартольд В.В. Сочинения. Т.V. М., 1966, С.406.
3. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С.72.
4. См.: Семенов А.А. К вопросу об этническом и классовом составе северных городов империи Хорезмшахов в XII в. н.э. // Изв. АН Тадж.ССР. Отд. общественных наук. 1952. № 2. Сталинабад.

5. Бартольд В.В. Сочинения. Т.I. М., I963. С.540. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.I,2. М.-Л., I952. С.275.

6. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.I,I. С.92 и далее.

7. См.: Бартольд В.В. Сочинения. Т.II. Вып.I. М., I963. С.I45.

8. The Ta'rikh-i-Jahan-gusha' of ... Juwayri; p.6.I. Ed.by Qazwini.-Leyden-London,1912. (E.I.N.Gibb. Memorial Service, XVI, I). P.58.

9. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.I,2. С.200-20I.

I0. Материалы по истории Киргизов и Киргизии. М., I973, С.I03, I25.

II. Там же. С.I32, I35, I39. См.: История Киргизской ССР. Т.I. Фрунзе, I984. С.399-400.

I2. Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XУ-XУII вв. М., I982. С.II.

I3. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т.I. М.-Л., I939. С.53I.

I4. Там же. С.523.

I5. Султанов Т.И. Указ. соч. С.II-I3.

I6. Юдин В.П. О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другим народами // Изв. Каз. ССР, серия общественных наук. I965. Вып.3. С.53, 59; История Казахской ССР. Т.2. Алма-Ата, I979. С.247.

I7. Юсупов Х. Приузбойские туркменские племена XIУ-XУ вв. Ашхабад, I975. С.65.

I8. Ср. высказывания в том же духе: К.А.Пищулина. Юго-Восточный Казахстан в середине XIУ - начале XУ вв. Алма-Ата, I977. С.I59-I60.

I9. Шаниязов К.Ш. Некоторые вопросы этнической динамики и этнических связей узбеков в XIУ-XУII вв. Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, I986, С.90.

20. Бартольд В.В. Сочинения. Т.II. С.I20.

2I. Материалы по истории киргизов... С.II6.

22. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.I. СПб., I884. С.308; См. А.А.Фрейман. Хорезмийский язык. М.-Л., I95I. С. 8-9.

23. Е.А.Давидович. Денежное хозяйство Средней Азии в XIII веке. М., I972. С.I7, 27; Тизенгаузен В.В. Нумизматические новинки // ЗВОРАО. (Записки восточного отделения Русского археологического общества). Т.6. СПб., I892. С.253; Давидович Е.А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., I979. С.266 и сл.

Р.Б.Сулейменов

ЭТНОГЕНЕЗ КАЗАХСКОГО НАРОДА: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Одним из наиболее интересных вопросов истории Казахстана является проблема этногенеза казахов, в которой как бы сфокусированы все основные и узловые вопросы истории и культуры казахского народа. Она затрагивает практически все аспекты конкретно-исторического процесса, поскольку является одним из наиболее ярких проявлений исторического процесса, выражением многообразия форм общественного развития. В этой связи бесспорный научный интерес представляет изучение проблемы этногенеза казахов, одного из крупных кочевых этносов Евразии, игравшего большую роль в исторических судьбах региона. Вследствие этого закона то повышенное внимание, которое вот уже на протяжении более чем полутора столетий прослеживается в многочисленных научных исследованиях к данной проблеме [I].

Первые попытки объяснить происхождение казахского народа, датировать этот процесс, выяснить потоки его генезиса и выявить его составные элементы были предприняты еще в XVII в. В числе авторов, интересовавшихся этой проблемой, мы можем назвать В.Н.Татищева, Г.Ф.Миллера, И.Е.Фишера, П.И.Рычкова, М.Т.Ежелева и др. Важная мысль в этот период была высказана В.Н.Татищевым, который писал, что "....через так много тысяч лет народы, преходя мешались, иногда пленниками и покоренными себе размножались, иногда пленением и обладанием от других язык свой переменить и оставить принуждены были" [2], выступив тем самым против механического отождествления современных ему народов с древними.

Долгое время изучению проблемы этногенеза казахов мешало то, что многие русские и зарубежные исследователи смешивали казахов с киргизами и вследствие этого полагали, что казахи ведут свое происхождение от енисейских киргизов [3].

Важное значение на рубеже XVII-XIX вв. имели публикации И.П.Фалька, П.С.Палласа, И.Г.Георги, И.Г.Андреева, Х.Бар-

данеса, Г.Спасского, Е.К.Мейендорфа и особенно Я.Гавердовского и А.И.Левшина. Гавердовский высказал предположение о родстве скифов и казахов, а Левшин пошел еще дальше. Он попытался наметить схему этногенетического процесса и истоки его искал в древнетюркской эпохе. Основу казахов, по его мнению, составили многочисленные тюркские и монгольские племена, которые перемешивались друг с другом и составили единый народ. Интересное положение было высказано выдающимся синологом Н.Я.Бичуриным, который считал предками казахов древних кангюев [4].

Но в целом вплоть до середины XIX в., несмотря на большой интерес ученых к проблеме этногенеза казахов, отсутствовали сколько-нибудь серьезные исследования. Это объяснялось слабостью источниковой базы, отсутствием достоверных данных.

В изучении этногенеза казахов 60-е годы прошлого столетия стали переломными. Это связано прежде всего с тем, что благодаря работам В.В.Вельяминова-Зернова широкому кругу ученых стали доступны в русском переводе извлечения из восточных хроник, в частности "Тарих и Рашиди" Мухаммад Хайдара и другие источники, которые позволили осветить завершающую фазу этногенеза казахов [5]. В этот период наметилась тенденция видеть в источниковедческом аспекте ключ к изучению всей проблемы этногенеза казахов. Это достаточно ярко проявилось в дискуссии Н.Красовского с В.В.Вельяминовым-Зерновым. Красовский, опираясь на источники, увидевшие свет благодаря работе Вельяминова-Зернова, совершенно иначе интерпретировал эту проблему. И если сложение казахов как народа датировалось Вельяминовым-Зерновым - второй половиной XV в., то Красовским - столетием позже. В свою очередь, Валиханов датировал ее второй половиной XIV в. [6].

Во второй половине XIX в. изучением проблемы происхождения казахов в той или иной мере занимались Г.Н.Потанин, В.В.Радлов, А.Н.Добромыслов, Н.И.Гродеков и др. Наибольший интерес представляли работы А.Н.Харузина и Н.А.Аристова. Именно Н.А.Аристовым были впервые сформулирована самостоятельная научная концепция этногенеза казахов, которая базировалась на признании важного значения в их сложении не только тюркских племен алтайского происхождения, но и местного дотюркского этнического пласта [7]. И не случайно, что академик В.В.Бартольд после критического разбора труда Аристова пришел к выводу, что его книга представляет одно из самых отрадных явлений в отечественной литературе по востоковедению. Сам же Бартольд при изучении проблемы происхождения казахов указывал на важную роль социально-экономических и политических процессов в этногенезе народов центральноазиатского региона [8].

Из зарубежных авторов наибольший интерес представляли работы А.Вамбери, который, ссылаясь на мнимое упоминание "казахов" в сочинениях Константина Порфирородного и Фирдоуси, полагал, что они являются на исторической арене в конце I тысячелетия н.э., еще в домонгольское время. Отдельные аспекты проблемы были затронуты в работах Е.Скайлера, Г.Ховорса, Скрайна и Росса, А.Мозера, Казна, М.Чаплики и др. В последующее время проблема этногенеза казахов в той или иной мере была предметом изучения А.Хадсона (1938) и Л.Крадера (1955, 1963, 1966). Однако они не внесли ничего принципиально нового по сравнению с работами В.В.Вельяминова-Зернова, Н.А.Аристова и В.В.Бартольда.

Качественно новый этап в изучении этногенеза и этнической истории казахского народа начинается в советское время. В 20-е годы целый ряд авторов затрагивает различные аспекты данной проблемы (в частности Логутов, С.И.Руденко, А.Н.Самойлович и др.). Наибольший интерес вызвали в этот период работы А.И.Чулошникова, Б.А.Куфтина, М.Тынышпаева. Чулошников полагал, что политический союз казахских жузов дал в XVI в. начало образованию казахского народа. Особняком стояла работа Тынышпаева, который вслед за Вамбери связывал казахов с упоминаемыми у Фирдоуси и К.Порфирородного "казахами". Куфтин, в свою очередь, связывал историю казахов с иранскими племенами, в частности с саками, жившими в крае еще до прихода сюда тюрков [9].

Этапной стала работа видного казахского ученого С.Д.Асфендиарова. С одной стороны, он совершенно правильно указал на исключительно важную роль территории и кочевой экономики, как главных факторов и определяющих условий формирования однотип-

ных этнических признаков казахского народа. Но, с другой стороны, он придавал большое значение внешнеполитическим факторам, считая, что о казахах как обособившемся народе, можно говорить лишь с того момента, когда закончился процесс овладения Московским царством Нижней Волгой, Уралом и Западной Сибирью и процесс ассимиляции кочевых узбеков из Дешти Кипчака оседлыми народами Средней Азии. В результате этого, пишет он, кочевые племена замкнулись на территории Казахстана, что стало решающим фактором их сложения как народа. Этот этап им датировался рубежом XУI-XУII вв. [10].

Дальнейшее развитие проблема происхождения казахов получает в работах М.П.Вяткина, который вслед за Асфендиаровым видел в этногенезе казахов не историю смешения племен, а исторический процесс. "Единство казахской народности, – пишет он, – складывалось не на основе этнической однородности, а в результате однородных экономических и политических условий жизни племен" [11].

Дальнейший прогресс в изучении проблемы был связан с работами С.П.Толстова, считавшего, что предками народов Средней Азии были племена, проживавшие здесь в глубокой древности [12].

В истории Казахской ССР, изданной в годы войны, указывалось, что решающим фактором сложения казахской народности явилось образование Казахского ханства на рубеже XУ-XУI вв. при Касым-хане [13].

В послевоенный период специальным изучением проблемы этногенеза казахов занимались А.Н.Бернштам, В.Ф.Шахматов, Х.Адильгереев, М.Б.Ахинжанов, С.Ибрагимов, С.Аманжолов и др. Все они так или иначе попытались вслед за Толстовым увязать истоки этногенетического процесса с древними насельниками центрально-азиатского региона. Но они существенно расходились в датировке завершающей фазы этногенеза казахов. И если одни из них (Ахинжанов, Асфендиаров) пытались возродить концепцию Вамбери и Тынышпаева о происхождении казахов [14], то другие (Бернштам, Шахматов, Ибрагимов) датировали ее рубежом XУ-XУI вв. [15].

В 60-70 гг. изучением отдельных аспектов проблемы занимались В.Н.Юдин, Ю.А.Зуев, В.В.Востров, М.С.Муканов, О.Исмагулов, Т.И.Султанов, К.В.Пищулина и другие исследователи. Каждый из них рассматривал данную проблему через отдельные ее аспекты. Но работ, в которых бы она анализировалась как сложная целостность, не было. Правда, авторы пятитомной "Истории Казахской ССР" построили схему общего плана и наметили отдельные контуры проблемы, сделав основной упор на преемственности культуры древних насельников края и казахов, а также на показе смешения пришлых и аборигенных племен.

В 1987 г. Отделением общественных наук АН Каз.ССР была проведена дискуссия по проблеме этногенеза и этнической истории казахского народа [16]. В настоящее время по данной проблеме опубликован ряд исследований, в которых она рассматривается с неоднозначных позиций.

В целом, мы можем констатировать, что до сих пор нет адекватного понимания проблемы этногенеза казахов. Каждый из исследователей вкладывает свой смысл в ее понимание, изучает свой срез, только лишь в определенных параметрах. Поэтому до сих пор наблюдается многомерность, многозначность гипотез и построений, выдвигаются подчас диаметрально противоположные суждения, источником которых служат произвольно подобранные факты и материалы.

Прежде всего следует, видимо, уточнить терминологический аппарат. Хотя, как верно заметил А.И.Першиц, о терминах не спорят, а уславливаются, но тем не менее исследователи много дискутируют о терминах и понятиях. В свете современных задач изучения этногенеза казахов представляется очевидным следующее.

Во-первых, под этнической историей Казахстана следует понимать историю всех народов и племен, населявших регион с верхнего палеолита до наших дней, т.е. с того момента, когда биологические адаптационные механизмы должны были смениться культурными [17].

Во-вторых, под этногенезом казахов следует понимать процесс формирования и сложения казахского народа, историю тех племен и народов, которые в той или иной степени участвовали в складывании собственно казахской народности. В этом случае очевидно, что этническая история Казахстана включает своей важной составной частью проблему этногенеза казахов, но при этом следует подчеркнуть, что эта проблема имеет и более узкое понимание, поскольку, видимо, не все племена, проживавшие на

территории Казахстана, принимали участие в сложении казахской народности. Некоторые из них в силу разного рода причин, могли и не оставить своего следа в казахском этносе.

В-третьих, под этнической историей казахов следует понимать историю этнического развития уже сформировавшегося казахского народа, т.е. историю его этнокультурного взаимодействия с различными типами сред: природой, социокультурой и собственно этнической сферой. На важность подобной дифференциации как в терминах, так и в понятиях, обратил внимание в своих изысканиях Ю.В.Бромлей [18].

Таким образом, становится очевидным, что поскольку нас интересует проблема этногенеза казахов, то следует более подробно остановиться на анализе семантической природы именно этого понятия. В современной историографии, основное внимание сосредоточено на ассимиляционно-интеграционных процессах или, как это принято называть в современной литературе, на субстратно-суперстратных процессах, и в редких случаях на взаимодействии с адстратом. Можно ли принять подобное толкование сущности проблемы? До недавнего времени оно считалось приемлемым и единственно верным. Можно привести в этом плане интересный пример. Ряд исследователей, изучая проблему кочевничества, полагали, что поскольку номады не оставили письменных источников, то их историю можно изучать лишь анализируя историю их взаимоотношения с соседними оседло-земледельческими народами [19]. Эта методическая посылка, неверная в своей основе, привела к появлению целого ряда работ, в которых история внутреннего спонтанного развития кочевых народов оставалась за пределами предмета исследования. Очевидно, что с такой постановкой проблемы нельзя согласиться.

Анализ этногенетического процесса показывает, что с помощью изучения субстратно-суперстратных процессов не могут быть поняты все закономерности этнических процессов и особенно адаптивные механизмы. В этом смысле встает вполне очевидный вопрос, что же направляло и определяло характер взаимодействия аборигенов и мигрантов? И здесь исследователи обращают внимание на то, что этническая история и этногенез есть, прежде всего, процесс взаимодействия с различными типами сред -

природной, социально-экономической и собственно этнической. Вследствие этого становится очевидным, что сводить проблему этногенеза лишь к субстратно-суперстратным процессам неверно, в этом случае вне предмета исследования остаются процессы взаимодействия с другими типами сред. Поэтому очень важно исследовать ту сферу, которая именуется автогенезом, т.е. внутренним саморазвитием, эволюцией, являющейся прежде всего продуктом взаимодействия общества и природы, результатом развития культуры как механизма внебиологической адаптации человека. В этом смысле представляется неправильным изучение проблемы этногенеза только лишь в сфере субстратно-суперстратных процессов [20].

Теперь следует четко выяснить, что же являлось осью системы координат, именуемой автогенезом. В этом смысле существующая историография крайне бедна и малочисленна. И не случайно Ю.В.Павленко обратил внимание на то, что вопрос о механизмах становления тех или иных этнических признаков остается все еще недостаточно изученным [21]. В настоящее время мы можем констатировать наличие лишь одной концепции, пытающейся объяснить в вертикальном срезе действие автогенеза. В.П.Алексеевым выдвинуто фундаментальное понятие применительно к эволюции социальных общностей информационного поля [22]. Нарастающая сумма информации, являющаяся достоянием данной общности, становится решающим фактором этногенеза. К сожалению, мы вынуждены констатировать, что за исключением еще одной весьма интересной концепцией этнизации хозяйственно-культурных типов, выдвинутой Я.В.Чесновым, современная историография избегает исследования проблемы этногенеза в сфере автогенеза [23]. Поэтому изучение процесса происхождения казахов сдерживается крайней малочисленностью серьезных разработок проблемы автогенеза. И поскольку такие проблемы теоретического характера встанут перед нами, то, видимо, и не избежать дискуссии, обсуждения теоретических аспектов проблемы.

Важно подчеркнуть, что основным фактором этногенеза являлось социально-экономическое развитие общества древних и средневековых кочевников Казахстана, эволюция общественных отношений от раннеклассовых к классовым, требовавших регулирования

системы производственных отношений в рамках политических структур, государственных образований. И не случайно, что большая часть исследователей связывает завершающий этап этногенеза казахов с образованием казахского ханства – крупного этнополитического образования, в рамках которого произошла консолидация этнических признаков казахского этноса.

Политическая организация венчает процесс образования народа. Это положение является важной методической посылкой, имеющей одновременно методологическое значение. В этой связи встает актуальная задача исследования этногенетических процессов в тесной сопряженности с развитием социально-экономических, классовых, государственно-политических явлений [24].

И последнее, о методе исследования. В своей недавней работе В.П.Алексеев отметил, что для решения проблемы этногенеза необходим комплексный подход, поскольку ни антропологические, ни археологические, ни этнографические, ни лингвистические, ни источниковедческие, ни историографические исследования сами по себе не могут дать ответ на поставленный вопрос [25]. Этногенез в диахронном плане – это процесс, а в синхронном плане – это система, имеющая свои специфические параметры развития и как всякая система, он характеризуется не только отдельными составными частями, но и свойствами, функциональными связями элементов, составляющих систему. Иначе говоря, этногенез – это сложная целостность, изучение которой требует полифакторального анализа.

I. См. Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, I966 и др.

2. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн.I. Ч.2. М., I768. С.43I.

3. См. в этой связи Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Т.I. Алма-Ата, I96I. С.40I–402.

4. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.2. М.–Л., I950. С.I52.

5. См.: Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Т.2. I864.

6. См. Красовский М. Область Сибирских киргизов. Ч.I. СПб., I868. Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Т.I. Алма-Ата, I96I и др.

7. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. I896. Вып.III–4. С.277–456 и др.

8. Бартольд В.В. Соч. Т.I–9. М., I963–I977.

9. Чулошников А.Н. Очерки по истории казах-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. г.Оренбург, I924; Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казахского народа. Ташкент, I925; Куфтин Б.А. Киргиз-кайсаки. Культура и быт. М., I926 и др.

I0. Аспендиаров С.Д. История Казахстана с древнейших времен. Т.I. Алма-Ата, I935.

II. Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР. Т.I. М.–Л., I940 и др.

I2. Толстов С.П. Основные вопросы древней истории Средней Азии // ВДИ. I938. № I. С.I96–203 и др.

I3. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, I943.

I4. Ахинжанов М.Б. Об этногенезе казахского народа. Алма-Ата, I957; Адильгереев Х.М. К истории образования казахского народа // Вестник АН Каз. ССР. I95I. № I. С.8I–96.

I5. Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН КазССР. I949 г., сер. археологическая. Вып.2. № 67. С.59–99; Шахматов В.Ф. К вопросу об этногенезе казахского народа // Известия АН Каз.ССР. Сер. историческая. I950 г.. Вып.6. № 24. С.80–99 и др.

I6. Вестник АН Каз.ССР. I987 г. № 8.

I7. Арутюнов С.А. Этнические общности доклассовой эпохи // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., I982, и др.

I8. Бромлей Ю.В. Очерк теории этноса. М., I983 и др.

I9. Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., I975 и др.

20. См. История Казахской ССР в пяти томах с древнейших времен до наших дней. Т.2. Алма-Ата, I977.

2I. Павленко Ю.В. К вопросу об условиях формирования этноса и этнических свойств // Методологические и методические вопросы археологии. Киев, I982 и др.

22. Алексеев В.П. Становление человечества. М., I984 и др.

23. Чеснов Я.В. Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., I982.

24. Павленко Ю.В. Этнос как социальная система // Новые методы археологических исследований. Киев, I982.

25. Алексеев В.П. Этногенез. М., I986.

Н.Э. Масанов

ЭТНОГЕНЕЗ КАЗАХОВ: ПРОБЛЕМА И МЕТОД

Этногенез казахского народа – сложная и многогранная проблема – имеет диахронный и синхронный аспекты исследования. В диахронном плане – это процесс исторического развития этноса, его становления и формирования, динамика субстратно-суперстратных процессов, в синхронном же – целостная система, в структурном отношении представляющая собой интегральное многообразие составляющих элементов, взаимосвязанных широким спектром информационных связей. В этом смысле первостепенной важности задачей является исследование тех закономерностей и механизмов, которые объективно обусловливали воспроизводство этноинтеграционных и этнодифференцирующих процессов. Рассмотрим экологические аспекты этногенеза кочевников Казахстана, поскольку естественно-природные ресурсы среды обитания играли системообразующую роль в этнической истории человечества.

Генезис этнических общностей, протекающий обычно в рамках социальных организмов, непосредственно связан с территорией их расселения. Вследствие этого наличие этнической территории является непременным и обязательным условием возникновения любого этноса. Общность территории обусловливает сам процесс зарождения этнических отношений, важнейших этнических признаков и в конечном счете этнического самосознания, реализующихся в формировании этнической общности. Это определяется тем, что территория выступает как условие, материальная база этногенетического процесса, поскольку фактор совместного проживания и большая частотность информационных связей играют решающую роль в общении и деятельности людей, а следовательно, в формировании однотипных этнических признаков. Иначе говоря, территория служит базой для возникновения различного рода функциональных связей между людьми, обусловливающих возникновение собственно этнических общностей [1].

Территория, занимаемая тем или иным этносом или группой этносов, либо каким-либо этносоциальным организмом, может типологически рассматриваться по меньшей мере в двух плоскостях, с одной стороны, в качестве историко-культурной (историко-этнографической) области: являющейся территорией, на которой в результате длительных связей взаимного влияния и общности исторических судеб сложилась определенная культурная общность [2]. С другой стороны, территория должна рассматриваться в качестве среды обитания, предметно-вещественной основы, исходного базиса хозяйственной деятельности человека, которая в значительной степени обусловливает характер развития системы материального производства, являющейся основой существования и функционирования этноса [3]. На важность и необходимость рассмотрения территории в ее природной обусловленности, в ее естественном выражении, неоднократно указывали классики марксизма [4]. Другими словами, природные ресурсы среды обитания являются исходной предпосылкой и необходимым условием, базисом функционирования системы материального производства и поэтому в известной степени опосредуют процесс эволюции производительных сил общества, степень их устойчивости и вместе с тем восприимчивости к различного рода хозяйственно-культурным инновациям [5]. Человеческое общество, как это неоднократно отмечалось в существующей историографии, всей своей материальной сутью на всех этапах своего развития было, есть и будет специфической частью природы [6]. Таким образом, территория может рассматриваться в своем естественном выражении как среда обитания производящих индивидов (объективно), обусловливающая характер и степень развития и эволюции системы материального производства [7]. Вместе с тем, субъективно территория может рассматриваться и в других плоскостях, типологически искусственно выделяемых для научного анализа различных общностей людей, и, в частности, в качестве ограниченной в пространственном отношении зоны, историко-культурной области, характеризующейся набором общих признаков культуры, ее специфических элементов, спроецированных на локализованную в пространстве и времени территорию [8].

Природные ресурсы среды обитания оказывают на этнос как опосредственное – через систему материального производства, так и непосредственное влияние – на отдельные элементы культуры и быта (жилище, одежда и т.п.). Однако, как это справедливо было замечено Ю.В.Бромлеем, необходимо учитывать, что различные этносы в силу историко-культурных традиций по-разному реагируют на примерно однотипные условия среды обитания [9]. В этой связи следует уточнить, что различные этносы по разному могут реагировать в сфере традиционно-бытовой культуры, но, как правило, примерно одинаково реагируют в сфере хозяйства на природные условия, близкие друг другу, исходя, конечно же, из наличных возможностей среды обитания. Именно на этом, собственно говоря, и базируется теория хозяйственно-культурных типов. Вместе с тем, характеризуя отношения этноса и природы, не следует забывать, что такого рода отношения имеют двусторонний характер. "А это в свою очередь, – указывает Ю.В.Бромлей, – позволяет рассматривать этнос и среду его обитания как определенную целостность – этноэкологическую систему" [10].

В этой связи представляется целесообразным выделение так называемых ареальных и маргинальных зон, игравших далеко не однозначную роль в этногенетических процессах. К числу ареальных, применительно к нашему случаю, следует отнести экосистемы, характеризующиеся явно выраженной аридностью и континентальностью природно-климатических условий, зональностью и посезонной продуктивностью, разреженностью и низкой кормовой производительностью растительного покрова, вследствие этого преобладанием ксеромезофитов, мезоксерофитов и ксерофитов, отсутствием отрицательных форм рельефа (степи, полупустыни, пустыни). По большей части они ограничены изогиетами 250–400 мм. Дефицит атмосферных осадков, повышенная величина солнечной радиации, многолетняя изменчивость природно-климатических условий, периодически повторяющиеся засухи, ограниченность водных ресурсов, пониженные плотность и биомасса растительного покрова, большая предрасположенность почвенного слоя к эрозии и повышенная чувствительность экосистемы к внешним воздействиям в ареальной зоне являются

ограничительными факторами для хозяйственной деятельности человека и требуют от него своеобразных форм адаптации. В этих условиях абсолютно доминирующей, а зачастую единственно возможной отраслью хозяйства является кочевое скотоводство. Ареальная зона Казахстана охватывала территорию Туранской и Прикаспийской низменности, Устюрта, Тургайского, Предуральского (Эмбенского) плато, Бетпак-Далы, Прибалхашской равнины, Центрально-Казахстанского мелкосопочника, Мугоджар, Мангыстауских гор и часть возвышенности Общий Сырт [11]. Необходимо указать также на дифференциацию хозяйственно-культурного типа кочевничества в зависимости от характера системы водопользования [12].

К маргинальным зонам с менее устойчивым характером культивации и взаимодействия хозяйственно-культурных типов относятся субаридные районы, обеспеченные атмосферными осадками в диапазоне 300–400 мм, либо стабильными непересыхающими водоемами естественного происхождения. Они, как правило, располагались по периферии ареальной зоны в речных долинах, по которым они могли вклиниваться вглубь ареальной зоны (периферийная, локальная маргинальная зона), околоозерных районах, лесостепной и предгорной зонах и вследствие этого обычно граничили с землевладельческими обществами, оазисами (межареальная зона), либо играли роль разделительной полосы между кочевниками, принадлежавшими к различным этнокультурным общностям. Маргинальными зонами на территории Казахстана, по-видимому, были отчасти Западно-Сибирская низменность (южная оконечность), некоторые предгорные районы Алтая, Саур-Тарбагатая, Джунгарского Алатау и западные отроги Тянь-Шаня, долины рек Сырдарьи, отчасти Иртыша, Урала, Тобола, Ишима, отдельных горных рек Семиречья, околоозерные районы Зайсана, Аральского моря и некоторых крупных, непересыхающих в летнее время озер Восточного и Юго-Восточного Казахстана. В данных экосистемах чаще всего наблюдается наличие комплексного, полукочевого хозяйства с большим удельным весом прочих видов хозяйственной деятельности, но при, несомненно, преобладающей роли скотоводства. Динамика взаимодействия кочевого скотоводства

с прочими видами хозяйственной деятельности в маргинальных зонах коррелировалась как эндогенными, так и экзогенными по отношению к номадизму явлениями, развитием данного типа организации производства в ареальной зоне и корректировалась политическими (потестарными) и социально-экономическими факторами, в частности взаимоотношениями кочевников с оседло-земледельческими государствами [13].

Указанные зоны играли далеко неодинаковую роль в этногенетических процессах на территории Казахстана и Центральной Азии, что, несомненно, было связано с различным характером и уровнем развития социально-экономической структуры населяющих их социумов и популяций. В частности, в ареальной зоне, где в силу особенностей кочевого хозяйства имело место дисперсное состояние населения [14] с присущей для всех номадов плотностью населения от 0,5 до 1–2 человек на один кв. км, по-видимому, происходила этнизация хозяйственно-культурных типов [15]. Здесь преобладали, несомненно, внутриэтнические связи, поскольку хозяйство кочевников носило по большей части автаркичный, натурально-потребительский характер, а вследствие этого господствовали в целом диахронные вертикальные инфосвязи. В маргинальных же зонах с большей плотностью населения при наличии нескольких контактирующих социо- и этнокультурных групп, по-видимому, преобладали межэтнические инфосвязи и значительно большую роль играли синхронные горизонтальные связи [16]. Вследствие такого характера развития информационных связей процессы этногенеза должны были интенсивнее происходить в ареальной зоне, нежели в маргинальных, поскольку в первой значительно быстрее складывалась культурная общность, порожденная сходными условиями среды обитания и однотипной экономикой.

Иначе говоря, процесс накопления однотипных этнических признаков гораздо быстрее происходил в ареальной зоне, которая представляла собой своеобразный этнический сгусток. В маргинальных же зонах в силу разнотипности социально-экономической структуры складывание культурной общности происходило значительно медленнее, либо могло вовсе не происходить в результате постоянного изменения этнокультурной ситуации,

политических конверсий или военных столкновений. Примером тому может служить, собственно говоря, Присырдарьинский регион и в особенности район Междуречья, где вплоть до новейшего времени имел место процесс бесконечного взаимовлияния и взаимодействия различных контактирующих этногрупп, а также постоянное чередование доминирующей роли различных социо- и этнокультурных общностей (казахи, узбеки, каракалпаки, сарты и др.). В результате этого имелись и многочисленные промежуточные этнокультурные группы (курама, кипчаки, бахтияры и др.). Иначе говоря, маргинальные регионы в докапиталистическую эпоху едва ли могли служить зонами этногенеза, зонами накопления и аккумуляции однотипных этнических признаков, зонами этнокультурного единства, поскольку интенсивность интеграционных и ассимиляционных процессов в них была незначительна. При этом мы далеки от мысли отрицать важнейшую роль маргинальных регионов в качестве ретрансляторов культурных инноваций и диффузии культурных ценностей.

Социокультурной базой этногенеза в докапиталистическую эпоху, как мы уже отмечали, являлась этнизация хозяйственно-культурных типов [17]. Рассмотрим в этой связи этногенез казахов сквозь призму проблемы этнизации. Этнизацией называется процесс, когда особенности ведения хозяйства и функционирования культуры в специфических условиях среды обитания влекут за собой накопление особых черт, свойств, признаков, которые в конечном счете и определяют неповторимую комбинацию этнических стереотипов, обусловливающую этнос как историко-культурный феномен. Явление этнизации базировалось на том, что в процессе производства складывался симбиоз между населением и освоенной им средой обитания, который детерминировал специфику общественной деятельности человека, автономный комплекс взаимосвязанных между собой структурных компонентов культуры, своеобразное информационное поле, функционирующее на основе оптимального равновесия в естественно-природных и социально-экономических процессах, что и приводило к особому характеру циркуляции информации внутри данного социального организма. "Информация, циркули-

рующая внутри антропосоциогенеза, может быть разложена на несколько уровней. Первый из них – этнический уровень, то есть тот запас культурных ценностей, традиций, религиозно-магических представлений, которые входят в этническое самосознание и предопределяют включение именно в состав данного народа и никакого другого" [18].

Во второй половине I тысяч.н.э. заканчивается процесс генезиса кочевого хозяйственно-культурного типа (ХКТ) и, видимо, в это время он стабилизируется в своих классических формах [19]. Вследствие этого происходит диверсификация процесса этнизации, поскольку на этапе сформировавшегося кочевого ХКТ распространение и развитие общекочевых хозяйственных и культурных стереотипов, конвергентно имевшее место в предшествующий период, достигло своего объективного предела, за порогом которого начинается в основном дивергенция и возрастание этнической специфики различных элементов культуры [20]. Иначе говоря, в течение I тысяч. до н.э. и первой половины I тысяч.н.э. в основном развивалось культурно-историческое единство, порождаемое спонтанным процессом генезиса номадизма на всем ареале Евразийских степей, полупустынь и пустынь умеренного пояса, т.е. происходило накопление этноинтегрирующих черт культуры, а этническая специфика проявлялась в отживающих свой век субстратных элементах, связанных с особенностями социально-экономического функционирования в каждом регионе. С середины и особенно со второй половины I тысяч.н.э. резко возрастает этнодифференцирующая роль различных элементов культуры номадов, т.е. акцент из сферы хозяйственных занятий смещается в более подвижную и подверженную наибольшей проницаемости сферу материальной, бытовой и духовной культуры, когда специфика этнического развития проявляется в адаптации социокультурных элементов субстрата применительно к формировавшемуся ХКТ. С этого времени по нарастающей линии происходит накопление уже не этноинтегрирующих в масштабах кочевого мира признаков, т.е. в сфере хозяйства, а этнодифференцирующих в основном в сфере традиционно-бытовой культуры и в масштабах локальных социокультурных общностей, которые при идентичном типе деятельности в силу специфических особенностей среды обитания, социокультурных стереотипов, традиций, разнообразных адаптивных механизмов обусловливают тенденцию к разъединению и даже противопоставлению формирующихся кочевых этносов друг другу.

После монгольского нашествия, которое характеризуется волнами проникновения как тюркских (основное ядро), так и монгольских кочевников-скотоводов, продолжается накопление однородных признаков на базе общего процесса нивелировки их особенностей в данной экологической нише, т.е. наступает третий этап развития процесса этнизации. Если в древнетюркско-кыпчакское время (УI–ХП вв.) происходило накопление специфических этнокультурных свойств, так сказать, от своего истока, то к началу ХШ в. различные этнические группировки приходят уже с находящимся в завершающей фазе генезиса комплексом этнических признаков. Так, в частности, в Восточном Дашт-и Кыпчаке кыпчакская общность достигла, несомненно, большой степени однородности, тогда как мигрировавшие сюда тюрко-монгольские общности, также достигнув этнокультурного единства на территории Центральной Азии в иной экологической и социальной ситуации, значительно отличались как друг от друга, так и от кыпчаков. Иначе говоря, процесс этногенеза кочевых народов Евразии является своего рода зеркальным отражением процесса эволюции кочевого хозяйственно-культурного типа, преломляясь сквозь призму его приспособления к специфическим условиям среды обитания в каждой данной экологической нише посредством традиционных адаптивно-адаптационных механизмов на каждом новом витке технологических циклов. Эта глубоко прослеживающаяся сопряженность культурных и социально-экономических процессов обусловливала прямую зависимость этнических явлений от социокультурных и прежде всего образа жизни, наиболее сильно воздействующего фактора на формирование этноса [21], от динамики взаимодействия общества и природы.

В этой связи важное значение имеет проблема анализа природы и характера процессов этнического взаимодействия местного, аборигенного субстрата и пришлого суперстрата, как,

впрочем, и кочевого населения и оседло-земледельческого адстрата, их воздействия на этногенетические процессы. Несмотря на общность основных принципов системы материального производства кочевников Казахстана, Средней и Центральной Азии и других соседних регионов, мы должны учитывать базирующуюся на натурально-потребительской автаркии специфику производственного процесса в ареальной зоне Казахстана, которая обусловливала направленность параметров этнического взаимодействия пришлых и аборигенных групп населения. Поскольку система материального производства местного субстрата была в наибольшей степени приспособлена к условиям жизнедеятельности данного ареала, то она, а следовательно, и материальная культура, впрочем, как и производственные отношения [22], практически не были подвержены воздействию извне и являлись сильнейшим доминантным фактором, способствующим ассимиляции иммигрантов. "Из всех явлений культуры, - пишет В.П.Алексеев, - с географической средой наиболее тесно связана хозяйственная деятельность человека" [23]. Такие же неадаптированные к условиям жизнедеятельности элементы культуры, как язык и духовная культура, в наибольшей степени были подвержены проникновению инноваций и аккультурации. Собственно на этом и базируются процессы ассимиляции и интеграции. Отсюда заданность параметров этнического взаимодействия в доиндустриальную эпоху и огромная роль местного субстрата в этногенетической истории рассматриваемого ареала [24] как носителя жизненно наиболее важного слоя адаптивного механизма культуры.

Именно в свете данной методологической посылки следует исследовать процесс формирования социокультурных ориентаций, традиционных способов и механизмов адаптации. Здесь важно подчеркнуть, что этносы представляют собой открытые, динамичные системы, которые инкорпорируют иноэтнические группы, постоянно стремятся к равновесию, гомеостазу со средой обитания. Внутри же этой адаптивной системы постоянно усложняются и дифференцируются составные части, поскольку именно с помощью механизма обратной связи постоянно протекают взаимоотношения с окружающей средой [25]. Интересна в этой связи

мысль В.П.Алексеева о том, что под социальной адаптивностью подразумевается вся сумма социальных изменений, направленных на достижение оптимального равновесия во взаимоотношениях любого человеческого коллектива со средой и с другими коллективами" [26].

Этногенетический процесс вступил в фазу кристаллизации в середине I тысяч.н.э. в связи с функционированием ряда этнополитических кочевых объединений, которые детерминировали образование новой этнической общности - казахов. Таким образом, преобладание кочевого типа хозяйственной деятельности обеспечило историческую преемственность позднесредневековых этнических образований, их генетическую связь с древними и раннесредневековыми насельниками региона. При этом аккумуляционные процессы неоднократно затормаживались и нередко прерывались миграционными явлениями, в основном инвазиями кочевников центральноазиатского происхождения. Но главной определяющей чертой этногенетического процесса являлись непрерывность и преемственность, достаточно надежно прослеживающиеся в формах хозяйства и организации системы материального производства. Внешним по отношению к этногенезу гарантом непрерывности являлась среда обитания, которая обусловливала преемственность навыков и технологических приемов в сфере хозяйства и культуры [27].

I. См.: Проблемы этнической географии и картографии. М., I978 и др.
2. См.: Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., I983 и др.
3. См.: Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., I979 и др.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. С.I9 и др.
5. См.: Анучин В.А. Географический фактор в развитии общества. М., I982 и др.
6. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С.496.
7. См.: Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия. М., I98I и др.

8. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-культурные области // Советская этнография. 1955. № 4 и др.

9. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.

10. Там же. С.222.

11. См.: Масанов Н.Э. Экологические аспекты этногенеза кочевников Казахстана // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тезисы докладов научной конференции по этнографии. Омск, 1984. С.43-47 и др.

12. См.: Масанов Н.Э. Типология скотоводческого хозяйства кочевников Евразии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С.55-81 и др.

13. См.: Масанов Н.Э. Экологические аспекты... С.43-47.

14. См.: Масанов Н.Э. Дисперсное состояние - всеобщий закон жизнедеятельности кочевого общества // Вестник АН Каз.ССР, 1987. № 3 и др.

15. См.: Андрианов Б.В. Неоседлое население мира. М., 1985 и др.

16. В данном случае мы оперируем терминами и понятиями, предложенными С.А.Арутюновым и Н.Н.Чебоксаровым. См.: Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. Вып.2. М., 1972 и др.

17. См.: Чеснов Я.В. Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982 и др.

18. См.: Алексеев В.П. Становление человечества. М., 1984. С.356-371.

19. Вайнштейн С.И., Крюков М.В. Седло и стремя // СЭ. 1984. № 6. С.114-130.

20. См.: Вайнштейн С.И. Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии. IX МКАЭН. М., 1973. С.8-11 и др.

21. См.: Капо-Рей Р. Французская Сахара. М., 1958 и др.

22. См.: Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVШ-XIX веков. Алма-Ата, 1984 и др.

23. Алексеев В.П. Становление человечества. С.348.

24. См.: Баратова Г.С., Исхаков Г.М., Масанов Н.Э. Проблемы этногенеза уйгуров // К вопросу об историко-культурном развитии Восточного Туркестана (IX-XII вв.). Алма-Ата, 1986. С.3-25 и др.

25. Вереш Л. Некоторые вопросы этногенеза венгерского народа // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск, 1985. С.115.

26. Алексеев В.П. Становление человечества. С.365.

27. См.: там же. С.363 и др.

С.М.Ахинжанов

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА В КОНЦЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э. (КИМАКИ И КЫПЧАКИ)

Характерной особенностью этногенетических процессов казахстанской зоны великого пояса Евразийских степей, как впрочем и всей Центральной Азии, было то, что этнические коллективы и племенные объединения развивались не изолированно, а в обстановке, когда их история во всем своем многообразии постоянно накладывалась друг на друга вследствие неоднократных инвазий и перемещений. В результате происходили многослойные процессы взаимодействия и взаимовлияния, метисации и интеграции различных племен. Такой характер субстратно-суперстратных процессов обуславливал исключительную сложность этнической ситуации в Евразийских степях, пустынях и полупустынях умеренного пояса, в том числе и казахстанского его региона, динамично пульсирующего в зависимости от многообразных фактов социально-экономического, политического и экологического происхождения.

В этой связи перед исследователями в актуальной форме стоит задача реконструкции основных направлений этногенетического процесса в одном конкретном историко-географическом регионе. Интерес, например, представляет изучение "монголоязычной струи" в этногенезе кочевых, тюркских в подавляющей своей основе, этнических коллективов средневекового Казахстана, игнорирование роли которой все еще наблюдается в ряде исследований, посвященных этнической истории интересующего нас региона.

Вспомним этнополитическую ситуацию, сложившуюся в восточных пределах казахстанских степей в конце I тыс. н.э. По данным письменных источников, в указанном регионе обитали племена с кочевническим укладом жизни, с общесобирательным именем кимаки. Именно под этим названием они были известны анонимному автору сочинения X в. "Худуд ал-Алам" и автору XI в. Гардизи, донесших до нас наиболее полные сведения о

средневековых народах Казахстана.

Большинство исследователей по сложившейся традиции считали и продолжают считать кимаков неотъемлемой частью кыпчаков, а если, по их мнению, и существовали какие-либо различия между ними, то они были чисто хронологическими, т.е. вначале были кимаки, а затем их место заступили кыпчаки. Например, И.Маркварт признавал кыпчаков "западной ветвью кимаков" [1]. Согласно В.В.Бартольду, "историческое значение кимаков состоит в том, что из их среды вышел многочисленный впоследствии народ кыпчаков" [2]. Даже в работе Б.Е.Кумекова, специально посвященной истории кимаков по данным арабоязычных источников, не исследуется соотношение этнонимов кимак и кыпчак, их этническое и политическое наполнение и их место в этнополитической истории Казахстана. В ней по-прежнему доминирует традиционное мнение о тождестве двух самобытных народов – кимаков и кыпчаков [3].

Однако, если отречься от довлеющей традиции и подходить к источникам непредубежденно, можно вполне убедиться в том, что речь в них идет о двух совершенно разных племенных подразделениях [4].

У Гардизи, которому принадлежат наиболее полные сведения о кимаках, утверждается: "Происхождение кимаков таково. Начальник татар умер и оставил двух сыновей, старший сын овладел царством, младший стал завидовать брату... После неудачного покушения на старшего брата, он убежал... в такое место, где была большая река... Река получила название Иртыш... Остатки племен направились к Иртышу... Собралось 700 человек... они образовали семь племен- ... Ими, Имак, Татар, Баяндер, Хифчак, Ланиказ и Аджлад... Кимаки оказывают уважение этой реке, почитают ее, поклоняются ей и говорят "Река – бог кимаков" [5]. Как видим, основу кимакского союза составили семь конкретно названных Гардизи племен, появление которых в бассейне Иртыша носило поэтапно-миграционный характер. Анализ приводимой Гардизи генеалогической легенды (интересно, что среди перечисленных Гардизи 7 человек – предков-эпонимов кимакских племен – Ими, Имак, Татар,

Баяндер, Хифчак, Ланиказ и Аджлад - отсутствует само имя Кимак), позволяет очертить ту общеэтническую и общерегиональную среду, из которых эти племена происходили. Гардизи, как видим, вполне определенно связывает происхождение кимаков с татарами и "родственниками татар". Сведения Гардизи не являются единственными в своем роде. Они находят свои подтверждения в показаниях и других арабо-персоязычных источниках и главным среди них являются сообщения арабского путешественника Тамима ибн Бахра, совершившего в первой половине IX в. путешествие вглубь центральной Монголии, в столицу тогуз-огузов на Орхоне [6]. Посетив и подробно описав древний город уйгуров, он добавляет очень для нас ценную информацию: "направо от города... - страна тюрков..., налево от него - с т р а н а к и м а к о в (разрядка наша - С.А.), а впереди него находится страна Китай, до которой было 300 фарсахов" [7]. Отмеченный факт проживания кимаков налево от столицы уйгуров на Орхоне ясно свидетельствует о кочевании кимаков в начале IX в. в степях северо-восточной Монголии. В этих местах Тамим ибн Бахр, согласно его показаниям, навестил и имел личную беседу с царем кимаков, армия которого состояла из 20 тысяч всадников на превосходных конях с тонкими ногами [8]. Прежде чем добраться до этих мест, этот отважный путешественник, отправной точкой для которого был Тараз, покрыл расстояние в 80 дней пути для быстро скачущего всадника. Даже рассчитывая оптимальное расстояние для нормального человека и выносливой лошади в 40-50 км в день, мы неминуемо придем к заключению, что общее расстояние от Тараза (современный Джамбул) до ставки царя кимаков составит не менее 3200-4000км, что в конечном счете приведет нас опять в восточные пределы монгольских степей.

Следует отметить, что цифру 80 или 81 день пути от Тараза до ставки царя кимаков приводят и другие арабоязычные авторы, которые, как выяснилось, основывали свои показания на данных Тамима ибн Бахра - это Ибн Хордадбех, Ибн ал-факих, Якут, Идриси. Однако они нигде не утверждают, что резиденция царя кимаков, до которой лежал путь в 80 дней, находилась на Иртыше. Этого и не могло быть, ибо их основной

первоисточник Тамим ибн Бахр посетил, как видим, ставку царя кимаков далеко к востоку от Иртыша. Поэтому указание всех современных исследователей кимако-кипчакской проблематики о том, что расстояние в 80 дней пути для быстро скачущего всадника от Тараза относится к местообитанию кимаков на Иртыше основанно, мягко говоря, на недоразумении и является также данью сложившейся традиции отмечать кимаков лишь на Иртыше. Кто ошибся в таком представлении первым, сейчас выяснить трудно, но это ошибочное мнение стало кочевать из одних работ в другие.

Как нам представляется, кимаков на Иртыше знают только поздние источники - Гардизи, анонимный автор "Худуд ал-Алам" и др., которые отражают позднейшую письменную традицию, когда внедрение кимаков на свою новую родину, в Приртышье, было уже совершившимся фактом. Наоборот, Тамим ибн Бахр и следовавшие за ним авторы описывают жизнь кимаков на их старых территориях, в степи Северо-Восточной Монголии.

Небезинтересно отметить, что для Гардизи так осталось неизвестным написание самого имени кимак, по крайней мере среди приведенного им перечисления 7 человек - предков-эпонимов кимакских племен, написание самого имени кимак у него отсутствует. Это дало повод И.Маркварту предположить, что искомое слово кимак, возможно, образовывалось из соединения первых двух из приведенных Гардизи племенных названий - Ими и Имак (iki-imäk kimäk - два кимака) [9], что не выглядит убедительным. Даже сам автор этого построения отождествлял первый этноним Ими с названием огузского племени имур [10]. Достоверные сведения в пользу такого отождествления приведены Ю.А.Зуевым [11], считавшим, что следовало бы в данном случае иметь в виду этноним эймур, а не ими.

В таком случае можно предположить, что, вероятно, термин кимак и этноним кимак был книжным, он был введен и бытовал только у определенной группы мусульманских авторов и, являясь традиционно книжным, распространился на какое-то реальное племя, хорошо известное для современников под другим наименованием.

Весьма показательно, что такой автор XI в., как Махмуд Кашгарский, реально знавший из личных наблюдений политическую обстановку и подлинную этнонимику казахстанских степей рубежа I и II тыс. н.э. о народе кимак как таковом ничего не говорит. Молчат о них и древнетюркские рунические надписи и китайские источники. Однако Махмуду Кашгарскому на правом берегу Иртыша, где первоначально размещали кимаков и анонимный автор X в., и Гардизи, был хорошо известен только народ под именованием каи [12]. Они, согласно ему же, были скорее всего народом в изначальной своей основе не тюркского происхождения. Он отмечал, что у каи "... свой язык. Вместе с тем они хорошо знают тюркский" [13]. Данная фраза свидетельствует, что язык каи сложился в иной, чем тюркской, языковой среде, возможно, в монгольском этническом окружении (термин каи, если считать его монгольским, переводится как змея, дракон). Согласно Гардизи, кимаки поклонялись реке, считали её божеством, в ней, реке, обитал хозяин-дух, в образе дракона (змея - главная его ипостась). Обожествляя реку и божества нижнего мира в виде змей-дракона, кимаки, как нам представляется, могли считать себя причастными к этому образу и на этом основании именовали себя народом змей, а так как они эти представления вынесли из татарской (монголоязычной) этнической среды, они вполне могли именоваться реальным этническим именем каи [14]. Утверждение же древнего филолога о том, что каи хорошо знали тюркский, является свидетельством того, что к середине XI в. каи (или кимаки) были уже в значительной степени ассимилированы и отречены окружающими их на новой родине тюркоязычными, в основном, йемекскими и кыпчакскими племенами. Связав в дальнейшем свою судьбу с кыпчаками и участвуя вместе с кыпчаками в их расширении пределов своих влияний и кочевок далее на юго-запад и особенно на запад по великому поясу Евразийских степей, кимакские племена становятся известными в русских летописях как участники событий в южнорусских степях в предмонгольское время. Знаменательно, что на новых территориях кимаки приобретают известность на страницах летописей не под книжным, искусственным назва-

нием кимаков (известным только узкому кругу мусульманских информаторов), а под своим подлинным названием, отражающим их змеиную, тотемную сущность, именем каи. В древнерусских хрониках хорошо известно половецкое племя каепичи (каи + опа) [15]. Структура этого этнонима ясна. Как пишет К.Г.Менгес, "имя представляет собой патроним на -ич-ъ в им.п. мн.ч. образовано от сложного слова, вторая часть которого - опа/апа ("отец"). Первая часть сложения - племенное название Qaj (Кашг.) или Qaju ; последнему отдает предпочтение Маркварт..." [16]. Одним из топонимических следов пребывания змеиного (кимакского) племени в этих регионах является ойконим Гайдары (Кайдары - Кайлары). С.А. Плетневой установлено, что у с.Гайдары имеется разрушенное распашкой укрепленное поселение, датируемое по керамическому материалу XII в. Интересно, что рядом с городищем Гайдары был расположен город Змиев. В этой связи С.А.Плетнева замечает: "Факт существования в районе Змиева городища XII в. чрезвычайно интересен, так как и сам г.Змиев был, судя по названию, половецким становищем. Название города от слова "змея" связывает его с половцами-кипчаками..." [17]. С.А.Плетневой как бы вторит И.Г.Добродомов, писавший, что "очевидно, половецкий город Шарукань можно отождествить с городом Змиевым в Харьковской области..." [18]. Мы же можем добавить, что сопоставление половецкого городка Шарукан с ойконимом Змиевым - Гайдары исходит из, возможно, этимологии личного половецкого имени Шарукан от тюркского названия дракона, о чем подробно сообщает К.Г.Менгес, писавший, что слово Шарукан восходит "к венг. sárkan (sárkány) или его древневенгерской форме, имеющей значение "дракон"... слово встречается впервые в 1193 г. Поппе сравнивает венг. sárkan с тур., крым. куман sazavan "дракон, змея" [19].

Согласно летописям хорошо известно, что Шарукан - город донского объединения половцев, во главе которых в течение свыше 100 лет стояла династия Шаруканидов, этимологически, по нашему мнению, династия змей (подлинным основателем династии, видимо, следует считать Шарукана, в личном имени

которого персонифицировался этноним). Как видим, ханами донских половцев, образовавших даже династийную линию, были представители народа "змей" – кай-кимаки: что является продолжением традиции, зародившейся в конце I тыс. н.э. в казахстанских степях, в период, когда согласно "Худуд ал-Алам", хакан кимаков назначал "царей" кыпчакам, даже отделившимся от него и кочевавшим вполне самостоятельно.

О таком же династийном правящем роде мы узнаем, когда исследуем этнополитическую историю кыпчакских племен, проживающих на территории Казахстана в предмонгольское время. Согласно источникам, в качестве лакаба к титулатуре ряда кыпчакских ханов, участвовавших в бурных политических событиях на границах с Хорезмом в начале II тыс. н.э., встречается этноним уран. Это кыпчакский хан Алп – Кара Уран, его сын Кирун, дочь последнего Теркен-хатун, больше известная в истории как мать-соперница хорезмшаха Мухаммеда, была по данным Рашид ад-Дина из уранийцев. К ним же относился и владетель Отрара, героический защитник этой крепости от осады монголо-татарских войск Алп-Дерек, больше известный в истории под именем Иналчик [20].

Семантика же самого термина уран раскрывается в тюрко-арабском глоссарии 1245 г. [21], известном как словарь Т.Хаутсма, где он переводится, как змея. Это слово – уран, по-видимому, гомогенно с тюркским глаголом "ора" – наматывать, обматывать, мотать – и является производным от этого глагола с прибавлением к нему аффикса -а(н) – ора + ан – оран-уран.

Как видим, кимакские племена, или их аристократическая правящая часть, вопреки утверждениям исследователей о том, что с начала II тыс. н.э. кимаки исчезают с политической арены, продолжают принимать активное участие в исторической жизни обширного региона Евразийских степей, хотя из историографического обихода (помимо трудов сугубо компилятивных, типа Идриси и др.), использовавших определенный круг более старых источников, изымается книжное, искусственно рожденное имя кимак. Это племя становится известным под своим настоящим именем – кай, отражающим его первоначальное наименование, полученное на своей родине, в монгольских степях, и под именем – уран, полученным в тюркоязычной среде.

Отражением же переходного и сложного периода процесса ассимиляции "народа змей" в тюркском этническом окружении является, возможно, бытование и другого термина. Это этнический двухчлен уранкай (уран + кай). О возможности существования такого этнонима в Дешт-и Кыпчак свидетельствует наличие в современных степях Казахстана своеобразных топонимических реперов (ороним и гидронимы) с редкой этнонимной основой на уран и кай. Причем они встречаются повсеместно, притом именно там, где протекала историческая канва существования кимако-кыпчакских племен в средние века. В Восточном Казахстане – речка Уранхайка и урочище под этим же именем, в Центральном Казахстане – гора Уранхай, в Южном Казахстане – местность Урангай. Много аналогичных и близких к ним топонимов в Забайкалье, Маньчжурии, Монголии, на западе – в Башкирии, встречены они в Азербайджане, в Грузии [22].

Зная, что каждая составная часть композита уранкай переводится с позиции своего языка как змея, возможно предположить, что в полном переводе этот двухчлен будет иметь форму "змея + змея". Это обычный пример образования этнонима при наслоении двух однозначных терминов, относящихся к разным языкам, что является типичным для контактных зон, каким и был регион северо-восточной части Центральной Азии, откуда и переселились на Иртыш кимаки. В таком случае мы вправе ожидать, что китайские источники не могли не отметить существование такого племени. Естественно, они не были известны им под искусственно рожденным, книжным именем кимаки. Они им были известны под своим истинным именем. И, действительно, в тех местах, где первоначально отмечал своих кимаков Тамим ибн Бахр, согласно китайским авторам, обитало племя ку-мо-хи, современное чтение ку-мо-си [23].

Еще В.В.Григорьев в конце XIX в. сопоставил племя кимаков с кумохами [24], но только в 1920 г. П.Пелльо в рецензии на работу И.Маркварта, который, кстати, также считал кимаков монгольским племенем, убедительно показал, что китайская транскрипция ку-мо-хи является передачей двух этно-

нимов, где слово ку-мо – эквивалент имени кимак, а хи – транскрипция слова – каи [25]. Известный советский этнограф Г.М.Василевич в 1946 г. писала: "китайские источники дают два этнонима кумо+хи (IУ-УI вв.) и кима+ки... В X-XI вв. мы встречаем этноним кимаки уже в персидских источниках" [26], в качестве народа, обитавшего на берегах Иртыша.

Когда же произошло переселение кимаков на Иртыш (будем, во избежание путаницы, называть их этим устоявшимся в литературе "книжным" именем, все время помня, что это народ "змей" – каи в монгольской передаче, уран – в тюркской). Как мы уже отмечали, кимаков в Восточном Казахстане знают только авторы поздней информации, относящейся к X-XI вв. Более ранние писатели отмечали их значительно восточнее. Вероятно, рубеж УШ-IX вв. был именно тем периодом, когда произошла инфильтрация части кимакских племен на Иртыш. Ясно, что переселение не было единовременным актом. У Гардизи слышны отголоски каких-то 2-х или даже 3-х этапов миграции. Причиной ее явились события середины IX в. в степях Центральной Монголии, связанные с существованием, расцветом и гибелью государства уйгуров с центром на Орхоне, павшем под ударами киргизской экспансии в 840-х годах и стихийные бедствия того периода, "когда был голод, а вслед за ним открылась моровая язва и выпали глубокие снега, отчего пало много лошадей и овец" [27]. Эпидемии и джут в придачу к военным невзгодам вынудили население полиэтнического уйгурского государства, в том числе и зависимое, а среди них кимаки, татары и "родственники татар", забросить свои кочевья и искать новые земли на стороне и, в частности, в Восточном Казахстане, где к этому периоду уже проживали племена йемеков и кыпчаков. Йемеки (Имаки – Гардизи), например, известны с УП в. в китайских хрониках под именем яньмо, как племя, связанное с тюркским этническим кругом и игравшее крупную роль в политических событиях на северных границах Западно-Тюркского Каганата. Достаточно достоверное отождествление этнонима яньмо с йемеками произвели Л.Амби и Ю.А.Зуев [28]. Махмуд Кашгарский упоминает йемеков, как тюркское племя среди кыпчаков, хотя сами кыпчаки, по его словам,

считали себя отдельной группой. "Язык йемеков близок языку кыпчаков" [29], – счел нужным упомянуть древний филолог.

Кыпчаки также известны как древние жители бассейна верховьев Иртыша, отрогов Алтайских гор, примыкающих к ним с юга и запада. С конца УП в. до середины УШ в. кыпчаки выступают как равноправные союзники могущественных тюрков, господствующих в степях Монголии. "Когда тюрки-кыпчаки властвовали (над нами) пятьдесят лет..." [30]. Такая декларация надписи "Селенгинского камня" является отражением того неоспоримого факта, что кыпчаки уже к середине УП в. достигли определенного могущества в союзе с орхонскими тюрками. Согласно последним исследованиям С.Г.Кляшторного, в середине I тыс. н.э. кыпчаки были известны в истории Центральной Азии под именем политического объединения сеяньто или сиров (так они именовались в древнетюркских эпитафиях) [31]. После разгрома уйгурами в 744 г. П Восточно-тюркского каганата (во главе которого стояли тюрки и союзные с ними кыпчаки), кыпчаки основными своими кочевьями избрали пастбища, расположенные подальше от притязаний новой политической власти в степях Монголии, а именно в верховьях Иртыша и юго-западных склонов Алтайского хребта, где в этот же период проживали и йемеки. С приходом сюда кимаков в первой половине IX в. они попадают под их политическое руководство. "Они приветствовали Шада (кимаков) как своего начальника", – так декларируется это событие в генеалогическом предании Гардизи. Именно в этот период термин кимак, по всей вероятности, поглощает все разноязычные и разноэтничные племена, вошедшие в кимакское политическое объединение. В это время этноним кыпчак находился в тени этнонима кимак.

Исходя из всего сказанного, можно прийти к выводу следующего характера. Кимаки и кыпчаки не идентичны друг другу, это два разных этнических коллектива, имевших на ранних стадиях своего развития отдельную историю и различную территорию обитания. Кимаки жили в Восточной части Центральной Азии в монгольской этнической среде, возможно, они были ветвью татарского племени и восходили к протомонгольскому

сяньбийскому племенному союзу, а кыпчаки – на отрогах Алтая, в верховьях Иртыша, в Восточном Казахстане и в крайней западной части монгольских степей и, вероятно, восходили к хуннскому этническому компоненту. Кимакское этнополитическое объединение, сложившееся в конце I тыс. н.э. в казахстанской зоне великого пояса Евразийских степей, было сложным по своему этническому составу. В него входили как племена явно монголоязычной группы (татары, баяндеры, кимаки), так и тюркоязычные этносы (кыпчаки, йемеки, уйгуры, а, возможно, и аджлад – азлар?). Это свидетельствует о том, что вопрос об этногенезе казахского народа, в сложении которого одним из основных компонентов были кыпчакские племена, достаточно сложен и неоднозначен еще на стадии раннесредневекового периода, знаменуемого крупными перемещениями кочевников, метисацией и интеграцией разнообразных в антропологическом, языковом, культурно-хозяйственном отношении племен и народов.

I. Marquart I. Über das Volkstum der Komanen // AKGWG. Bd.XIII. N 1. Berlin, 1914. S.99.

2. Бартольд В.В. Кимаки. // Бартольд В.В. Соч. Т.У. М., 1968. С.549.

3. Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. С.10 и др.

4. Ахинжанов С.М. Этнонимы "кимак" и "кипчак" // Археология эпохи камня и металла Сибири. Новосибирск, 1983. С.105–122.

5. Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью // Бартольд В.В. Соч. Т.IУ. М., 1973. С.43–44.

6. Minorsky V. Tamim ibn Bahr's journey of the Uyghurs // BSOAS. Vol. XII, pt.2. 1948. P.305.

7. Ibid., P.284.

8. Ibid., P.289.

9. Marquart I. Die Iki-Imak. Ostasiatische Zeitschrift // Bd.VIII. Berlin, 1920. S.293–269.

10. Marquart I. Über das Volkstum... S.96.

II. Зуев Ю.А. О семантике этнонима имур/имир // Известия Академии наук Туркменской ССР, серия общественных наук. 1968. № 4. С.95–96.

I2. Махмуд Кошгарий. Девону луготит ат-тюрк. Тошкент, I960. Т.I, карта.

I3. Там же. С.28.

I4. Ахинжанов С.М. Этнонимы "кимак" и "кипчак". С.II6.

I5. ПСРЛ. Т.П. С.507.

I6. Менгес К.Г. Восточные элементы в "Слове о полку Игореве". Л., I979. С.6I, сноска I.

I7. Плетнева С.А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., I975. С.270.

I8. Добродомов И.Г. Тюркская топонимика "Повести временных лет" // Тюркская ономастика. Алма-Ата, I984. С.I40.

I9. Менгес К.Г. Указ. соч. С.I72.

20. Ахинжанов С.М. Из истории взаимоотношений кипчаков и Хорезма в XII – начале XIII века // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, I973. С.59–70.

2I. Курышжанов А. Исследование по лексике тюрко-арабского словаря. Алма-Ата, I970. С.I76.

22. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, I989.

23. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.–Л., I950. Т.I. С.208.

24. Григорьев В.В. Землеведение К.Риттера. СПб., I873. С.209.

25. Pelliot P. A Propos des Comans // Journal Asiatique. Sér.11, 1920. T.XV, P.26.

26. Василевич Г.М. Древнейшие этнонимы Азии и название эвенкийских родов // Советская этнография. I946. № 4. С.45.

27. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах... Т.I. С.355. Hambis L.Kastim et Gus-dum // Journal Asiatique,1958. N.3. S.320, 28. Зуев Ю.А. Из древнетюркской этнонимики по китайским источникам // Труды ИИАЭ АН Каз.ССР. Алма-Ата, I962, Т.I5. С.II7–I22.

29. Махмуд Кошгарий. Девону луготит ат-тюрк. Т.Ш. I963.С.29.

30. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.–Л., I959. С.38.

3I. Кляшторный С.Г. Кипчаки в рунических памятниках // Turgologiga. Л., I986. С.I53–I64.

Б.Кумеков

ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ КЫПЧАКОВ XI – НАЧ. XIII вв. ПО АРАБСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Сведения о родоплеменном составе конфедерации кыпчаков XI – нач. XIII вв. содержатся в средневековых арабоязычных исторических и космографических трудах Ахмеда ат-Тини (1235–1318), ан-Нувайри (1279–1332), ад-Димашки (1301–1349), Ибн Халдуна (1332–1406), Ибн Дукмака (ум. 1407), отчасти в арабо-кыпчакском словаре Абу Хаяна (1256–1345). Общий источник информации о племенном составе кыпчаков, являющийся основанием для появления почти идентичных текстов, объединяет Ахмада ат-Тини и ад-Димашки с одной стороны, ан-Нувайри, Ибн Халдуна и Ибн Дукмака – с другой. Что касается Абу Хаяна, то важно отметить, что у него в качестве основного источника упоминается недошедшее до нас сочинение более раннего автора Байлика ал-Кыфчаки (судя по нисбе кыпчака по происхождению). В словаре, созданном в Египте, Абу Хаян перечисляет в алфавитном порядке четыре племени кыпчаков – барли (* борили) , токсоба (* токусоба) , питоба (* иетиоба) и йимек [1]

важность которых, как нам представляется, заключается в намеренном выделении из всего объединения социально весомых, элитарных групп. Подтверждение этому в этноисторических данных ряда средневековых мусульманских историков и географов.

Материалы по этническому составу кыпчаков означенных средневековых авторов в виде изданий или перевода оригинальных текстов были введены в научный оборот еще в XIX – нач. XX в. Предложенные в то время чтения кыпчакской этнонимии оказались не во всех деталях безупречными. Современные медиевисты (археологи, этнографы, историки), широко привлекая в своих исследованиях соответствующие переводы, невольно оказываются в "плену" ошибочных трактовок. Вместе с тем общим недостатком исследовательского подхода является недостаточное следование комплексному и сравнительно-историческому

методам, которые позволяют рассмотреть исторические факты во всем их многообразии и во всей целостности. Другой изъян заключен в отсутствии разбора этнической номенклатуры с учетом контекста восточного источника.

В научных работах сводка сведений о родоплеменном составе кыпчаков использовалась в широких пределах расселения кыпчаков от Иртыша до Днепра, без разграничения. Так, информация ан-Нувайри и Ибн Халдуна зачастую привлекалась для характеристики этнического облика кыпчаков, обитавших в регионе Средней Азии и Казахстана [2]. Однако такой подход нуждается в определенной корректировке. Ибн Халдун после перечисления известных 11 кыпчакских племен со ссылкой на свой первоисточник "Историю Бейбарса ал-Бундукдари", констатирует: "Эти (одиннадцать племен), а Аллах лучше знает, составляют только кыпчакские разветвленные племена. А они те, что находятся в западной стороне их (кыпчаков) северной страны" [3]. Далее, в этом же связном контексте отмечается, что султан Бейбарс, вышедший из среды этих кыпчаков "относится к тюркам, привезённым в Египет из той западной области, а не со стороны Хорезма и Мавераннахра" [4]. Приводимая в "Китаб ал-ибар" Ибн Халдуна историческая канва о имевшем место в 1229 г. в среде одиннадцатиплеменной конфедерации кыпчаков вражде между токсоба и дурут, которой воспользовались джучиды для разгрома кыпчакских сил, всецело связана с пределами Западно-кыпчакского объединения. Тем самым дается достаточно четкая локализация кыпчакского племенного союза применительно к территории их расселения к западу от Волги (Итиля).

На основании перечня племенного состава кыпчаков Западного Объединения, заключенного в трудах ан-Нувайри, Ибн Халдуна и Ибн Дукмака, предлагаем следующее прочтение их этнонимии: 1. токсоба ; 2. йета , у Ибн Дукмака йета-оба). Искаженное написание сета дает Ибн Халдун; 3. бурджоглы 4. албурлы (олборлы) * борили; кангароглы искажённое написание кангы-оглы у ан-Нувайри и канаараали

у Ибн Халдуна); 6. анджуглӣ (* анджигали) أنجغلي, неверно ōглӣ أوغلي у Ибн Халдуна; 7. дурӯт دورت دروت * дурт+оба; 8. кулāбāоглӣ كلابا أغلي неверное чтение карабароглӣ; 9. джортāн جرتان искаженное написание джузнāн جزنان по ан-Нувайри и джерсāн جرتان согласно Ибн Халдуну; 10. карāбиркли قراربركلي; 11. котан كتن (неверно кунун كنن по Ибн Халдуну). Как видно из списка, главенствующим династийным племенем конфедерации западных кыпчаков XII- нач. XIII вв. было племя токсоба, вместе с тем к ведущим племенам объединения относились *иетиоба, бурджогли, *борили.

Что же касается более пространного второго списка племен кыпчаков по данным Ахмада ат-Тини и ад-Димашки скажем, что он относится к Восточному объединению кыпчаков, локализованному к востоку от Итиля, в основном на значительной территории Казахстана и прилегающих к нему землях.

Наиболее высокое элитарное положение, как показывают персидские нарративные источники, в восточном "Дашт- и Кыпчаке" занимало племя *борили (≤ олбори البري) из числа которых выходили ханы [5]. Первое племя в конфедерации кыпчаков в списке ад-Димашки традиционно читали как баркӯ بركو. Достаточно сказать, что то или иное прочтение этнонима, как показывает исследовательская практика, имеет принципиальное значение. Так, приняв чтение баргу С.М.Ахинжанов идентифицировал это этническое название с монгольским племенем баргу (вернее баргут), что увело исследователя в районы к северу от р.Селенги [6].

В данном случае предлагаем чтение этого этнонима как борилу, что представляется нам обоснованным и с исторической и филологической точек зрения. В качестве аргумента, подкрепляющего такой вывод, достаточно указать на описку, проистекающую из слабо дифференцированной палеографии внешне похожих букв в старых почерках (каф. ≤ лам), настолько обычную, что не требует особой аргументации. К тому же в Парижском списке труда ад-Димашки в разбираемом слове конечный слог написан через аффикс обладания – лӯ لو , ср. в этом же списке форму оглу اغلو вм. огли) [7].

Рассмотрение борилу, в качестве первого по иерархии династийного племени в составе кыпчаков, вполне согласуется с информацией о них в других независимых друг от друга источниках, отражающих историческую ситуацию, характерную для Восточного кыпчакского объединения. Борилу относится к древнетюркским племенам алтайского происхождения.

Вторым по списку значится тюркское племя токсоба (توقسبا), семантика этого термина достаточно однородно отмечается многими исследователями: токс/токуз "девять"+оба (патронический формант, восходящий к тюркскому оба "племя, род"). Что касается заключения Ибн Халдуна о монгольском происхождении токсоба, породившего в современных исследованиях вопрос о наличии в составе кыпчакских племен монгольского компонента, то оно не находит подтверждения в других известных нам источниках. Напротив, токсоба всюду выступает как тюркский этнос [8].

Третьим племенем указаны * иетиоба إيتبا (йитаба). Типология тюркского племени иетиоба совпадает с этнонимом "токсоба", а именно – иети "семь"+оба.

Четвертое племя фиксируется как б.р.т. برت , в литературе предложена его транскрипция "барат". Следует обратить внимание на то, что это племя по своему местоположению в списке входит в обычную для тюркской социальной истории когорту четырех племен, занимающих аристократическое положение. Исходя из этого, логично было бы предположить последующее упоминание данного этнонима в списке племен кыпчаков западного объединения, аналогично трем предшествующим племенам: борилу, иетиоба и токсоба. Однако племя барат не упоминается в нем, равно как и в сведениях письменных источников предмонгольской и монгольской эпохи. Предложенная конъектура барат * барак [9], являющаяся этническим названием одного из враждебных Огуз-хану племен [10], не находит достаточного объяснения в связи с историей кыпчаков в конкретно-исторических проявлениях эпохи. Общеизвестно, что династийная борьба всегда имела место внутри союзов племен средневековья. Ан-Нувайри и Ибн Халдун приводят лишь частный случай этой борьбы, развернувшейся в канун монгольского нашествия в среде западно-

кыпчакской конфедерации между токсоба и дурут/дурт. Необходимо заметить, что дурт в западном объединении перечисляются в списке племен седьмыми и не входят в аристократическую группу. Между тем эта вражда, характеризуемая ан-Нувайри как "старинное соперничество", на первоначальных его этапах проявлялась, по всей вероятности, до известной перегруппировки кыпчакских племен на западе в пределах Восточного объединения кыпчаков, где бн дурт занимали более привелегированное династийное положение. В этой связи название племени دورت вызывает ассоциацию с племенем دورت/دروت. С филологической точки зрения палеографические особенности арабской передачи термина دورت/دروت, легко допускают в рукописях возможности слияния "даля" с "ра", дающий и искомый вариант دورت в письменных источниках. Таким образом историко-филологические выкладки позволяют нам предложить конъектуру вместо دورت читать دورت дурт/дурут (в написании арабских слов часто наблюдается стяжение долгих гласных в краткие, ср. в рамках рассматриваемых списков племен: دروت по Ибн Дукману и دورت согласно Ибн Халдуну), которая согласуется с данными средневековой этносоциальной истории кыпчаков. В основе названия племени дурут/дурт лежит сокращенная форма объединения в качестве определения - числительного, указывающего на количество объединяемых родов (дорт+оба).

Затем следует племя ал-'рс, которое в исследовательской литературе транскрибируется по-разному: ал=арс, ал=урс/ал=орс [11], что, наряду с формой, засвидетельствованной в парижском списке труда ад-Димашки ал=аш, представляет собой древнее племенное название зорс > урс > орс > аси (яси). Часть ал=арс или асов была тюркизирована в районе Хорезма в XI-XII вв., отдельные группировки которой вошли в состав кыпчакских племен, обитавших по соседству с Аральским морем и нижним течением Амударьи в конце первой половины XI в.[12]. Как известно, орси/асы являлись иранским племенем, родственным аланам. Что касается чтения этнонима как ильарас, в переводе якобы означающее смешанные племена и соответствующее половецкому племени елтуковичи [13], то это неверно по существу.

Далее упоминается тюркское племя бурджоглу برج اغلوا, составившее наряду с другими верхушку кыпчакского общества в южнорусских степях, а в Египте выдвинувшее из своей среды династию султанов мамлюков.

Дальше следует племя манкуроглу منكور اغلوا, по всей вероятности относящееся к одному из кимакских племен. По сведениям ряда средневековых авторов, в стране кимеков находились горы Манкур [14] منكور, близ которых кочевали группы огузских племен. Название гор как тотем скорее всего было закреплено за отдельной группировкой конфедерации кимакских (кимекских) племен. В области расселения кимаков горы Манкур идентифицируются с Улутаускими горами [15] в Центральном Казахстане.

Последним крупным племенем отмечается племя йимек يماك, по другим источникам имек ايماك, йимек يماك, то же самое, что по многочисленным письменным источникам мусульманского круга тюркоязычный этнос кимек. Помимо целого ряда введенных в научный оборот аргументаций историко-филологического характера относительно тождественности имеков и кимеков считаем нелишним привести факты вовсе не получившие отражение или недостаточно известные в историографии вопроса. Арабские и персидские источники зачастую при упоминании столиц племенных объединений называют их именем соответствующих племен; так, известны резиденции огузов - ал-Гуззия, карлуков - ал-Кардукия, алан - ал-Алания, хазар - ал-Хазар и т.д. В нашем случае один и тот же стольный город кимеков по одним источникам называется Йимекия [16] (Имекия), а по другим - Кимекия [17]. Далее, целостное изучение текста сочинения Гардизи о происхождении тюркских племен позволило наметить одну из закономерностей в понимании структуры сложных титулов, а именно титулы предводителей племен состояли из собственного племенного названия и титула определенного ранга. Отсюда начальник племени ягма носил титул ягма-тутук, царь тогузгузов титуловался токузгуз-хаканом, главой карлуков назван ябгу-карлук. В этом контексте титул кимакского вождя опреде-

лен как Йимāк-бāйгӯ/Йимāк ябгӯ [18]. Приведенные аргументы убедительно свидетельствуют об идентичности племенных названий имек и кимек с одной стороны и об их тюркоязычности – с другой. Другие подходы [19] в интерпретации вопроса о соотношении терминов кимек и имек должны покоиться на почве всей суммы имеющихся фактов и строгой научной методике.

В контексте списка племен ад-Димашки касательно имеков приводит принципиальной важности замечание – "а они(йимек) уже стали хорезмийцами" [20]. Из содержания этой краткой фразы опосредованно следует: во-первых, относительная ориентация списка племен к территории Восточного объединения кыпчаков; во-вторых, определяются верхние пределы хронологических рамок списка племен, которые датируются временем правления хорезмшаха Текеша (1172-1200) и его сына Мухаммеда (1200-1220), и отмечены проникновением в государство Хорезмшахов многочисленных их групп, в частности 10 тыс. войска имеков, находившихся на службе у Теркен-хатун, жены Текеша [21]; в третьих, фиксируется движение значительных группировок племени имеков в Среднюю Азию.

Ад-Димашки вслед за тем перечисляет "более мелкие подразделения" в составе кыпчаков. Среди них первым этнонимом назван таг [illegible] имеющий огузское происхождение, судя по древним огузским преданиям [22].

Затем упоминается одно из печенежских племен башкурт/башкирт [illegible] отдельные группировки которых расселялись в районе Приаральских и Прикаспийских степей.

После этого отмечается этноним [illegible] (огласовка по Ахмаду ат-Тини), который традиционно транскрибируется как куманкӯ. В этом слове усматриваем искаженное написание этнонима куманлу. По своей структуре термин куманлу аналогичен выше реконструированному слову — *борилу, (< барқӯ [illegible]) и состоит из этнонима куман+-лу (афф. обладания или отношения). Таким образом в текстах Ахмада ат-Тини и ад-Димашки выявляется упоминание этнонима куман/куманлу как самостоятельной этнической единицы. Это – факт весьма примечательный, ибо в отечественной и зарубежной историографии широко бытует установившееся мнение о тождестве

кыпчаков и куманов. Впрочем лингвистические штудии позволяют различать язык куманов (или половцев) от языка кыпчаков в рамках одной и той же эпохи [23].

Наименование того или иного лица по признаку его этнической принадлежности – явление обычное у восточных авторов. В сочинениях арабских средневековых историков содержатся антропонимы неарабского происхождения, в которых четко выделяется нисба по этнической куманской принадлежности в среде мамлюков: эмир ал-Кумани [24], шейх Зайн ад-дин Абу Бакр ал-Кумани [25] [illegible]. Под новым углом зрения воспринимаются теперь сведения арабского географа ал-Идриси, который описывает в своем сочинении страну куманов, расположенную между Волгой и Днепром и доходящую на севере до земли печенегов и булгар. В "Повести временных лет" летописец считает куман именем племени наряду с туркменами, печенегами и торками. По всей вероятности, к эпониму куман восходит имя общего предка, кумандинцев Алтая. В качестве сравнительного материала ценен ономастический пласт, содержащийся в русских летописях относительно куман=половцев: так, "половчин племенем Куман", "Князь Куман", в составе собственного имени Куманопа. Имеются факты по топонимике. Так назывались в Азербайджане три селения Куманлы [26], деревня Кумани в Кашгаре [27]; известны украинские топонимические названия Коман [28].

Сведения этнонимического, ономастического и топонимического характера позволяют с достаточно обоснованных позиций говорить об этнической самостоятельности куманов.

Данный тезис может быть усилен в свете оригинальных сведений, содержащихся в трудах средневековых арабских географов ал-Идриси, Ибн Саида, Абу-л-Фиды о куманах, локализованных к востоку от Волги.

На карте ал-Идриси "Сурат ал-ард" к северу от двух топографических объектов, идентификация которых не вызывает никакого сомнения, (Бахр ал-Хазар – Каспийское море и Бухайрат Хвариэм – Аральское море), расположены горы Аскасия. Они описываются протянувшимися в меридиальном направлении с севера на юг с небольшим уклоном в сторону востока. Из этих гор вытекает несколько рек, в том числе, что особенно важно,

река Итиль (Волга), впадающая в море Хазар (Каспий). Описанные характеристики гор позволяют с уверенностью отождествить Аскасия с Уральскими горами. Ибн Саид и Абу-л-Фида, указывают, что в предгорьях Аскасия, к югу от него обитали куманы [29]. На незначительном отдалении к югу-востоку от Аскасия в "Сурат ал=ард" показаны горы Тагура, где находилась цитадель страны куманов со столицей Кумания. Тагура в соответствии с реальной географической схемой сопоставима с Мугоджарскими горами. Судя по тексту средневековых сочинений, горы Тагура (Мугоджары) являлись основной областью расселения куманов. Как явствует из данных письменных источников, куманы расселялись в пространстве между северными Приаральскими степями и предгорьями Южного Урала. К югу от них находились огузы (согласно карте "Малой Идриси" и кимаки), на западе - печенеги, на северо-западе - булгары, на северо-востоке - кипчаки. Анализ текстологического и картографического материалов дает основание датировать сведения средневековых авторов о куманах IX-X вв. Нарративные источники фиксируют куманов как крайнюю западную ветвь кимако-кипчакского объединения племен, задолго до их переселения в Приазовские и Причерноморские степи, где куманы с XI в. в древнерусских летописях фигурируют под калькированным именем половцев.

Далее в списке племен значится подразделение [illegible], которое в исторической литературе транскрибируется как бузанки. Однако в литературе конкретных сопоставлений этого термина с каким-либо этнонимом не было дано. В самом деле, в известных нам письменных источниках этот этноним больше не упоминается. В ленинградском списке сочинения ад-Димашки дается другая форма этого слова с конечным "каф" без долгого "йа". С учетом данного варианта считаем возможным иное чтение термина, а именно * базанак [illegible], что вполне укладывается в палеографические нормы. Базанак (диалектная форма?) вызывает ассоциацию с племенем бадженак [illegible]. Предполагаемая конъектура подкрепляется и тем, что после базанак (баджанак) следует этническая группа баджна [illegible]. Родоплеменная группа * базанак/баджанак, баджна и башкирт, входившая в печенежский союз племен, в первой половине IX в. потерпела поражение от союза огузов, карлуков и кимеков и вынуждена была в основной своей массе мигрировать из области Аральского моря на запад. Отдельные их группировки остались на территории современного северо-западного Казахстана и, как свидетельствуют письменные памятники, вошли в состав объединения кыпчаков.

После баджна, о котором уже упомянули, обозначены карабориклу [illegible], также относящиеся к печенежским племенам Приаралья [30].

Следующую этническую единицу данные Ахмада ат-Тини позволяют читать как уз [illegible], таковым было народное произношение племени огузов.

Последним в родоплеменном составе кыпчаков отмечен этноним джортан/*шортан [illegible]. Семантика этого слова указывает на тюркскую его основу.

Анализ рассмотренного родоплеменного состава кыпчаков приводит к следующему заключению: I. Конфедерация кыпчаков относится к восточному их объединению; 2. Его хронологические рамки определяются XI - нач. XIII вв.; 3. Структура этнического состава кыпчаков была сложной и неоднородной, вобравшей в себя, помимо собственно кыпчакских, тюркоязычные кимекские, куманские, печенежские, огузские племена, тюркизированные элементы ираноязычного этнического пласта; 4. Строгий источниковедческий подход к фактическим данным позволяет достаточно конкретно во времени и пространстве интерпретировать племенную структуру средневековых кыпчаков, а она носила на себе печать динамизма, специфичную для каждого этнополитического объединения и историко-географического региона. При этом ведущим династийным племенем в Восточном кыпчакском объединении было племя борили (олборили, олборилик), так же как и в Делийском султанате; в Западном объединении - племя токсоба, а в государстве Мамлюков Египта и Сирии - буржогли.

I. Abu Hayyan. Kitab al-idrak li-lisan al-atrak. Istanbul. 1931.

2. Шаниязов К. К этнической истории узбекского народа (На материале кипчакского компонента). Т., 1974. С.76; Ахинжанов С.М. Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С.91; Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кипчакского времени на Южном Урале (XII-XIУ вв.). М., 1988. С.59.

3. Ибн Халдун. Китаб ал=ибар. Т.5. С.372.

4. Там же.

5. Tabakat-i Nasiri. A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia,including Hindustan,from A.M.194/810 A.D. to A.H. 658/1260 A.D./ and the Irruption of the Inftel Mughals into Islam.Transl.by H.G.Raverty,vol.II.London, 1881,pp.791,796,806,961,1097.

ср. Кычанов Е.И. Сведения в "Усань-ши" о переселении киргизов XIII в. (публикация источника). // "Изв. АН Кирг. ССР". СОН. 1963. Т.5. Вып. I. С.62.

6. Ахинжанов С.М. Об этническом составе кипчаков. С.92.

7. Mehren A.F. Cosmographie de Chems-ed-din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichqui.Texte arabe,publié d'apres l'édition commencée par M.Fraehn. SPb., 1866.

8. Кумеков Б. Средневековые кипчаки по данным "Китаб ал=ибар" Ибн Халдуна (XIУ в.). // Международная ассоциация по истории культуры Центральной Азии. Информационный бюллетень. Вып.13. М., 1987. С.97-99.

9. Ахинжанов С.М. Об этническом составе кипчаков. С.92.

10. Рашид ад=Дин. Сборник летописей. Т.I. Кн.I. М.-Л., 1952. С.84; Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.-Л. С. 18, 45.

11. Mehrin A.F. Cosmographie,P.264; T.Levvick.Un peuple iranien peu connu: Les Arsya ou Orsiya // Hungaro-Turcica. Studies in Honour of Julius Németh.Budapest,1976, P.33.

12. T.Lewick. Op.cit. P.33.

13. Ахинжанов С.М. Об этническом составе кипчаков. С.92.

14. Абу Рейхан Бируни (973-1048). Избр. произв. Т.I. Памятники минувших поколений. Пер. М.А.Салье. Т. 1957; Закария ал=Казвини. Аджаиб ал=махлукат. Рукопись ИВ АН СССР. Д-370. Л.106 о; Его же. Асар ал=билад ва ахбар ал=ибад. Рукопись ИВ АН СССР. Д-174. Л.218а; Шабиб ал=Харрани. Джами ал=фунун ва салват ал=махзун. Рукопись ИВ АН СССР. В-781. Л.130а; Ибн Ильяс. Нашк ал=азхар фи гараиб ал=актар. Рукопись ИВ АН СССР В-1033. Л.452.

15. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. А-А., 1966. С.9-10.

16. Minorsky V.Hudud al-Alam "The Regions of the World". A Persian Geography 372 A.H.-982 A.D. London,1937, P.310.

17. Расаил ихван ас=Сафа ва хуллан ал=Вафа. Т.I. Бейрут, 1957. С.179; Ибн Саид. Китаб джуграфия фи-л-акалим ас=саба. Рукопись ИВ АН СССР. С.591. Л.17а. Al-Idrisi. Opus Geographicum sive Liber ad eorum delectationem qui terras peragrare stuteant,fasc.6.Neapoli-Romae, 1976. P.719.

18. Кумеков Б.Е. О конъектуре к титулу бамал=байгу в "Зайн ал=ахбар" Гардизи // Бартольдовские чтения. Вып.7. М., 1984. С.50-51.

19. Ахинжанов С.М. К вопросу об этнониме Уранкай (Уран-кай) // Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана. А-А, 1980. С.31-37; Его же. Этноним "кимак" и "кипчак". // Археология эпохи камня и металла Сибири. Новосибирск, 1983; Его же. Кимаки - Уран-Каи (Уранкаи). // Историко-культурные контакты народов Алтайской языковой общности. Ч.I. М., 1986; Его же. Этноисторические связи племен Казахстана и Центральной Азии в средние века (кимаки и кипчаки) // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1988.

20. Mehren A.F. Cosmographie. P.264.

21. Бартольд В.В. Сочинения. Т.I. М., 1963.

22. Рашид ад=Дин. Сборник летописей. Т.I. Кн.I. С.86; Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Уфа, 1974. С.184; Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. Ашхабад, 1969. С.161-162.

23. Менгес К.Г. Восточные элементы в "Слове о полку Игореве". Л., 1979. С.64-65; Кононов А.Н. К этимологии этнонимов кипчак куман, кумак // Ural-Altaische Jahrbücher. Bd.48. 1976. S.159-164.

24. Тарих ал=Фурат. Т.9. Ч.2. Бейрут, 1939. С.437.

25. Ибн Тагриберди. Нуджум ал=захира. Т.8. Каир, 1936. С.46.

26. Агаев Г.Д. Данные этнотопонимии о расселении тюркоязычных племен в Азербайджане XI-XУ вв. // Этническая ономастика. М., 1984. С.149.

27. Акимушкин О.Ф. Шах-Махмуд Ибн Мирза Фазил Чурас. Хроника. Крит. текст, перевод, комментарии, исследование и указатели. М., 1976. С.32, 306.

28. Pritzak O. The Polovcians and Rus // AKMA, 2, 1982.P. 333.

29. Ибн Саид. Китаб баст ал=ард фи-т-тул ва-л-ард. Тетуан, 1957. С.140.

Reinaud M., de Slane M.Géographie d'Aboulféda. Texte arabe. Paris, 1840. P.205.

30. Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. М.-Л., 1950. С.110; Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. С.178.

А.М.Мокеев

ЭТАПЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КИРГИЗСКОГО НАРОДА НА ТЯНЬ-ШАНЕ в XУI - сер. XУШ вв.

В новом издании "История Киргизской ССР" в общих чертах охарактеризованы главные этапы этногенеза киргизского народа и определены его основные компоненты. Вместе с тем перед историками стоит задача всестороннего рассмотрения особенностей отдельных этапов этногенеза этого, одного из древних народов Средней Азии и выяснения происхождения всех его компонентов. Как уже установлено, истоки этногенеза киргизов восходят к глубокой древности. Однако завершающие этапы формирования киргизского народа протекали на Тянь-Шане в XУI-XУШ вв., где происходил длительный процесс взаимодействия и взаимовлияния двух его основных компонентов - древних и средневековых племенных объединений Притяньшанья с собственно киргизскими племенами, переместившимися сюда в конце XУ века из Прииртышья и Алтая.

В этой связи следует отметить, что именно этот важнейший период этнической истории киргизского народа в историографии изучен крайне слабо из-за того, что все исследователи, как правило, интересовались только ранними этапами этногенеза киргизов и занимались выяснением дискуссионного вопроса: когда же киргизские племена переселились на свою нынешнюю родину?

Между тем период XУI - первой половины XУШ вв. является важнейшим этапом самостоятельного политического, социального и этнического развития киргизской народности, оказавшим огромное влияние на судьбу народа в последующие столетия на его исконно этнической территории. Важность этого периода истории Киргизстана определяется прежде всего тем, что во второй половине XУ в. в результате распада государства Могулистан киргизские племена, ранее занимавшие периферийные, северо-восточные районы этого государства переместились на свою нынешнюю родину и вновь вышли на историческую арену

Средней Азии и Центральной Азии как самостоятельный этнос.

Анализ сведений письменных источников показывает, что киргизские племена и в составе государства Моголистан вели вполне автономную и независимую от чагатайских ханов внешнюю политику, сами начинали войну и сами защищали свои земли, без участия других могольских племен. В дальнейшем, когда государственная структура Моголистана пришла в окончательное расстройство в ходе междоусобных войн, а также опустошительных вторжений калмаков Джунгарии, киргизы начинают предпринимать попытки выйти на такую экологическую нишу, где можно было бы расширить возможность ведения скотоводческого хозяйства, а также – установить непосредственные связи с крупными центрами оседло-земледельческой культуры. В результате в конце XУ в. киргизские племена сумели занять богатые пастбища района Притяньшанья и получить возможность прямого выхода к оседло-земледельческим центрам Восточного Туркестана и Ферганы.

Очевидно, именно об этих, глубоко запечатленных в народной памяти событиях говорится в китайском сочинении, составленном в 70-х годах XУШ в. "Сейчас уже прошло более 330 лет с тех пор, сообщают пинские чиновники, воспроизводя рассказ киргизских старейшин, – как они (киргизы) бежали от беспорядков и в горах (Тянь-Шаня) нашли приют". Как видно из текста источника, хронологические рамки этих событий, связанных с перемещением киргизов из отдельных лесных районов Моголистана в Притяньшанье относятся приблизительно ко второй половине XУ в.

Сама по себе эта крупная политическая акция, связанная с необходимостью освоения и заселения новых земель, поселения на этих землях и коллективной защиты вновь обретенной территории, с одной стороны вели к более яркому выявлению ощущения этнического единства, а с другой стороны требовали создания действенной этнополитической структуры и военной организации. И решающим моментом в процессе формирования киргизского народа явилось создание унаследованной от древних тюрков дуальной этнополитической организации – "Онг канат" ("Правое крыло") и "Сол канат" ("Левое крыло"), с возник-

новения которой мы можем говорить о восхождении этнической истории собственно киргизских родоплеменных объединений и местных древнетюркских и могольских племен к новой фазе – фазе сложения киргизской народности.

О времени создания подобной дуальной системы у киргизов сообщается в упомянутом китайском сочинении, составленном в 70-х годах XУШ в. "220 с лишним лет тому назад они (киргизы) сообща вели мирные переговоры и разделили население на равные части. Выделили два подразделения, выбрали из богатых двух предводителей, каждому указали владения: земли, реки, горы. Разделились на две ветви – северную и южную... Каждая делилась внутри на ветви". Хронологически указания о создании такой дуальной системы у киргизов, полученные манчжурскими чиновниками Восточного Туркестана после опроса киргизских старейшин и знатоков генеалогии, могут быть отнесены к началу XУI в. Они свидетельствуют о начале важнейшего этапа этнической и социально-политической истории объединений киргизских племен, организованных теперь не только по принципу кровнородственных связей, но и в рамках более жесткой структуры территориально-политической организации.

Создание этой дуальной организации было продиктовано не только естественно-географическими условиями Тянь-Шаня и наличием двух крупных оседло-земледельческих центров – Восточного Туркестана и Ферганы, куда соответственно тяготели родоплеменные объединения "Правого" и "Левого" крыла, но и необходимость консолидации всего населения Киргизстана под властью киргизских племен.

Как показывает сопоставительный анализ сведений таких надежных источников, как "Тарих-и Рашиди" Мухаммеда Хайдара, "Равзат ар-ризван" Бадр ад-Дина Кашмири, "Шараф-наме-йи шахи" Хафиз-и Танеша "Джами ал-Мехмат" Бахаведдина и "Тазкира-йи Ходжа Мухаммед Шариф" с данными английского путешественника А.Дженкинсона, уже по крайней мере к середине XУI в. почти вся территория современной Киргизии была заселена киргизскими племенами.

Ко времени перемещения алтайской группы киргизов на Тянь-Шань территория современного Киргизстана отнюдь не была необитаемым островом. Наряду с собственно могольскими племенами здесь проживало многочисленное домогольское тюркоязычное население, сохранившее прежние хозяйственные навыки и прежний быт.

Освободившись от политического господства моголов, древнее население Семиречья и Тянь-Шаня в сравнительно краткий исторический срок включилось в дуальную этнополитическую структуру, созданную киргизами, восприняло общее этническое наименование и в свою очередь внесло в первоначальный родоплеменной состав "левого и правого крыла" немалые изменения. Вплоть до недавнего прошлого среди киргизских племен и родов упоминались и те, кто в своих наименованиях сохранял этническую номенклатуру тюркского населения Притяньшанья домонгольского времени. К их числу следует отнести следующие племена и роды киргизов: бичине (печенег), кедигер (игдер), авват (ива), оргу (аргу), бостон, окчу, кыпчак, канды, азык, кытай, черик и др.

В дуальную этнополитическую структуру киргизов влилась и значительная часть могольских племен. Сопоставление генеалогических преданий моголов и киргизов, зафиксированных в "Маджму ат-таварих", показывает значительное сходство генеалогии Ак-Огула, т.е. "правого" крыла киргизов. Это свидетельствует о том, что первоначально могольские племена влились в основном в "правое" крыло.

В число явно могольских и общих с могольскими компонентов в составе киргизов относятся баарын, барак, дуулат, кайдуулат, керейит, кушчу, ахтачи, монгол, монголдор, барчы, нойгут, меркит, булгачы, узунджете, тумендкете и др.

До сих пор в научной литературе почти не затрагивался вопрос о консолидирующих факторах в процессе формирования киргизской народности на Тянь-Шане рассматриваемого периода. Между тем, определенную роль в консолидации пришлых и местных компонентов в единую народность сыграла религия - ислам, распространение которого всячески поддерживалось

правящей верхушкой для обоснования и укрепления своей власти над всеми племенами Притяньшанья.

Как показывают достаточно подробные сведения агиографических сочинений, составленных в Восточном Туркестане и Фергане в XУI-XУII вв., таких как "Зийа ал-кулуб", "Джилис ал-муштакин", "Рафик ат-талибин", "Джами ал-макамат", "Маджму ат-таварих", "Матлаб ат-талибин", "Тазкира-йи ходжаган", "Актаб-и тоглук-Тимур-хан" и др., исламизация пришлых киргизских племен завершилась не позднее первой половины XУI в., под влиянием новой конфессионально-культурной среды Восточного Туркестана и Средней Азии и благодаря активной миссионерской деятельности суфийских шейхов, подвизавшихся в этом регионе. Именно при активном участии суфийских шейхов были составлены новые редакции шаджере - генеалогий киргизских племен и общекиргизских генеалогических преданий, которые отражали сущность новой идеологии, порожденной с образованием на Тянь-Шане дуальной этнополитической организации киргизского общества. Однако при всем разнообразии генеалогических обоснований мнимого родства всех племен и родоплеменных объединений Тянь-Шаня, включенных в дуальную этнополитическую структуру киргизов в условиях отсутствия строго централизованного государственного управления, а также постоянных культурных и религиозных центров, главным консолидирующим фактором киргизов Тянь-Шаня в области идеологии становится эпос "Манас". Неслучайно, что именно здесь, на Тянь-Шане в XУI - первой половине XУII века происходил окончательный этап сложения этого выдающегося произведения эпической традиции киргизского народа на наддиалектном общекиргизском языке, где нашли отражение и генеалогия, и обычное право - "торе", и история народа, не столько реальная, сколько воображаемая, какую хотели бы иметь сами киргизы. Эпос "Манас" воплотил в себе прогрессивную для своего времени идею объединения племен перед лицом внешней опасности, а в образе Манаса киргизские сказители создали фигуру того идеального вождя, который мог бы встать во главе всех киргизов, сплотить их в силу, способную противостоять любому врагу. Это уникальное явление,

когда наряду с религией и другими формами идеологии основным консолидирующим фактором становится эпическое сказание, представляет собой главную особенность в развитии собственной культуры киргизской народности на Тянь-Шане.

Как показывают свидетельства письменных источников, в процессе освоения и адаптации территории Притяньшанья у киргизов сложилось комплексное хозяйство нового типа, в котором, наряду со скотоводством заметно возросла доля поливного земледелия. Сформировалось полуоседлое хозяйство со скотоводством альпийского типа (вертикальные перекочевки в горных районах Тянь-Шаня), после чего можно говорить о завершении формирования социально-экономической структуры киргизского общества.

В результате всех этих факторов в политической, социально-экономической, религиозной, идеологической и культурной областях, киргизское общество уже к концу XУI в. настолько сплотилось, что последующие трагические события в жизни народа, вызванные постоянными притеснениями со стороны могущественного Джунгарского ханства, не смогли остановить ход консолидационных этнических процессов; киргизы сумели отстоять свою независимость благодаря прочности этнополитической и социальной структуры. В дальнейшем, в XУII в. в процессе длительных контактов с казахскими кузами, некоторые казахские племена (катаган, алакчин и др.) вошли в состав киргизов. Последние значительные вкрапления иноэтнических элементов в киргизский этнос происходили во второй пол. XУII – первой пол. XУIII вв., когда значительная часть киргизских племен под натиском Джунгарского ханства временно откочевала в Ферганскую долину, в Каратегин, Бадахшан и на Памир. Эти события привели к вхождению в состав киргизской народности небольших групп узбеков, таджиков и калмыков Джунгарии.

В середине XУIII в., после разгрома Джунгарского ханства и возвращения северокиргизских родоплеменных объединений на свою исконную территорию, практически прекратились крупные миграции киргизских племен. Таким образом, к этому времени окончательно сформировалась этнополитическая организа-

ция киргизской народности, возникло ее этническое самосознание, определился устойчивый хозяйственно-культурный тип, сложилось фольклорное выражение историко-культурного единства киргизских племен и утвердилась новая религиозная идеология.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что киргизская народность является историческим наследником этнического, хозяйственного и культурного и языкового развития как местных племен, обитавших на территории Киргизстана с древнейших времен, так и тюркских племен и народностей, вышедших из Центральной Азии и Южной Сибири.

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

Е.Е.Неразик (Москва). Приаралье: некоторые экологические аспекты этнического развития 3-14

Б.И.Вайнберг (Москва). Роль экологических факторов в формировании этнической территории (по археологическим материалам из Восточного Прикаспия и Приаралья) 15-26

Л.М.Левина (Москва). Памятники джетысасарской культуры в свете этнической истории Средней Азии (середина первого тысячелетия до н.э. - УШ в. н.э.) 27-36

В.П.Яйленко (Москва). Енисейцы-кеты в этнической истории древней Средней Азии 37-49

И.В.Пьянков (Душанбе). Некоторые вопросы этнической предыстории таджикского народа 50-62

Б.А.Ахмедов (Ташкент). Значение письменных источников в изучении этнической истории народов Средней Азии и Казахстана 63-73

Г.А.Федоров-Давидов (Москва). Этнические процессы в Средней Азии в УШ-ХУ вв. (этнос и феодальное государство) 74-84

Р.Б.Сулейменов (Алма-Ата). Этногенез казахского народа: историография проблемы 85-93

Н.Э.Масанов (Алма-Ата). Этногенез казахов: проблема и метод 94-105

С.М.Ахинжанов (Алма-Ата). Этногенетические процессы на территории Казахстана в конце I тысячелетия н.э. (кимаки и кипчаки) 106-117

Б.Кумеков (Алма-Ата). Об этническом составе кипчаков XI - начала ХШ вв. по арабским источникам 118-130

А.Ч.Мокеев (Фрунзе). Этапы этнической истории киргизского народа на Тянь-Шане в ХУI-середине ХУШ в. 131-137

Художественное оформление: Т.Б.Коваль

Утверждено к печати Институтом этнографии АН СССР

Подписано в печать 25.II.90 Формат 60X84/16 8 п.л.
6.5 уч.-изд.л. Тираж 300 экз. Цена 1р20 к. Заказ №92

Участок оперативной полиграфии Института истории СССР АН СССР
117036, Москва, ул.Дм.Ульянова 19